

Еврейский журнал

- О НАС, СОУЧАСТНИКАХ
- ВСЕ КОНЧИЛОСЬ В ОКТЯБРЕ
- СЛАВНЫЙ 53-Й
- ГАЛОПОМ ИЗ ЕВРОПЫ
- ВОЙНА И МИФ
- ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ
- ПИСЬМА ЗНАМЕНИТОГО АДВОКАТА

JEWISH MAGAZINE

Editors: Eitan Finkelstein and Shimon Markish
Literary Editor: Alexandra Zalkin

Publisher Dubnow House
Elektrastr. 13
D-8000 München 81

© Dubnow House, 1991

רעד יידישער זשורנבאל

Под редакцией Эйтана Финкельштейна и Шимона Маркиша
Литературный редактор Александра Цалкина

© Издательство «Дом Дубнова», 1991

ISSN 0939-5369

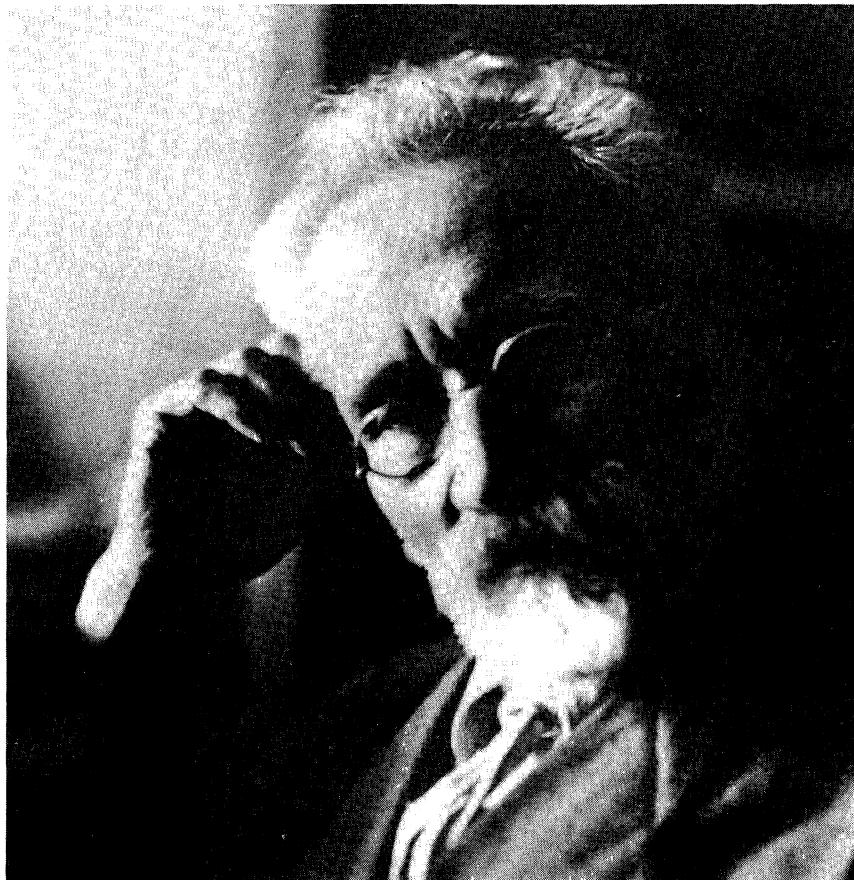
Еврейский журнал

1991

Семен Маркович Дубнов

(1860-1941)

(Из архива В. Эрлиха)

Среди развалин прежних кумиров и поспешных попыток заменить их новыми должны поднять свой голос те, которых испытания последних десятилетий отвлекли от идолов в сторону продуманных идеалов, почерпнутых из недр исторической эволюции еврейства. Они должны с полной искренностью объявить, какие уроки извлекли они из прежних ошибок, какие поправки успели они внести в свое мировоззрение... Они должны противопоставить творческую мысль умственной окаменелости одних, растерянности других и легкомысленным увлечениям третьих.

1897 г.

От редактора

Бегут. Безоглядно, бездумно бегут евреи из России.

Началось это не вчера. Первые попытки легально выехать в Израиль смельчаки-«первоходцы» предприняли сразу после Шестидневной войны 1967 года. Но и тогда, и позже, в семидесятые годы, когда страну покидали уже десятки тысяч людей, это было не бегство, а эмиграция – трудная, порой жестокая борьба за право обрести новую родину или творческую свободу, добиться профессионального успеха, обеспечить будущее детей или просто вкусить от плодов чужеземного благополучия. Они знали (или думали, что знают), к чему стремятся, и знали, что оставляют позади. И без сожалений сжигали мосты в прошлое, с надеждой смотрели в будущее.

Их набралось четверть миллиона. Они уехали.

А остальные, думали ли они об отъезде? Нет, эти оставшиеся не были пламенными советскими патриотами, ни, тем более, марксистами-идеалистами. В глубине души они не могли не отдавать себе отчета в том, что в стране далеко не все благополучно, что «самый передовой» общественный строй отнюдь не гарантирует социальную справедливость, что экономика хромает на обе ноги. Слишком хорошо было видно, кто управляет страной: бездари и корыстолюбцы. Не хуже уезжающих оставшиеся знали, что принадлежат к категории людей второго сорта. И все же они чувствовали себя органической частью огромного, как мир, и отъединенного от мира организма. Они не мыслили себя вне его уникальных структур и институтов, вне его быта, языка, культуры, истории. Пускай этот быт был изнурителен, родной язык – исковеркан, история искажена и оболгана. Пускай наука и культура в этой стране превратились в прислужниц режима, – все это было до боли свое, родное.

И те, кто уехал, и те, кто остался, равно настаивали на правильности своего выбора. И те, и другие находили веские аргументы «за» и не менее убедительные «против». К середине восьмидесятых страсти несколько улеглись; те, кому было невмоготу, отбыли, а кто решил остаться, – остались. Но подспудный, молчаливый спор продолжался. Разрешить его могла лишь история. Она это сделала, и даже раньше, чем можно было ожидать.

Около 1987 года многим казалось, что правы оставшиеся. К этому времени о жизни эмигрантов стало известно довольно много. Образовалось глубокое общественное предубеждение против эмиграции в Израиль и весьма скептическое отношение к благополучию бывших сограждан в Америке и Западной Европе. Казалось, что выгоды эмигрантского существования – материальное благополучие, личная свобода, возможность повидать мир, – перекрываются недостатками, такими, как отсутствие дружеского общения, снижение социального статуса и проч. Распространилось убеждение, что игра не стоит свеч. Тем более, что с другой стороны, то бишь в самой стране, началась неслыханная либерализация.

До перестройки было еще далеко, зато гласность обещала оставшимся многое. Она обещала положить конец политике государственного антисемитизма, отворить двери, на которых прежде значилось: «Евреям вход воспрещен». Все эти новшества не оставляли сомнений в том, что скоро откроются широкие возможности для поездок или даже выезда за рубеж. Появились надежды на возрождение каких-то форм еврейской жизни и культуры, на контакты с мировым еврейским сообществом.

Обещания гласности стали сбываться незамедлительно. Первые более или менее демократические выборы привели в союзный парламент, да и почти во все республиканские Верховные Советы не только «лиц еврейской национальности», но и тех, кто готов был говорить о проблемах еврейского населения, отстаивать его интересы. Еврейские имена появились среди окружения ведущих политиков, в средних и даже высших звеньях правительенного аппарата, в органах местного самоуправления, не говоря уже о средствах массовой информации. «Пятый пункт» перестал быть помехой для получения заграничного паспорта, и вскоре евреи составили значительную часть потока загрантуристов.

Но, пожалуй, самым неожиданным было появление еврейских культурных, общественных, спортивных и Бог весть еще каких обществ, объединений, клубов, кружков. Они возникали повсеместно по стране, не исключая и таких, казалось бы, «нееврейских» городов, как Донецк, Уфа, Свердловск. Что касается еврейских газет и журналов, то они высыпали как грибы после дождя, хотя чаще всего выходили в полукустарном исполнении, ничтожными тиражами. Короче говоря, в конце 1987 – начале 1988 г. складывалось впечатление, что еврейское население страны стоит на пороге гражданского равноправия, национального возрождения и, может быть, даже воссоздания Русско-еврейского центра диаспоры.

Но не прошло и полугода, как началось бегство. Повальное бегство.

Первыми схватились за чемоданы те, кто «не доехал» в семидесяти-восьмидесятые годы, у кого за кордоном были близкие родственники, те, кто уже успел познакомиться с заграничной жизнью, вдохнуть воздух благополучия и свободы. За первой волной беженцев последовала вторая, и лавина покатилась...

Сами эмигранты обыкновенно утверждают, что их гонит антисемитизм. Они указывают на погромное общество «Память» и ему подобные. Более распространенное мнение состоит в том, что массовое бегство вызвано не столько страхом перед погромами, сколько низким и постоянно снижающимся уровнем жизни в стране. (Американское правительство, которое теперь считает советских евреев не политическими, а экономическими беженцами, ограничило иммиграцию евреев в США.)

Что и говорить, – правы и те, и другие. Евреев гонит из СССР и невероятно обнаглевший народно-общественный антисемитизм, и катастрофическая нехватка всего и вся, и политическая нестабильность, и неуверенность в завтрашнем дне. Но несомненно и другое. Тот, кто однажды принял решение не покидать страну, мог бы приспособиться к новой форме антисемитизма, к трудностям быта, мог бы утешаться надеждой, что политическое положение обретет в конце концов устойчивость. Причина исхода глубже. Дело в том, что пошатнулся и дал трещину весь этот огромный механизм, чье гравитационное поле так долго удерживало сегодняшних беглецов.

Что толку в том, что в союзном парламенте заседает группа депутатов-евреев, если сам парламент перестал что-либо значить. Что толку от того, что приоткрылись двери университетов, творческих союзов, редакций и научных институтов,

что появилась возможность занимать престижные должности в промышленности и государственном аппарате и т.д.? Ведь под вопросом самое существование всех этих «союзов писателей», издательств, секретных и сверхсекретных «почтовых ящиков». Что толку в том, что появилась возможность делать деньги без риска угодить в тюрьму, когда сами деньги перестают что-нибудь значить?

Мир рушится, а вы говорите... Нужно бежать!

Никто не знает, во что выльется кризис, что будет со страной и что станет с ее еврейским населением. Вопросов великое множество.

Сохранится ли СССР как единое государство, а если нет, то как будет выглядеть та часть политической карты мира, что прежде закрашивалась в красный цвет?

Что произойдет на общественно-политической сцене, сумеют ли партаппаратчики вкупе с генералами и чинами КГБ удержать ситуацию под контролем или все-таки верх возьмут либерально-демократические круги? Возможна ли победа сторонников религиозно-националистического «обустройства» России? Сколько еще продлится политическая неразбериха на кремлевском Олимпе?

Как будут развиваться отношения Москвы с Западом, сохранят ли граждане возможность относительно свободно выезжать из страны?

Какие формы примет государственный и общественный антисемитизм, насколько активно и свободно будут проявлять себя юдофобские тенденции, движения и организации?

Сколько евреев захотят все же остаться в СССР, будут ли эти люди считать себя евреями, попытаются ли они отстоять уже созданные национальные структуры?

Что будет с теми, кто уходит сегодня из страны, сберутся ли они в Израиле или рассеются по разным странам? Захотят ли, смогут ли нынешние беженцы хотя бы отчасти сохранить свою культурную идентификацию, создать землячества, культурные центры? Захотят ли они, наконец, поддерживать связь с бывшим отечеством?

Именно на тех, кого волнуют эти вопросы, рассчитан наш журнал. Он обращен и к тем – евреям и неевреям, – кто не пожалеет усилий, чтобы собрать и сберечь культурное наследие российского еврейства, общественная и духовная жизнь которого достигли невиданной зрелости и глубины к концу прошлого века. Семнадцатый год положил конец существованию шестимиллионного Русско-еврейского центра как организованной общине, планомерное вытеснение всего еврейского продолжалось семь десятилетий. В сущности, теперешнее бегство евреев из страны – не что иное, как финал трагедии, начавшейся в октябре семнадцатого.

Никому из нас не дано постичь замыслы судьбы. Но если мы попытаемся честно и трезво разобраться в том, что происходило с нами и со страной в прошлом, что совершается теперь, если мы, расставаясь с Россией, сумеем спасти наш духовный и культурный багаж, нам легче будет перенести трагедию, и кто знает – может быть, мы проложим путь в более достойное будущее.

Эйтан Финкельштейн

Анатолий АХУТИН (Москва)

ОТ «МАЛОГО НАРОДА» СВОБОДНА

В прошлом, 1990 году, из страны уехали 200 тысяч евреев, в этом их уже будет 400 тысяч. К концу 1992 г. счет, говорят, пойдет на миллионы, и реальным станет окончательное решение еврейского вопроса. Оставим досужим экономистам подсчитывать невосполнимый урон, который понесет наша культурная, деловая, хозяйственная жизнь, лишившись стольких способностей, умов, глаз, рук. Кого интересует реальная жизнь, когда речь идет о верности идеалам Социализма, о социалистическом патриотизме и прочих атрибутах советской «духовности». Подумаем лучше об этой самой духовности. Что, в самом деле, означает такая гуманная ликвидация евреев для нравственного состояния нашего общества? Куда нас несет? Что за тип человека становится господствующим? Не упустим подумать и о нас самих – провожающих, прощающих, горюющих, возмущающихся бредом «патриотов» и, как повелось, молчаливо допускающих это бегство, эту эвакуацию, – о нас, русских, соучастниках...

Но почему я вдруг говорю об эвакуации, даже изгнании? Ведь имеет место просто эмиграция, никого уезжать не вынуждают – как раз наоборот, до недавнего еще времени отказывали, страшали, клеймили. А потом, почему, собственно, евреи? Едут уже и поедут, если разрешат, далеко не только евреи, еще не известно, кого будет больше. О чем же я собираюсь говорить? Неужели – с благими намерениями – мы начнем вычислять, где кончается русский и начинается еврей? Неужели и мы, по примеру наших бдительных современников, должны заняться расследованием и анализом фамилий (за отсутствием пока иных аналитических аппаратов), поиском обличающих родственных связей и прочих улик?!

По поводу первого возражения поговорим позже, а последнее в самом деле требует существенного уточнения.

Выскажу с самого начала соображение, имеющее для меня принципиальный характер. Человек одарен возможностью лица. Лицом он может отличаться от животного, лицом он может обратиться к другому лицу в осмыщенном внимании. Человечески значима не племенная разница крови, а свободная духовная самоопределенность перед лицом иного столь же свободного самоопределения. Ни кровь, ни традиция, ни культурные и бытовые установления сами собой не продолжают жизни духа, она рождается каждый раз заново в свободном самоопределении. Человеческая душа живет в лице, обращенном к духу, дух обитает в слове, обращенном к слову. Здесь входим мы в смысл духовно, культурно, человечески значимых различий.

Существует великая вековая традиция Израиля, обращенная словом к любому, желающему слушать и отвечать. Существуют такие глубинные темы европейской культуры, как взаимоотношение еврейской традиции и христианства, как внутреннее, далеко не однозначное соотношение Ветхого и Нового Заветов или библейского и эллинского начал внутри самого христианства. Существует история европейской культуры как части европейской – в эллинистической Александрии, в средневековой Испании, во влиянии талмудизма на схоластику, в сложных взаимоотношениях каббалы, неоплатонизма, мистики и зарождающейся новоевропейской науки. Существует также и проблема еврейства в истории России, идет ли речь о событиях внутри традиции (как, например, возникновение хасидизма) или о художественном раскрытии ее в литературе на идиш, в песнях, в живописи, или же, наконец, о процессах ассимиляции. Словом, существует история совокупной европейской культуры, но существует и кровопролитная история благообразного варварства разного толка.

Нам, к сожалению, придется заняться этим поворотом вопроса. Положение евреев, отношение к евреям, само существование «еврейского вопроса», наконец распространность и злокачественность антисемитизма – все это, осмелюсь утверждать, менее всего связано с национальными, тем более – культурными проблемами. Когда антисемитизм выходит за пределы бытовухи, берется всерьез и «углубляется», в его кругозор включаются отнюдь не только евреи. Подобно тому, как в нацистской Германии к евреям сразу же пристегнуты цыгане и прочие «низшие расы», которых евреи были избраны представлять, так и в нашем родном антисемитизме евреи – только центр кристаллизации, вокруг которого наращиваются скрытые сионисты, масоны, примасоненные и т.д. В Германии, к примеру, немцев, не разделявших нацистских убеждений, называли – «белые жиды». За подходящей кличкой не станет дело и у нас. Все это характеризует социально-психологическую ситуацию, в которой собственно национальный вопрос – при всей его возможной остроте – отнюдь не главный. Полюса здесь образуют вовсе не русские и евреи. Категории людей, человеческие типы за этими масками – другие. И если И. Шафаревич предпочитает говорить о «малом народе», то это не только стыдливый эвфемизм, но и отвлечение, абстракция, необходимая для создания нужной мифологии. Речь, стало быть, пойдет не только о евреях, и поэтому мои заметки обречены страдать неопределенностью.

Ниже я постараюсь ответить на следующие вопросы:

Кому нужна Россия, свободная от евреев?

Где истоки этой «нужды»?

Что все это значит для русского человека и русской культуры?

Тоталитарная масса

Новый исход евреев, бесстыдное узаконение антисемитизма в публичном сознании, программное и организационное утверждение сил, именующих себя антисионистами, – все это не только свободное проявление стихий, таившихся в советском человеке, не только симптом нашего нравственного перерождения, но и свидетельство глубинных социально-политических сдвигов.

Среди множества переживаемых нами кризисов и катастроф не слишком привлекает к себе внимание одна из наиболее грозных проблем – демографическая.

Происходят серьезнейшие изменения в составе активного населения. Разумеется, первым делом уезжают или стремятся уехать люди западной складки: предпримчивые, самостоятельные, прагматически мыслящие, да хотя бы просто наделенные здравым смыслом, не замороченные идеологией, чаще всего квалифицированные, владеющие гражданскими профессиями, – словом, люди необходимые как раз здесь и сейчас, в ситуации, требующей практических инициатив и решений, в обществе, одержимом мифами, призраками, страхами.

Вместе с тем параллельно идет другой процесс. Не так давно вернулись солдаты с афганской войны – войны преступно абсурдной, кровопролитной, проигранной – вернулись, затаив кто знает какие чувства, ибо война никого еще лучше не делала, а такая и подавно. Из Монголии и Восточной Европы возвращаются войска. Там они были относительно обеспечены и устроены, а здесь их неустроенность пытаются оправдать чрезвычайным положением и необходимостью наводить очередной железный порядок. Каждый год выходят из нашей мирной армейской службы «выжившие», прошедшие школу расчеловечивания, обученные чему угодно, только не мирным профессиям. Сотни тысяч беженцев из районов экологических бедствий и национальных столкновений вырываются из нормальной жизни, лишаются своих профессий, социальной защиты, будущего. В любом случае они обречены на резкое и непоправимое снижение уровня жизни и общественного положения. Растет скрытая и явная безработица, главным образом среди молодежи. Все это вполне реальный и мощный демографический процесс, чреватый катастрофическими взрывами.

С одной стороны, мы утрачиваем людей худо-бедно цивилизованных, с другой – растет масса людей, выброшенных из нормального жизненного уклада, брошенных государством на произвол судьбы, до крайности поддающихся идеологическим внушениям, агрессивно накаленных. Поначалу они слабы, несчастны, слепы. Но несколько лет бытовой неустроенности, положения изгоев общества, и люди, доведенные до отчаяния, люди, которым нечего терять, не станут теоретизировать: решительный вождь, простой лозунг, милитаризация – и вот это возмущенное, бродящее население превращается в однородную массу, именуемую классом, народом или «верными», знающую один закон: кто не с нами, тот против нас! Разве не масса сорванных с земли крестьян, дезертировавших солдат, оторванных от станков рабочих, люмпенов стала реальной силой, с помощью которой большевики захватили власть? Разве не на формирование такой же массы была направлена деятельность нацистов в те десять лет, которые понадобились, чтобы змеиное яйцо созрело? Мы тоже пребываем пока в переходном периоде: есть масса неустроенных, беспризорных людей; есть непоколебленные партократические структуры; есть социалистический, то есть административно-командный, уклад хозяйства, воплощенный в военно-промышленном комплексе* ; есть и свежая национал-патриотическая идеология, способная овладеть массами и вдохновить всех генералов, будь то от армии, от партии или от союза писателей. Чем глубже развал экономики

* До сих пор мы все гадали, когда был сделан роковой социалистический выбор, кто обрек нас на него и что, собственно, он означает: уничтожение крестьянства, построение работающей на себя индустрии, эксплуатацию человеческих и природных ресурсов на полное истощение?.. На днях все выяснилось. Вряд ли кто станет теперь отрицать, что социалистический выбор – это выбор военно-промышленного комплекса, в самом деле прекрасно планируемого, централизуемого, аккуратно поглощающего государственный бюджет, производящего никому не нужный, но грозный «товар».

и выше напряжение в обществе, тем ближе эти блоки друг к другу. Они уже находят друг друга, сцепляются разными боками, нащупывают правильную диспозицию. Им все больше и больше мешают цивилизованные, нормальные, попросту домашние люди, которых они привыкли звать мещанами, индивидуалистами, гнилой интеллигенцией, космополитами, евреями. Инородцев, иноверцев, рассеянных среди «нас», живущих в мире своего дома, своего дела, своих книг, своих идей, своих звуков, – как их мобилизовать? Ведь даже если мы вообразим толпу евреев, то – в отличие от любой другой толпы – увидим только людей, насильно согнанных, жмуящихся друг к другу, ожидающих, обреченных...

Стоит вдуматься в характер происходящего, как мы обнаружим давно знакомые черты. Перманентная демографическая революция, сопровождающаяся ломкой цивилизованных институтов, происходила у нас всегда. Таково условие стабильного существования любой тоталитарной системы.

Дух тоталитаризма лучше всего передается словами «монолитное единство». Монолитное единство – это вечная идея монопольной власти, которая не может существовать в сложных, юридически и экономически обеспеченных структурах гражданского общества. Основная задача тоталитарной власти – превращение граждан в однородную бесправную массу, которую идеология называет народом. Но народ, с которым коммунистическая партия могла бы вступить в нерушимое единство, на дороге не валяется. Ни марксистский «пролетариат», ни общинное крестьянство не могли служить социальной базой складывающемуся режиму. Опираясь на массу, уже созданную войной, «народ» надо было еще сделать путем беспощадной переработки первичного материала, методами постоянного разрушения и перелопачивания всех естественно сложившихся связей – национальных, религиозных, профессиональных, наконец, семейных и даже – а может быть, в первую очередь – личных. Методами искусственного террористического отбора, нравственного развращения и идеологического оболванивания надо было вывести новую породу людей на земле под названием «мы – советские люди». Подлежало упразднению все инородное, все могущее нарушить монолитное единство, все, что обладало хотя бы призрачной автономией, будь это научное общество или любительский клуб. Причем дух единства, дух общего дела и общей верности важнее формальностей. В общенародном государстве может быть самая демократическая конституция, мощные государственные институты, научные учреждения и пр. – тоталитаризм держится не внешней деспотией, а добровольным, постоянно воспроизводящимся отказом от прав, общественно санкционированным препоручением всех полномочий вождю, единодушной поддержкой, всенародным одобрением, просьбами «вернуть нам смертную казнь», «ввести чрезвычайное положение» и т.д.

Монолитное единство реально существует только в негативной форме перманентной чистки, освобождения от «чуждых элементов». Вот почему понятие «чуждый элемент» встроено в сознание советских людей. Содержание же «чуждости» может определяться по-разному – как классовое, расовое, религиозное или иначе. Современные «инородцы», «пришельцы», люди «внутренне чуждые всему нашему» – просто переименование подобных кличек, которые советский человек не уставал придумывать от колыбели. Дело нисколько не меняется от того, что советский человек решил назвать себя русским и продолжить чистку уже в этом качестве.

Социализм становится тоталитарным, когда он доходит до социализации человека. Обобществление частной собственности – только средство. Главное – обобществить человека, лишить его последней собственности – собственной личности. Вот почему сама система советского социализма по природе своей выталкивает из

себя все необществляемые «элементы», т.е. людей, так или иначе сохранивших сознание собственного неотчуждаемого достоинства, чем бы это сознание ни держалось: сословным или национальным самосознанием, профессиональным талантом, художественной одаренностью, научным авторитетом, религиозностью, личной честью или попросту любовью к своему дому, семье, близким. Все эти инородные элементы подлежали уничтожению. В период террористического становления система искореняла их, уничтожая и выталкивая в лагеря, в период репрессивной стагнации она добавила к лагерям гуманную ликвидацию высылкой за рубеж. Не стоит же верить ее нынешним функционерам, когда они жалуются на утечку умов. Утечка эта губительна для страны, но спасительна для системы.

Я вынужден был напомнить эти простые, давно выясненные характеристики тоталитаризма, чтобы уяснить реальный контекст и, стало быть, настоящий смысл проблемы. Сегодня, в условиях временной свободы, все выходит наружу, происходит выброс стихийных сил, таившихся в реакторах советской системы. Плакаты оползают, и на физиономии советского человека мы обнаруживаем национал-патриотическое выражение. Оно, конечно, привычнее и кондовее, но речь идет не о национальном возрождении, а о восстановлении в новом качестве вида «хомо советикус», сколько бы этот «хомо» ни клял революцию, Ленина, большевиков и евреев. Национал-патриотические силы, выраждающие смысл угрозы наиболее явно, возрождают вовсе не русское национальное самосознание, а то, что оборвалось со смертью Сталина в 1953 г.

Если именовать сталинизмом не личный режим Сталина, а этап естественной эволюции большевистской идеологии, я думаю, наиболее точно можно определить смысл этой эволюции как *нацификацию большевизма*. Именно сталинский нацифицированный большевизм и определяет дух новой «духовности». Национал-патриоты могут питать русские имперские амбиции, исповедовать идеологию русского почвенничества, даже православие – питающей их почвой остается сталинский нацизм, и пусть нас не обманывает их антибольшевизм, плач о русской земле, андреевские флаги и крестные ходы. На почве сталинского нацизма, в духе сталинского патриотизма сходятся необольшевики нико-андреевского «Единства», комсомольцы-почвенники, «заединники», ветераны и фронтирующие художники, испытанные коммунисты и православные неофиты, генералы и поэты, литературные мастодонты развитого социализма и люберецкие неформалы, интеллектуалы, со знанием дела развивающие историософию жидо-масонского заговора, и бесхитростные молодчики «Памяти», крестящиеся на серп и молот. Перед нами не розовый восход русской культуры, а мракобесие, буйствующее на ее развалинах. Что ярче их слов и дел может засвидетельствовать горькую истину: в нашей общей тяжкой беде – катастрофической утрате человеческого качества – Россия потерпела горше других.

В самом деле, до какой степени надо было сокрушить и разрушить русскую культуру, чтобы ее могли представлять «Союз русского народа» и «Черная сотня»?! В какой кромешный мрак нужно было погрузить русскую душу, чтобы она могла умиляться слаженным декорациям, наспех построенным на пепелище, и молча попустительствовать убийству священника?! Разве только природа разорена, только земля истощена и отравлена?! Такие же гнилые болота, солончаки и пустыни, такая же радиация царят в психической стихии «хомо советикус». Он-то и внушает боязнь, «фобию», а слово «русофобия» только лукавая подмена. Или за танками Язова опять стоят сионисты, и не нам, а евреям придется расплачиваться за Тбилиси, Баку, Ригу, Вильнюс?!

Нацификация

Совестливую русскую культуру лучше вообще не вспоминать в связи с нашими национал-патриотами. Мы остаемся в стихиях родного сталинизма, испускающего тяжелый нацистский дух. Этот стучащийся запах, чувство нарастающей угрозы перекрывают все расчеты и резоны, заставляя людей сниматься с насиженных мест и бежать. Ни культура, ни элементарная цивилизованность в такой атмосфере существовать не могут, и не евреи, а люди нормальной, цивилизованной жизни и европейской культуры изгоняются из нашей страны. Антисионистский пафос нынешнего «национального возрождения» – безошибочный симптом того, что перед нами не национальный вопрос, не развитие спора «славянофилов» и «западников», даже не спор православия и иудаизма, а результат и продолжение семидесятилетней борьбы с культурой под флагом тоталитарной идеологии. В этой идеологии, в России сталинского мифа следует искать истоки, к которым зовут вернуться «патриоты».

Мое утверждение состоит в том, что национал-патриотическая идеология представляет собой последнюю стадию большевистского тоталитаризма, или *национал-коммунизм*. На этом необходимо остановиться подробнее.

Не раз уже отмечалось, что антисемитизм, нацизм и тоталитаризм – моменты одного идеологического комплекса. Собственно национальные задачи имеют здесь десятистепенное значение. Национализм должен утвердиться как форма социального, государственного обобществления человека и тотальной мобилизации национального государства в достижении всемирно-исторической мессианской цели – лишь тогда он приобретает тоталитарно-нацистский характер. С другой стороны, интернациональный поначалу коммунизм как форма обобществления человека неизбежно отливается в тоталитарную форму общенародного государства, мобилизующего социально прогрессивную нацию на исполнение ее всемирно-исторической миссии. Общей чертой этих разнородных одержимостей является антисемитизм, причем не бытовой, а именно метафизический, мистический, инфернальный, понятый как «последний и решительный», эсхатологический бой с воплощением мирового зла. Гитлер с этого начал, Сталин к этому пришел. Менять многое не понадобилось, стоило только слегка переиначить вековечную борьбу советских людей против заговоров мировой буржуазии или американского империализма. Внешнеполитическое сближение СССР и Германии перед войной объясняется вовсе не только тактическими соображениями, оно обусловлено внутренней конвергенцией советского интернационал-социализма и германского национал-социализма.

Родившись в чаду проигранной войны как идеология национального возрождения и построения единой великой Германии, национал-социализм вскоре «углубил» мистику национальной идеи до универсальной расовой мистерии. Германия как страна победившего нордического типа призвана была возглавить всемирную, интернациональную борьбу с низшими расами и прежде всего с еврейством. С полным идеологическим правом цитировали нацисты слова Дж. Чемберлена, сказанные еще в конце XIX в.: «Сегодня Бог ведет свое строительство, опираясь только на германский народ».

Большевизм развивался противоположным образом – от интернационально-классовой идеологии к имперскому мессианизму с национальными корнями. «Пролетариат», уже Марксом наделенный мессианской ролью, предельно мистифицируется в России, превратившись в апокалиптическую силу всемирного освобождения. Революционная практика, однако, нашла воплощение этого «пролетариата» в денационализированных, деклассированных, лишенных всех знаков состояния массах,

которые впоследствии будут названы просто «трудящимися». С другой стороны, сосредоточенным, концентрированным, действующим воплощением «новых людей» стала партия нового типа, железная когорта профессиональных революционеров, ставящая целью тотальный государственный переворот и диктаторскую монополию власти. Сама структура подобной власти требует единого «субъекта» – вождя, партии, государства, способного возглавить прорыв. Возможность построения социализма в одной стране Ленин объявил еще до захвата власти. В скором времени на этой почве начинается соединение классового мессианства и государственного величия, пролетарского интернационализма и советского патриотизма.

Уже в 1919 г. большевики стали говорить о Советской России как государственном оформлении диктатуры пролетариата в его революционных мировых войнах. Борьба классов превращается в классовую войну. После победы «пролетариата» в гражданской войне акценты меняются. Уже не пролетарии всех стран борются со своей буржуазией, а Советская Россия, *отечество пролетариата*, противостоит капиталистическим государствам. Государственные интересы Советского Союза совпадают с интересами прогрессивного человечества. Сталину оставалось немногое: облечь дух международной революции в имперский мундир. Когда в СССР путем усиления классовой борьбы было учреждено бесклассовое общество и построено общенародное государство (*Volksgemeinschaft* – по-немецки), можно было пускать в ход патриотизм, соединив идею мировой революции с идеей российской великороджавности. Переориентация идеологии начинается с 1930 г., и к 1936 г. линия «нового патриотизма» становится генеральной (восстановление званий, учреждений, регалий; разгром исторической школы М.Н. Покровского; дело математика Н.Н. Лузина, в котором впервые возникла тема «низкопоклонства перед Западом»). После войны Stalin продолжает нацификацию идеологии. Начало холодной войны с Западом отмечается развертыванием откровенно антисемитской кампании. И здесь, впрочем, официально говорилось не столько о евреях, сколько о «космополитах». «Космополитом», правда, мог оказаться любой человек, отмеченный какой бы то ни было инородностью по отношению к «советским» людям.

Таковы, на мой взгляд, истоки, почва и традиция нынешнего национал-патриотизма. Антизападническая патриотическая тема занимает и в послесталинской идеологии место ничуть не меньшее, чем тема коммунистическая. Разорение страны шло, как у нас повелось, под умильные напевы о полях и березах, о беззаветной любви к Родине. Все это время под сенью официального патриотизма продолжало зреть и набираться сил сталинское черносотенство, одновременно начали складываться полуофициальное и вовсе диссидентское почвенничество, русский национализм традиционного толка и православно-националистические течения.

Между тем русская политическая, идеологическая, историософская мысль шла в эмиграции своим путем. И ее не миновал искус тоталитаризма, но из своего собственного опыта, равно как и из горького опыта XX века, она сумела извлечь уроки. Поскольку и мы сегодня пытаемся усвоить этот урок – чему посвящены, в частности, и мои заметки, – намечу некоторые вехи пройденного эмигрантской мыслью пути.*

Столь популярную нынче у нас идеологию еврейско-большевистского заговора

* Хотел бы обратить особое внимание на замечательную книгу Б. Варшавского «Потерянное поколение». Н.-Й. Изд-во им. Чехова. 1956 г.

против России привезли в Германию русские эмигранты крайне правого толка. Из России же в Европу попали и пресловутые «Протоколы сионских мудрецов». Ведущий идеолог нацистского мифа Альфред Розенберг – родом из Эстонии, получил диплом архитектора в Московском университете, чуть было не стал большевиком, но в 1919 г. уехал в Мюнхен. Не вызывает сомнения, что русское черносотенство удобрило почву, вскормившую гитлеризму.

Разумеется, людям, наделенным толикой здравого смысла, не приходило в голову связывать историческое событие с заговором. Серьезная русская мысль скорее уж склонялась к излишней эпичности, отличалась историософской крупномасштабностью. Хотели увидеть за большевистским переворотом действие глубинных исторических сил, осознать революцию как событие русской истории, разгадать надиндивидуальную ритмику жизни, которая привела к ней, и в этом смысле – понять и принять этот трагический катаклизм. Здесь-то и таился тоталитаристский искусств. В криках людей стремились услышать поступь Истории, жизнь своего рода объективного Духа, и в этом мистическая историософия Народа не слишком отличалась от гегельянско-марксистской науки об исторических законах.

Первое, что казалось очевидным, это полный крах кадетского демократизма и идеологии правового государства. Связанные с этим гуманистические ценности столь же решительно отвергались. С. Булгаков устами генерала в диалоге «На пиру богов», Н. Бердяев в «Новом средневековье», сменовеховцы, евразийцы – все утверждали, что большевизм может быть грубо, но в конечном счете вернее выражает дух русского народа и русской истории, чем либеральные утописты.

Евразийцы истолковывали революционные страдания России как тяжкий труд народа, взявшего на себя всемирно-историческую миссию поворота русла истории на Восток.

Сменовеховцы видели в большевизме прежде всего сильную власть, призванную диктаторскими методами способствовать великодержавному развитию России.* Их лидер Н.В. Устрялов формулирует идею национал-большевизма.

30-е годы в Европе вообще могут быть названы эпохой торжествующего тоталитаризма. Идеал «здравого» общества и автократической власти затмил европейское сознание. Симпатии разделялись только между итальянским фашизмом, германским нацизмом или советским коммунизмом.

В среде русской эмиграции в это время также формируются явно нацистские идеологии и движения вроде «Объединения пореволюционных течений» (кн. Ю.А. Ширинский-Шихматов), «Союза Младороссов» (А.Л. Казем-Бек), «Солидаристов». В 1939 г. в Харбине состоялся уже 4-й съезд Всероссийской фашистской партии. Схема этих идеологий нам знакома: национально-социалистическая солидаризация общества в автократическом общенародном государстве, тотальная мобилизация национального организма сверхнациональной миссией – неважно, мистически или «научно» обоснованной. И если нынешние историософы скажут, что именно содержание миссии, смысл великой цели и важен, я не стану пускаться в школьные рассуждения о цели, которая не оправдывает средств, и форме, которая

* В.В. Шульгин писал в «1920», что, по сути дела, «...большевики: 1) восстанавливают военное могущество России; 2) восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов; 3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского».

определяет содержание. Речь идет не об учениях и рассуждениях, а о роковых блужданиях духа, выпавших на долю XX века.

Русская эмиграция так или иначе участвовала в исторической жизни. В результате собственного трагического опыта молодое поколение русской эмиграции осознано недопустимость превращения индивида в момент «симфонической личности», в орган национального тела, в средство достижения великих целей. Была вновь признана фундаментальная ценность западной демократии с ее формальным правом, деидеологизированностью, автономией индивида. «Потребовалось страшное испытание войны, – пишет историк этого поколения Б. Варшавский, – чтобы стало ясно, что у человечества нет другого выбора: или западная демократия, или мир концлагерей, террора, принудительного труда, принудительных идей и чувств».

Кн. Ширинский-Шихматов, изобретший национал-социализм задолго до Гитлера, в 30-е годы очистил свою программу от всяких реминисценций черносотенного антисемитизма, хотел во время оккупации зарегистрироваться евреем и носить желтую звезду. Как и многие из поколения сыновей, воевавших на стороне французской армии, участвовавших в Сопротивлении, он мученически погиб в немецком концлагере. Весьма показательна в этом отношении также и идеологическая эволюция Народно-трудового союза.

Мы же здесь, только вылезши из-под глыб рухнувшего, казалось, сталинизма, стали размышлять на эти темы и вынуждены были повторить все уже пройденные этапы, заменяя одну форму тоталитарной идеологии другой, гораздо более знакомой, более родной, коренной, почвенной – и стократ поэтому более опасной.

Разумеется, быть в соседстве с «Памятью» малоприятно, надо от нее постоянно откращиваться. Но если дело пойдет и военно-патриотическая «идея» объединит коммунистов с националистами, вся эта публика будет признана социально... виноват, национально близкой. Кресты заменят звезды или, наоборот, коммунизм будет расти прямо из русской почвы, а «единодушное одобрение» недолго переименовать в «соборное согласие». Руководителям военно-промышленного социализма нетрудно понять, что коммунизм поизносился и монополию их власти гораздо надежнее обеспечит национально-патриотическая идеология, на почве которой можно еще какое-то время пользоваться природными и человеческими ресурсами страны. Но для этого Россия должна стать *Judenfrei*. Почему?

Потому что евреи и подобные им плохо поддаются национализации. Во-первых, они остаются неисправимыми частниками, семьянинами, обывателями; во-вторых, они воплощают собою западный материализм, меркантилизм, индивидуализм, бездуховное потребительство и накопительство; в-третьих, они нынче защищают формальную демократию, ставят человеческие права выше общенародного дела, индивида выше коллектива; в-четвертых, они по природе своей стремятся изолироваться от народа, в котором живут; в-пятых, потому что они-де стремятся захватить главные идеологические узлы общественной жизни и проникнуть во все поры; в-шестых, коварно осуществляют свой сионистский заговор и т.д. Как и положено мифотворчеству, складывающийся образ способен объединить самые разные, даже взаимоисключающие качества. Еврей сосредоточивает в себе и персонифицирует все инородное нацистски-тоталитарному единению.

Основная идея национализма – автономия, независимость. Он направлен против имперской или против соседней нации. Антисемитизм ему не свойствен, но антисемитизм – верный признак нацистской идеологии, т.е. национализма, мобилизованного сверхнациональной миссией и переводящего национальное объединение на тоталитарные рельсы. Всемирный и по природе своей не обобществляемый еврейский «элемент» воплощает для нацизма инородность как таковую. Отсюда и

вырастает миф о сионизме, который, как всегда в таких случаях, предельно откровенно говорит о творцах этого мифа.

Вот почему Россия, которую покидают евреи, – это Россия, движущаяся к национал-социализму, которому инороден не еврей, а человек.

Блуждающие звезды

Отойдем, однако, от социо-политических монстров XX века. Все человеческие проблемы в них до неузнаваемости искажаются. Они поглощают, деформируют, подменяют и пропитывают своим тяжелым злоказнеческим духом все человеческое: религию, энтузиазм, любовь к отеческим гробам и родному пепелищу, доблесть и преданность, ум и страсть. Они бросают тень на используемые ими доктрины, философские учения, идеологии. Прежде чем использовать, они опустошают их, лишают смысла, драматизма, глубины. Когда мы торопимся связать философию Ницше или Хайдеггера с нацизмом, а Гегеля или Маркса с большевизмом, мы говорим об этой тени, а не о философии.

Кто, впрочем, станет спорить, что философии всегда грозит опасность окостенеть в идеологию, а идеологии – политизироваться, превратиться в однозначное руководство к действию. Тотально оболванивающей становится предельно упрощенная и кажущаяся предельно ясной идеология, построенная на однозначных утверждениях и отриятиях, насыщенных простыми и сильными эмоциями. Сомнения, рефлексия, внимание к возражениям – противопоказаны. Полемика недопустима, возможна только идеологическая борьба...

Сближение германского и русского нацизма с советским большевизмом перестанет казаться натянутым и нарочитым, если мы вспомним идеиные связи и полемику XIX века. Безусловно, в идеологии русского нацизма текла славянофильская кровь. Славянофильскую идеологию эксплуатируют как умеют и наши новые почвенники. Само же славянофильство питалось, как мы знаем, не только почвой русской общины и духом православия, оно уходило корнями также и в почву немецкого романтизма. С другой стороны, идеология русских социалистов западнического направления во многом строилась на почве той же немецкой философии. Гегель стоял в центре. Славянофилы шли от него через Шеллинга и Баадера к своей архаической утопии, революционеры шли от Гегеля через Фейербаха и Маркса к своей футуристической утопии. И той, и другой форме *русской идеологии* от начала и до позднейших времен, когда она породила философию общего дела Н. Федорова, язычески-православные мистерии символистов, технократические утопии футуристов, присущи роковые черты: образ общественной жизни как общего дела, в которое человек включается идеократически и социалистически; образ общенародного, надклассового, сакрализованного, идеально-автократического государства; резкое отталкивание от буржуазности, от гражданского устройства общества, от формального права, либерализма, индивидуализма, правовой автономии человека.

Но сочиняя спасительные проекты общего дела, *русская культура* с удивительной чуткостью хранила христианский опыт личного бого-сыновства, или абсолютной значимости каждого человека, и трагическую озадаченность участью одиночек, уделом тех, кого телегиою проекта переезжает Новый человек. В тяжелозвонком топоте Великой Империи, в реве разбуженных ею стихий слух Пушкина различает жалкие и бессмысленные угрозы «бедного Евгения». Частный человек был произведен Пушкиным в дворянство, ему была вручена неотчуждаемая часть, «тай-

ная свобода» личного самостояния, неподвластная ни Царству, ни Народу. Неистовый гегельянец В.Г. Белинский обращается к своему философскому патрону с абсурдным требованием отчета во всех жертвах мирового духа; жест, повторенный Иваном Карамазовым, возвращающим билет в царство гармонии, построенное на слезах ребенка. В «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевский глубочайшим образом подрывает метафизику и социопсихологию идеократического абсолютизма. О пушкинской «тайной свободе» вновь вспоминает на пороге ночи А. Блок. Свеча Б. Пастернака, светившая и в этой夜里, отщепенство и дезертирство со всех фронтов Юрия Живаго... Все это постоянно хранимая память о том, что не вмещается в тотальный мир мистических или научных историософий и идеологий, та предельная чуткость нравственного слуха, которая породила художественный опыт великой русской литературы. Свое слово миру Россия сказала своей литературой – оно-то и было услышано.

Русская литература хранила «тайную свободу» человеческой души и вместе с тем напряженнейшей мысли, стоящей на своих ногах, идущей и впрямь нехоженными путями. Но кто в русской философии попытался сделать именно эту мысль средоточием и основой разумения мира, кто попытался сделать выводы из трагического противостояния «разумной» гармонии общего и «неразумного» страдания единичного?

Сын еврейского коммерсанта из Киева, автор «Апофеоза беспочвенности», философ библейского экзистенциализма Лев Шестов как никто другой усвоил философский смысл хранимого русской литературой опыта. Распознал он и библейское звучание этого голоса. Философски пробужденный Шекспиром и Ницше, он поставил в центр своих размышлений опыт русской литературы, прежде всего Толстого и Достоевского, переместив тем самым философское внимание в странную область, не освещаемую естественным светом разума, неподвластную законам всеобщего добра, – в места, лишенные метафизической почвы, соседствующие с теми безднами, откуда человек может взвывать только прямо к Богу, живому Богу Авраама, Исаака, Иакова, а не к Богу метафизической этики. В откровениях русской литературы, в откровениях трагедии, катарги, смерти Шестов уловил дух новой философии – философии XX века.

В противоположность классической европейской метафизике, в противоположность русской религиозной философии соловьевской традиции, полностью соответствующей строю этой метафизики, Шестов услышал в русской литературе тот самый зов из бездны, который он слышал с детства и знал по Книге книг, который звучал ему из грядущего XX века, из его войн, революций, лагерей и газовых камер, – зов людей, устранныемых «объективным» ходом истории, ликвидируемых общим делом, требующим монолитного единства и однородности, не терпящим необобщаемых инородцев, людей частных, странных, «маленьких», «лишних» – как бы их там ни называли.

Разве каждый, кто осмеливается быть собой, всего лишь самим собой, кто желает быть перед лицом Бога вместе со своими близкими и вечными собеседниками, в каком бы веке и краю они ни жили, – разве каждый из нас, одиночек, не попадает в черту оседлости, не готов к внезапной погромной кампании со стороны строителей и перестройвателей коммунизма, русского царства, великой державы, со стороны советских, русских, православных, заединщиков, закоперщиков, забубенщиков... Частный человек, имеющий смелость противостоять «нам», читающий не то, что принято, общающийся не с теми, пишущий что ему Бог на душу положит, а не то, что Родина велит, – вот кто истинный инородец, отщепенец, космополит, жид.

С тою же глухой самоуверенностью, с какою нынче И. Шафаревич мысленно изгоняет из культуры Шенберга и Пикассо, Кафку и Бродского, совсем еще недавно убивали, высыпали, изгоняли, исключали Мандельштама и Шаламова, Зощенко и Ахматову, Пастернака и Л. Чуковскую. Вовсе нет необходимости быть евреем, чтобы считаться «не нашим», «чужеродным». «Затравленность и измученность, — писала на опыте знавшая о чем говорит М. Цветаева, — вовсе не требует травителей и мучителей, для них достаточно — самых простых нас, если только перед нами — не свой: негр, дикий зверь, марсианин, поэт. Не свой рожден затравленным». Сказано это в эмиграции по поводу самоубийства поэта Бориса Поплавского. Не правда ли, сколь естественным в этом перечислении было бы еще одно слово — «еврей»? Вечный странник, изгнаник, изгой, «одна за всех, на всех, противу всех», М. Цветаева так и сказала:

В этом христианнейшем из миров
Поэты — жиды.

И не евреев ли рассеяния описывают следующие строчки:

Есть в мире лишние, добавочные,
Невписаные в окоём.
(Нечислящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма — дом).

Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие — навоз,
Гвоздь — вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые, невидимые:
(Знак: лепрозориумов крап!)
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы — когда б:

Поэты мы — и в рифму с париями...

Разве трудно заметить еврейские черты Акакия Акакиевича Башмачкина? Он тоже живет в изолированном нищенском микрокосме, рассчитывает, скопидомничает, ужимается, тоже питает почти талмудическую страсть к букве, самому ее начертанию, тоже счастлив своим нехитрым делом и также враз все теряет. И в крике Акакия Акакиевича, летевшем из глубин бесконечной площади, не «социальный вопрос», а отчаяние и недоумение Иова, вопрошающего Бога: «Зачем Ты меня обижашь?»

Но ведь Иов был избран Богом. И не такова ли богоизбранность Израиля? Не столь же ли грозным вниманием отмечена Россия? Не так ли вообще Бог избирает человека среди людей, чтобы он умудрился в страхе? Опыт рассеянного и как бы

оставленного Израиля предельно близок здесь опыту русского человека, неприкаянного странника, рассеянного в пространствах своей Родины. Разве что в еврейской среде больше и терпеливее тяга к земному устроению, к домашнему очагу, к тому, чтобы все было «как у людей». Русским же дом, быт, место в жизни заранее предоставлено, они «у себя». Но некий странный дух влечет нас от домов, превращает в «блуждающие звезды» и «очарованных странников», и как близки друг другу оказываемся мы в этом духе!

Откровения русской литературы, конечно же, принадлежат христианству. Христианству должно быть особенно близким и понятным положение божьего народа, рассеянного в мире. Стоит лишь вспомнить о ранних христианах. Римляне, почти полностью коллекционировавшие все религии сколько-нибудь традиционного и национального толка, видели в христианах подозрительных чужаков, безродных космополитов, нигилистов, «врагов законов, нравов и самой природы», изуверов и тайных заговорщиков – словом, «малый народ», опасный для благосостояния «большого народа» Римской империи. И в нынешнем мире, среди его народов, государств, сверхдержав и мировых религий евреи рассеяния ближайшим образом воплощают собой удел человека как такового – не защищенного никакими божественными, естественными или государственными законами странника, изгнанника.

Новое, значимое для христиан откровение о человеке и Боге написано XX веком на языке лагерной пыли и дыма крематориев. Это откровение беспредела зла. Оно запечатлено в опыте евреев и русских, и если этот опыт не будет усвоен, никакой Бог нам не поможет. Мы связаны с евреями одним, смертельно значимым для всех опытом. Мы связаны с евреями в этом опыте еще крепче, чем два Завета в одном Писании.

Казалось бы, здесь идеологические стенки должны стать прозрачными – так очевидна крестная страда человека в судьбе евреев, в вековых гонениях, в повседневной ненависти и презрении, наконец в Голгофе XX века, во Всесожжении. Так ведь, казалось бы, очевидна общность человеческой гибели под тяжкими монументами тоталитаризма – гибели, в которую евреи и русские проложили первый и широкий путь. Но, видно, путь этот должен быть пройден до конца.

Слух и онемение

Только нравственная чуткость искусства и художественная тонкость редкого религиозного опыта замечает свет этих звезд, блуждающих во тьме, – немых пророков, рассеянных по лицу Земли, фантастических богоумудров, одиноких философов, ученых, музыкантов, чудных странников. Русская метафизика всеединства была слишком классична, ей не хватало динамического персонализма библейского опыта и его острой историчности. В иерархии органической целостности исключительное и внезапное если и имеет место, то как бы за чертой оседлости. Органическое мировоззрение всегда обречено удивляться: «Неужели и Саул во пророках?», «Не Иосифов ли это сын?...» Мудрено ли, что не юдофил и знаток иудаизма В. Соловьев, а идейный антисемит, но любитель слова, библейской поэзии и русской литературы, умевший слышать в речевой интонации интимнейшие движения души, – В.В. Розанов – расслышал в музыке еврейского голоса, «дребезжащего, старого», – благородную наивность, древнюю серьезность и чистую доверчивость («Апокалипсис нашего времени»)? В ответ же из недр «христианнейшего» народа слышится только: «Ж-ж-ид прок-ля-тый!..» Вековой этот ор и мат гонит отнюдь не только евреев. Он глушит и гробит саму русскую душу, ее чуткость, восприимчивость,

абсолютный художественный слух ко всему одинокому, отверженному, не принятому в расчет.

И ведь заметьте, насколько близки в своей «филологичности» русский и еврейский слух. Как Розанов уловил своим слухом, изощренным на русской речи, первоизданную божественность речи библейской и рассыпал в музыке деликатной фразы простую чистоту души, так еврейско-русский разночинец, великий поэт и «филолог» Осип Мандельштам рассыпал в розановской «литературе», в ее разговорах, ворчаниях, нежностях и признаниях эллинистическую породу русской речи. Они оба были почвенниками русского языка и знали, что «„онемение“ двух, трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти». Кто, кроме еврея, «филолога» милостью и заповедью Божией, может испытывать такую всепоглощающую любовь к русскому слову, русской речи и литературе? К тому же он от природы обладает той мерой отстраненности от языка, при которой любовь к слову рождает поэзию, литературоведение, историю литературы. Может быть, любовь эта и впрямь помогла нам не онеметь за семьдесят лет советского безъязычия и сохраниться в истории. Может быть, оттолкнув эту любовь, замкнувшись в жестоковынной самобытности, мы утратим слух не только к иной речи, но и к своей собственной, а стало быть, выпадем из исторического бытия. Ведь к этому ведет не столько политическая или экономическая, сколько культурная самоизоляция.

Дух, которым живет и человек, и народ, – не вещь, а энергия. Он либо собирается в любви и внимании, воплощаясь в слове и слухе, либо его теряют в растерянности и злобе, замыкаясь в языческом поклонении своему, а то и вовсе в звериной ощеренности, чующей только кровь.

Менее всего утратили мы способность строить спасительные идеологии, все объясняющие учения, глубокомысленные историософии. Но художественный слух и нравственная чуткость русской литературы вытравлены в нас основательно. Потому-то мы так послушны и бесчувственны. Что нам до других! Но не чувствуя, не слыша уходящих, мы утрачиваем «филологический» слух, способность разуметь, что сказано нам в великих Писаниях не только Израиля, но и России.

А теперь скажите на милость, что делают здесь эти люди – имя им легион, – которые берутся жестяным, казенно-уголовным советским языком говорить от имени русской литературы, когда каждый оборот их газетной риторики и пивного фольклора выбалтывает только глухую немоту души, не вedaющей, что она кричит и творит? На протяжении стольких лет Союз советских писателей методично исключал себя из русской литературы, полагая, что изгоняет из своей дружной семьи лишь «малый народ» разных отщепенцев. Теперь говорят о каком-то возвращении, воссоединении. Но уже на заре этого Союза его будущим членам раз и навсегда ответил О. Мандельштам в «Четвертой прозе»: «Какой я к черту писатель! Пошли вон, дураки! ... Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе и в особенности в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского племени...»

Наученный свободе Богом и словом, О. Мандельштам относил к литературе только произведения неразрешенные, как бы заранее предназначенные в самиздат. Да и сам он был едва ли не первый диссидент – не политический «волк», а поэт, человек чести, интеллигент...

В действительности русские и еврейские мальчики встретились, конечно, не в литературе, а в разночинной, народнической среде, за интеллигентским чаем. С тех пор этот чай не кончался, и свет на кухне еще горит. До всяких эсдеков и

эсеров, эрфуртских программ и аграрных вопросов их свела обнаженная совесть и связал кодекс гражданской чести. То самое, что сводило их и сто лет спустя за «Хроникой текущих событий», за сбором посылок в лагеря, перед дверями закрытых судов. (...Святые! – сказал Г. Федотов о народниках. – Только безумец может отрицать это!) В самом деле, какая тут почва – ни русского, ни иудея, безытные квартиры, книги, дети, собаки,nochлежники, разговоры, стихи, застолья... Не почва, но воздух, без которого все бы вокруг, кажется, задохнулось и оглохло. Дома, куда можно было прийти среди ночи, друзья, которые приходили внезапно, иказалось, что жить еще можно. Все это исчезает. В следующем году в Иерусалиме?..

А ведь, пожалуй, это все та же тема русской литературы, если взглянуть на нее иным взглядом. Не начался ли интеллигентский протест восклицанием «бедного Евгения»: «Добро, строитель чудотворный! Ужо тебе!» Не дух ли Акакия Акакьевича начал срывать шинели с министерских и генеральских плеч? Не прощептал ли инок Алеша Карамазов: «Расстрелять!»? Такое впечатление, что сами интеллигенты вышли из русской литературы. Трагедия была перенесена в жизнь. Весь этот призрачный, фантастический, творимый в голове мир переходил из литературы в революционную практику, когда мысль вместо фантазий находила однозначную идеологию, проект общего революционного дела, – мы это уже проходили. Тут не нужно было никакого марксизма, темная русская почва во множестве рождала Ткачевых, Нечаевых, Верховенских, Шатовых. Или «Бесы» – роман о сионистах?

Литература собирает идеологии в одно сознание, стягивает их в единую совесть, привлекает к ответу друг перед другом, наделяет разумным словом. Идеологии, напротив, стремятся закрыть уши и громче, эмоциональнее, целеустремленнее провозглашать свое. Они разрывают, изолируют, оглушают, одуряют, делают живую человеческую душу жестким орудием для достижения своих целей.

Истинная культура, как и истинная религия, космополитична, она живет вселенским духом. Это не значит, разумеется, что, подобно «советскому человеку», она лишена признаков нации, эпохи, пола. Космополитизм означает бытие миром, в едином мировом гражданстве, в со-бытии, со-разумении, со-вести, со-знании. Нынче такое мировое согражданство не утопический проект, а тривиальное условие всеобщего выживания. Сама европейская культура есть живейший пример такого согражданства. В ее истоках лежит не почва, а море, Средиземное море, изначально сообщавшее друг другу окружающие его миры. Сначала греко-малоазийский мир, затем Александрийская империя, затем Рим. Духовным средиземноморьем позднейшего времени стало христианство – не как доктрина, а как дух общения. Ныне речь идет о мире в целом. Речь идет не о всеобщем усреднении, а напротив – о сознательном самоопределении в этом мире.

Возвращение к корням – это возвращение не в темную глубь племенного язычества, а в культуру; для нас это значит – возвращение в Европу. На этом пути, как я пытался показать, особо intimные нити связывают нас с евреями. Порою меня останавливает мысль – в уходе евреев из России уж не знак ли божественного проклятия: «Се, оставляется вам дом ваш пуст!»

Григорий АРОНСОН*

ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

I. Русское еврейство и февральская революция

Вопрос об отмене всех ограничений, связанных с национальностью и вероисповеданием, был поставлен на очередь в первые же дни после февральской революции. В первой программной декларации новой власти, вышедшей из совещаний Временного комитета Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, пункт «Об отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений» был выдвинут на одно из первых мест.

Я.Г. Фрумкин, бывший в то время членом «Политического бюро при депутатах-евреях», поделился своими воспоминаниями о ходе работы по подготовке декрета о равноправии:

«Революция 1917 г. разрешила вопрос о равноправии в положительном смысле. Ни с какой стороны не было возражений против того, что все граждане должны быть равны перед законом. Для выработки соответствующего декрета министр юстиции А.Ф. Керенский образовал особую комиссию..., членом которой был Л.М. Брамсон. Последний был в постоянном контакте с беспрерывно заседавшим Политическим бюро. Бюро высказалось за то, чтобы не было издано специального декрета о равноправии евреев..., а чтобы декрет носил общий характер и отменял все существующие вероисповедные и национальные ограничения.»

Было признано желательным, чтобы в текст декрета было включено перечисление всех содержащих такие ограничения статей Свода законов, которые теперь подлежали отмене. К составлению исчерпывающего списка таких законов были привлечены юристы-евреи, считавшиеся специалистами по данному вопросу. Подготовленный этой комиссией законодательный акт был единогласно одобрен Временным правительством 20 марта 1917 г. и опубликован № 15 «Вестника Временного правительства».

Вводная часть этого исторического акта гласила:

«Исходя из убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть каждого не может мириться с ограничениями

* Григорий Аронсон (1887, Петербург – 1968, Нью-Йорк). Еврейский общественный деятель левого направления. Публицист. Впервые статья была опубликована под названием "Еврейская общественность в России в 1917–1918 гг." в сборнике "Книга о русском еврействе", часть 2, Нью-Йорк. 1968 г. Публикуется с небольшими сокращениями.

отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения, Временное правительство постановило: все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются.»

Акт заканчивался списком ограничительных актов, числом около 150, подлежащих отмене. Подписан акт министром-председателем кн. Г.Е. Львовым, всеми министрами, обер-прокурором Синода В. Львовым, государственным контролером В. Годневым и управляющим делами Временного правительства В. Набоковым.

24 марта евреи-члены Четвертой Государственной думы М.Х. Бомаш, И.Б. Гуревич и Н.М. Фридман и члены Еврейского Политического бюро М.С. Алейников, А.И. Браудо, И.И. Гринбаум, О.О. Грузенберг, Н.И. Каценельсон, М.Н. Крейнин, В.С. Мандель, И.А. Розов, Г.Б. Слиозберг, Я.Г. Фрумкин и М.И. Шефтель посетили министра-председателя князя Г.Е. Львова. От лица депутатии член Государственной думы Н.М. Фридман произнес речь, в которой приветствовал Временное правительство по случаю издания Акта о равноправии.

В тот же день еврейская депутация посетила Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. От имени депутатии с речью к комитету обратился Н.М. Фридман, после которого говорил О.О. Грузенберг. На эти речи ответили тов. председателя Исполнительного комитета М.И. Скобелев и председатель – Н.С. Чхеидзе.

Февральская революция 1917 г. была встречена евреями во всей России с большой радостью и надеждами. Крушение монархии и провозглашение основ демократической государственности, сопровождавшееся отменой национальных и вероисповедных ограничений, были восприняты всеми слоями еврейского населения как начало новой эры в истории многострадального русского еврейства. Однако тяжкая война, приведшая к немецкой оккупации большой части русской территории, рост хозяйственной разрухи, дороговизна жизни и трудности, связанные с созданием в этих условиях свободных политических учреждений, вносили немало горечи в сознание широких кругов еврейского населения.

В 1914 г. национальный коллектив русского еврейства составлял до 6 миллионов человек, но в 1917 г. Варшава и ряд литовских общин, традиционно и органически связанных с русским еврейством – таких как Вильно, Kovno, Grodno, Bialystok и др., находились под немецкой оккупацией и были поэтому оторваны от событий, происходивших в России. Во время войны царскому правительству пришлось «временно» уничтожить пресловутую черту оседлости и открыть для беженцев и «выселенцев» многочисленные пункты внутренней России. Но еврейство, уменьшившееся численно наполовину – до трех миллионов, не могло уже явиться тем крупным фактором в российской действительности, каким оно было до войны. Еврейские общины, которые были налицо – Минск, Витебск, Гомель в Белоруссии, Киев, Одесса, Харьков, Екатеринослав на Украине, – не могли компенсировать потерю той национальной энергии, которую до войны излучали общины Варшавы и Вильны.

Тем не менее с февраля 1917 г. в русском еврействе началась новая жизнь.

В Петрограде, где революция началась и где происходили основные исторические события того времени, представители русского еврейства проявляли на каждом этапе революции свое активное участие. С первых же дней революции началось оживление в общественных и политических кругах еврейства. Стали появляться на поверхности политические партии. Началась подготовка созыва съездов и конференций. Возобновилось издание органов печати на идиш, придушенных в

1915 г. военной цензурой. Появились «Петроградер Тагеблат» под редакцией И. Гринбаума, Ш. Розенфельда и Х.Д. Гуревича, непериодическое издание «Фрайе Ворт» при участии Д. Бергельсона, Л. Квитко, Нистора, стал выходить на иврите еженедельник «Гоам», вышла газета Бунда «Арбейтер Штиме» и т.д. Общественное оживление выразилось также в созыве различных съездов, в том числе и еврейского учительского съезда. В Витебске состоялась конференция еврейских кооперативов Северо-Западного края. В Москве был созван съезд «Любителей древнееврейского языка» во главе со знаменитым поэтом Х. Бяликом.

Виднейшие еврейские адвокаты – М.М. Винавер, О.О. Грузенберг, И.Б. Гуревич и Г.М. Блюменфельд – были назначены сенаторами. Циркулировали слухи о том, что некоторые еврейские деятели получили приглашение занять министерские посты. Летом 1917 г. в «Еврейской Неделе» (№ 22) появилось сообщение о том, что «министр юстиции А.С. Зарудный предложил Л.М. Брамсону пост товарища министра юстиции. Л.М. Брамсон отказался за перегруженностью общественными делами». Но насколько мы могли установить, за все время существования Временного правительства в его состав из общественных деятелей-евреев входил только кадет С.В. Лурье (тов. министра торговли и промышленности), а в министерство труда, также на правах тов. министра, меньшевики С.М. Шварц и А.М. Гинзбург-Наумов. А.Я. Гальперн был управляющим делами одного из составов Временного правительства. Руководящую политическую роль в Совете рабочих и солдатских депутатов и затем во ВЦИКе Советов, наряду с И.Г. Церетели и Н.С. Чхеидзе, играли Ф.И. Дан-Гурвич (меньшевик), М.И. Либер-Гольдман (Бунд), Рафаил А. Гоц (соц.-рев.) и Л.М. Брамсон (народный социалист). Лидерами интернационалистской оппозиции в Совете были Ю.О. Мартов-Цедербаум (меньшевик) и Р.А. Абрамович-Рейн (Бунд).

На первом Всероссийском съезде Советов (июнь-июль 1917 г.) по докладу М.И. Либера по национальному вопросу была принята резолюция о признании за всеми национальными меньшинствами права на культурное самоопределение.

II. Еврейские партии

Уже в первые дни марта 1917 г. еврейские социалистические партии вышли из подполья. Лидеры Бунда приняли активное участие в организации Совета рабочих депутатов в Петрограде, а Г.М. Эрлих и вскоре прибывший из ссылки М.И. Либер заняли в Совете видные места. В Совет вошли также представители других еврейских социалистических группировок – сионистов-социалистов, сеймовцев и «Поалей-Цион». На 15 марта была созвана конференция сионистов-социалистов и сеймовцев, на которой состоялось объединение этих двух групп под названием «Ферайнингте» (Объединенные), с Центральным Комитетом в Киеве.

Первая свободная конференция Бунда состоялась в Петрограде 14-19 апреля. На ней было 83 делегата, представлявших десятки организаций. На конференции был выбран первый легальный Центральный Комитет во главе с Айзенштадтом, Либером, Вайнштейном, Эрлихом и Рафесом. В него вошли также Абрамович и Литвац, которые в то время еще не вернулись из эмиграции. Следует подчеркнуть, что на первой стадии революции наблюдалось чрезвычайно толерантное отношение со стороны несоциалистических группировок к евреям-социалистам, особенно по отношению к Бунду.

В конце марта состоялось бурное собрание в Еврейском клубе в Петрограде под руководством М.М. Винавера и Г.Б. Слиозберга, на котором во время выступ-

ления оратора-бундовца кто-то из публики крикнул: «Долой бундовцев!» Винавер тотчас же заявил протест против этого возгласа и сказал, что «Бунд шел в авангарде революционного движения, и мы приветствуем эту партию». В зале раздались возгласы: «Браво!». Тогда же на собрании Группы Демократического Объединения И. Ефрейкин в своем политическом докладе заявил: «Лучшая заслуга Бунда в том, что эта партия принципиально сломала стены гетто. Бунд – это первая еврейская партия, которая выставила не только еврейские, но и общечеловеческие задачи.» Однако эта терпимость недолго удержалась в еврейской общественности. Партийная и групповая борьба все больше обострялась, и конфликты следовали один за другим. А.А. Гольденвейзер в своих «Киевских воспоминаниях», опубликованных в «Архиве русской революции», отметил, что когда в первые недели марта был создан «Совет объединенных еврейских организаций города Киева», социалисты на первом же заседании демонстративно покинули Совет, заявив, что он и по составу, и по политическим настроениям не может считаться истинным представительством еврейских масс. Отсутствие взаимного понимания между социалистической и несоциалистической частью еврейства давало о себе знать чем дальше тем больше.

Оживление и рост активности наблюдались и в несоциалистическом секторе еврейской общественности. В Петрограде возник Еврейский Народный Союз, куда вошли М.Н. Крейнин, А.В. Залкинд, С.Л. Цинберг и др. В Москве организовалась еврейская ортодоксальная (религиозная) партия во главе с раввином М.М. Нуровым под названием «Свобода и Традиция», в Петрограде – аналогичная партия «Нэцах Израиль», в Киеве и других городах – «Агудат Израиль».

Еврейская Народная Группа, возглавляемая М.М. Винавером, приступила к выработке новой программы, которая включала следующие пункты: 1) Еврейская община ставит своей целью удовлетворение национально-культурных и религиозных потребностей еврейского населения. 2) В еврейской школе проводится изучение еврейского и древнееврейского языка. В школе сохраняется религиозно-обрядовый элемент. 3) Права родного языка гарантируются всюду, где евреи составляют не менее 1/5 населения. 4) Предусматривается создание Главного совета Всероссийской общинной организации.

24 мая в Петрограде открылся Всероссийский сионистский съезд, на котором выступили с приветствиями и несионисты. Было оглашено приветствие председателя Совета рабочих депутатов – Н.С. Чхеидзе. Председательствовал на съезде Е.В. Членов, который отметил роль с.-д. фракции Государственной думы в борьбе против угнетения еврейского народа при старом режиме. На этом же съезде образовалась новая группировка во главе с И. Шехтманом, И. Фишером и др., которые называли себя «активистами» и подчеркивали свою связь с находившимся за границей В.Е. Жаботинским и созданным им для борьбы за Палестину еврейским легионом.

Следует отметить, что представители умеренных еврейских групп призывали еврейство кдержанности. К характеристике этих тенденций приведем отрывок из речи М.М. Винавера, произнесенной им в Еврейском клубе в Петрограде 11 марта: «Мы гордимся, что и мы приняли участие в революции. Нужна, однако, не только любовь к свободе, нужно также самообладание. Вся Россия должна теперь стать... консервативной, чтобы удержать добывтое...»

III. Еврейская общественность в провинции

В первые месяцы после переворота во всех центрах еврейского поселения в

России наблюдались такие же подъем и оживление, как и в Петрограде. Евреи, входившие в разные политические группировки, приняли активное участие во всех общеполитических попытках объединения на местах. В Советах рабочих и солдатских депутатов еврейские социалистические партии были повсюду широко представлены. Еврейские несоциалистические группы проявляли заметнуюдержанность, когда речь шла об общих политических акциях; влияние евреев-кадетов почти повсюду было невелико, и представители этого течения с развитием революционных событий все более отходили в тень. Сионисты с каждым месяцем замыкались в собственном партийном кругу, дистанцируясь от проблем общей политики, и в этом направлении пытались увлечь за собой еврейские массы.

С первых же дней ставился вопрос о создании новых демократических еврейских общин, но самые выборы по техническим причинам откладывались. На Украине и в Белоруссии выборы в общины происходили уже в 1918 г. – после октябрьского переворота и Брест-Литовского мира, когда вся Украина и часть Белоруссии были заняты немецкими войсками.

Киев, в силу своего центрального положения на Украине, играл особенно важную роль. С европейской точки зрения Киев имел значение и потому, что именно там функционировала Украинская Центральная Рада и ее органы и здесь складывались еврейско-украинские отношения этой бурной эпохи. В первые же дни революции в Киеве был создан «Совет объединенных еврейских организаций», в состав которого вошли представители от всех существовавших в городе еврейских общин, союзов, синагог и т.д. В мае Советом было создано областное совещание, на которое прибыли представители из еврейских общин большинства городов юго-запада и юга России. Но уже во время второго заседания представитель Бунда М. Рафес в резкой форме обрушился на составлявших на совещании большинство ортодоксов и сионистов и со всей делегацией бундовцев демонстративно покинул зал. На состоявшихся в июле 1917 г. выборах в киевскую Городскую думу кандидаты бундовцы были включены в список «Социалистического блока» (с.-д. и с.-р.), кандидаты от Объединенной еврейской социалистической партии и «Поалей-Цион» выставили свой отдельный список, а представители Совета объединенных еврейских организаций, сионистов и ортодоксальной группы «Агудат Израиль» выставили список «Еврейского демократического блока». Выбрано в Городскую думу было 7 бундовцев, 3 еврейских социалиста и 5 представителей «Демократического блока».

В Минске во время выборов в Городскую думу несоциалистические группировки составили «Еврейский национальный блок». Из шестнадцати представителей блока было 5 сионистов. Десять бундовцев прошли по общему социал-демократическому списку. «Поалей-Цион» и сионисты-социалисты провели каждый только по одному гласному. Таким образом, на 102 гласных в Минске прошло от еврейских партий 28 гласных.

Картина выборов в Городскую думу в Витебске была такова: бундовцы шли вместе с меньшевиками и эсерами в «Социалистическом блоке», получившем 10 тысяч голосов, и провели 11 гласных. «Ферайнигте» шли самостоятельно и провели 5 гласных. «Агудат Израиль» и «Кнесет Израиль» – группировки сионистов и ортодоксов – провели соответственно 8 и одного. «Фолькспартий» провела одного гласного. Среди кадетов и кандидатов Союза торговцев и промышленников были также евреи, как и в общероссийских партиях, входивших в «Социалистический блок».

Евреи приняли деятельное участие в местной и муниципальной работе и в ряде городов вне черты оседлости. Так, в Москве, где большинство избранных в Думу

гласных примыкали к социалистам-революционерам, председателем Городской думы был выбран известный народоволец О.С. Минор, в Минске председателем Думы был избран член ЦК Бунда А. Вайнштейн (Рахмиэль), в Екатеринославе городским головой был избран Илья Полонский (меньшевик), а в Киеве товарищем городского головы – А.М. Гинзбург-Наумов (меньшевик). В Петрограде в состав городской Управы входил С.Д. Щупак (бундовец), председателем Городской думы в Саратове был Д. Чертков (бундовец).

Соотношение сил внутри еврейства сказалось на результатах выборов в еврейские общины, которые в течение 1918 г. были проведены в разных городах на началах всеобщего голосования и по пропорциональной избирательной системе. Следует, однако, отметить, что эти выборы проходили при довольно пассивном участии еврейского населения и значительном абсентеизме избирателей. В Минске, например, подали голоса всего около 25% избирателей. При этом большинство голосов получили сионисты и «Агудат Израиль».

В Киеве на выборах в общщину победили сионисты, и их лидер Н.С. Сыркин был избран председателем общины. В Одессе большинство мест получили сионисты и бундовцы.

IV. Евреи на московском Государственном Совещании

В середине августа 1917 г. в Москве состоялось Государственное Совещание, созванное Временным правительством на основе представительства различных учреждений и общественных организаций. Среди многочисленных ораторов, выступавших на этом Совещании, было предоставлено слово и представителям национальностей. Для подготовки выступления от евреев состоялось еврейское собрание представителей разных политических групп. Мне как делегату на московском Государственном Совещании привелось присутствовать на этом собрании. При обсуждении вопроса о форме еврейского выступления было решено, что следует произнести две речи: одну – от социалистических группировок, другую – от несоциалистических. Оратором от несоциалистических группировок был намечен О.О. Груzenберг, а от еврейских социалистов выступал Р.А. Абрамович (Бунд). Речь Абрамовича была согласована с представителями других еврейских социалистических партий.

Для характеристики политических настроений того времени приведу выдержки из их речей, произнесенных от имени русского еврейства на московском Государственном Совещании.

Речь Р.А. Абрамовича

От имени всех еврейских партий, от имени еврейского пролетариата и еврейской революционной демократии я делаю следующее заявление: еврейский пролетариат и все еврейские трудящиеся массы всегда рассматривали себя как часть российской трудовой демократии. Вместе с пролетариатом всего мира они боролись за осуществление идеалов демократии и социализма...

Наши надежды осуществились. Революция пришла и принесла долгожданную свободу всем народам всей России и открыла возможность также еврейскому народу занять место как равному среди других народов свободной России...

Свободная Россия стоит, однако, и сейчас перед страшными и великими испытаниями. Победа революции еще не закреплена. Страна стоит перед опасностью военного разгрома на фронте и контрреволюции внутри... Реакция поднимает голову, и вместе с ней начинают подыматься над страной темные тени прошлого, антисемитская и погромная агитация. И поэтому мы с особенной остротой ощущаем, что каждое ослабление революционной энергии народов России, каждый поворот направо

неизбежно и в первую очередь отзовется тягчайшим образом на положении еврейских трудящихся масс и что только полное закрепление завоеваний революции, только последовательная демократизация всей жизни страны может навсегда положить конец угнетению еврейского народа в России и обеспечить ему все политические и гражданские права и национальное самоуправление, в котором он нуждается.

Программа органов революционной демократии, предложенная Всероссийскому Государственно-му Совещанию товарищем Чхеидзе, есть и наша программа ближайших требований. Принцип права на самоопределение, гарантированный всем народам России всю сумму их национальных прав, – этот принцип отвечает национальным потребностям всех трудящихся наций, в том числе и евреев.

Со всей энергией, на какую мы только способны, мы будем поддерживать органы революционной демократии и опирающееся на них Временное правительство в их усилиях защитить страну и революцию и достичь всеобщего мира на принципах, выдвинутых российской революцией.

Речь О.О. Груzenberga

В эти страшные дни, когда решается судьба России, когда во многих русских городах и селах развеваются вражеские знамена и повсюду началась ужасающая разруха, – в эти дни еврейский народ, разделенный, как и все народы, на многообразные социальные классы и политические партии, охвачен единственным чувством преданности своей родине, единой заботой отстоять ее целостность и завоевания демократии...

Еврейский народ стремится к общему согласию и порядку для того, чтобы успокоенная родина могла сосредоточить все свои силы на завершении наиглавнейшей сейчас задачи. Пока почетный мир для нас еще недостижим, надо напрячь все помыслы и силы на неотложном деле обороны. Еврейский народ готов отдать этому делу все свои материальные и интеллектуальные силы, отдать самое дорогое, весь цвет – всю свою молодежь...

V. Вопрос о созыве Всероссийского Еврейского съезда

Уже в первый месяц февральской революции во всех еврейских политических группировках стал обсуждаться вопрос о созыве Всероссийского Еврейского съезда. Идея такого съезда вызывала общее сочувствие. Эта идея соответствовала старым программным требованиям историка С.М. Дубнова и его «Фолькспартеи», и теперь к ней стали присоединяться и деятели разных социалистических течений, как И. Ефрайкин, В. Лацкий-Бартольди, Н. Штиф и др. Мысль о создании еврейского центра, который мог бы представлять еврейский национальный коллектив в России перед органами революции и выработать формы национального самоуправления, разделялась почти всеми еврейскими политическими группировками, включая и сионистов.

26 марта в Петрограде было создано обширное совещание для обсуждения вопросов о Всероссийском Еврейском съезде. На этом совещании никто не отказался от участия в предполагаемом Всероссийском съезде, но возникли острые разногласия по вопросу о задачах и порядке дня съезда. Сионисты настаивали на том, чтобы на съезде подвергся обсуждению вопрос о Палестине и о еврейских притязаниях на нее после войны. Другие партии считали необходимым, чтобы в порядок дня съезда был поставлен вопрос о положении евреев в других странах – в Польше, Румынии и т.д. Бунд решительно выступил против такого расширения программы съезда и добивался того, чтобы съезд занимался только вопросами, непосредственно касающимися русских евреев. Спорящие стороны придавали своим требованиям ультимативный характер. На состоявшемся в Петрограде 1 мая новом совещании и Бунд, и сионисты заявили о своем отказе участвовать в предстоящем съезде. Положениеказалось безвыходным. Тогда возникла мысль созвать для подготовки съезда предварительную конференцию в надежде мирным путем преодолеть конфликты и найти какой-нибудь компромисс. 25 мая было принято решение созвать конференцию на июль 1917 г. На конференцию были приглашены

представители 13 городов, в которых проживало не меньше, чем по 50 тысяч евреев (Одесса, Екатеринослав, Петроград, Харьков, Москва, Киев, Бердичев, Минск, Гомель, Витебск, Бобруйск, Елисаветград, Кременчуг). Согласно модусу представительства на конференции, каждый город посыпал четырех делегатов, избираемых от местных еврейских организаций. Кроме того получили представительство политические партии на местах, из расчета – один делегат на 3000 организованных членов, равно как и центры всех еврейских партийных группировок, а также три бывших депутата-еврея 4-й Государственной думы (д-р Бомаш, д-р Гурвич и Фридман).

Всероссийская Еврейская конференция открылась в Петрограде 16 июля. Присутствовали делегаты всех перечисленных выше городов, а также представители центральных комитетов всех еврейских политических партий и групп. Председательствовал на конференции М.Н. Крейнин. С речами, главным образом на идиш, выступали представители всех партийных групп.

По вопросу о программе Всероссийского Еврейского съезда со стороны сионистов и Бунда были вновь выдвинуты ультиматумы. Прения продолжались в течение нескольких дней, но, наконец, было достигнуто соглашение и намечена следующая программа съезда: 1. Съезд вырабатывает основы национального самоуправления евреев в России. 2. Съезд должен определить формы гарантий прав еврейского национального меньшинства. 3. Съезд имеет целью установить переходные формы общинной организации русского еврейства. 4. Съезд также обсудит вопрос о положении евреев в других странах (в Польше, Палестине, Галиции, Румынии и т.д.).

Был выбран Организационный комитет по созыву Всероссийского Еврейского съезда, в президиум которого вошли представители всех партий. Комитет постановил провести выборы на съезд в начале декабря 1919 г. Однако после октябрьского переворота стало ясно, что проведение сколько-нибудь нормальных выборов уже невозможно. Можно было предвидеть, что новая власть не разрешит созыва Всероссийского Еврейского съезда, так как большевиков в среде еврейской общественности не было, и, следовательно, съезд оказался бы объединенным представительством элементов, настроенных против советского режима...

Прошло несколько месяцев, был заключен Брест-Литовский мир, а Украина и Белоруссия оказались под оккупацией немецкой армии. Тем не менее в кругах еврейских общественных деятелей вновь созрело намерение поднять вопрос о созыве Еврейского съезда. Представители Бунда были против этого плана, но большинство групп высказывалось за создание Временного Национального совета, включив в его задачи, кроме подготовки созыва съезда, обсуждение текущих вопросов еврейской жизни. Заседание 24 марта 1918 г. закончилось выборами президента Временного Национального совета в составе М.Н. Айзенштадта, М.С. Алейникова, С.М. Дубнова и Г.Б. Слиозберга.

Судя по сведениям, появившимся в печати, Национальный совет не проявлял, да и не мог проявлять никакой активности, если не считать происходивших время от времени совещаний петроградских еврейских деятелей.

Весна 1918 г. была полна печальных вестей о погромах на Украине и в Белоруссии. Еврейское население на местах было охвачено тревогой. На территории советской власти после разгона Всероссийского Учредительного собрания уже явно ощущалась атмосфера гражданской войны. Шли аресты, даже расстрелы. В начале июля 1918 г. произошло восстание левых эсеров, сопровождавшееся убийством немецкого посла графа Мирбаха. В августе Фанни Каплан покушалась на Ленина. Большевики объявили начало массового «красного террора». Уцелевшие еще органы небольшевистской печати были закрыты, и единственным источником информа-

мации как о западном мире, так и о том, что происходит в России, остались официальные советские газеты.

VI. Еврейские общественные настроения и октябрьский переворот

Нет оснований замалчивать тот факт, что в октябрьском перевороте приняла активное участие группа евреев-большевиков, примкнувших к Ленину, что они в качестве его ближайших сотрудников сыграли печальную роль в уничтожении зачатков демократической государственности, заложенных в Февральскую революцию при Временном правительстве, и в установлении на смену ей коммунистической диктатуры. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов, Урицкий, Володарский и др. связали свои имена с разгоном Учредительного собрания и с террористическим режимом первых лет советской власти. Из истории еврейства этих страшных лет нельзя вычеркнуть их имена, как нельзя не упомянуть о деятельности многочисленных евреев-большевиков, работавших на местах в качестве второстепенных агентов диктатуры и причинивших неисчислимые несчастья населению страны, в том числе и еврейскому.

Следует, однако, констатировать, что все эти лица еврейского происхождения не имели ничего общего с еврейской общественностью, отрицали существование еврейства как нации и всячески отрекались от своей принадлежности к еврейству.

После октябрьского переворота порой еще удавалось созывать совещания и съезды ограниченного характера, посвященные еврейской проблеме. Тем не менее было ясно, что в условиях Брест-Литовского мира и оккупации немецкими властями Украины и Белоруссии для еврейской общественности в ограниченных рамках советской территории почти не оставалось почвы для деятельности. В оккупированных немцами областях еще проходили выборы в общинны и делались попытки отстоять некоторые формы самоуправления. Но там, где хозяйничала Москва, для еврейских группировок, особенно несоциалистического сектора, уже совершенно не оставалось места. Да и еврейские социалисты, находившиеся в оппозиции к режиму, были исключены из ВЦИК Советов и подвергались репрессиям. Члены этих партий – так же, как и члены общероссийских социалистических партий, – были вынуждены вести существование, лишенное сколько-нибудь прочной легальной основы. Как известно, только небольшая группа левых эсеров, среди руководителей которой было несколько еврейских имен (Марк Натансон, И.З. Штейнберг, Б. Камков-Кац), в течение нескольких месяцев поддерживала политику Ленина и разделила ответственность за разгон Учредительного собрания, но к лету 1918 г. и эта группировка порвала с большевистской властью и вскоре также стала жертвой террористического режима.

Бывший деятель Бунда М. Рафес, ставший коммунистом в конце 1919 г., попытался следующим образом передать настроения в еврейских социалистических партиях накануне октябрьского переворота. После объединения сионистов-социалистов с сеймовцами, по его мнению, в этой партии укрепились националистические тенденции. У «Поалей-Цион», напротив, росли пробольшевистские, левые настроения. Что касается Бунда, то, по мнению Рафеса, после выступления большевиков в июльские дни и мятежа Корнилова в Бунде усиливаются настроения «центра» (речь идет об интернационалистах, руководимых Абрамовичем). Несмотря на внутреннюю борьбу течений в Бунде, все члены партии, однако, единодушно оставались противниками захвата власти большевиками. А когда октябрьский переворот произошел, «на правом фланге Бунда кристаллизуется группа», – пишет Рафес,

– бундовцев-активистов во главе с Либером в центре, с Аронсоном – в Белоруссии и правыми – в Одессе, которые считают октябрьский переворот контрреволюцией». Настроения у «Ферайнигте» развиваются в том же направлении, что и в Бунде, и только часть поалей-ционистов на первых порах сочувствует большевикам. Лишь в 1919-21 гг. начались расколы во всех еврейских социалистических партиях, и наблюдался значительный переход их членов к коммунистам.

Однако тот же М. Рафес вынужден отметить, что к январю 1926 г., во время партийной переписи выяснилось, что в составе РКП оставалось всего 2463 бывших бундовца, перешедших к коммунистам в полосу расколов. Это показывает, что к коммунистам, вообще говоря, перешло относительно немного членов Бунда. Ведь в 1917 г. Бунд насчитывал до 30 тысяч членов, и громадное большинство членов этой партии – и рабочих, и интеллигенции, – по-видимому, оставалось верным своим демократическим убеждениям, а впоследствии заплатило за них тяжкими страданиями и кровавыми жертвами...

Отклики европейской печати по свежим следам октябрьского переворота показывают, что отношение к большевикам и к захвату ими власти было, в сущности, глубоко отрицательным во всех еврейских группировках. Приведем некоторые из этих откликов.

Сионистская газета «Тогблат» писала: «В марте месяце революция была народной в полном смысле слова. Теперь она представляет собой только солдатский заговор». Бундовская «Арбейтер Штиме»: «Большевистский переворот есть безумие. Безумие думать, что незначительная часть демократии может навязать свою волю всей стране». «Фольксблат», орган Еврейского Демократического объединения, подчеркивал, что «большевистская затея не имеет под собой никакой нравственной основы». Деятели Еврейской Народной Группы полностью разделяли эти настроения. В «Еврейской Неделе» мы читаем: «Висевшая на краю пропасти Россия свалилась в бездну. Анархия проникла в центр. Правительство исчезло. Единого государственного механизма нет... Огромная страна распалась на куски, которые валяются на земле в пыли и мусоре пронесшегося над ней большевистского урагана. Отчаяние охватывает душу... Сомнения наполняют сердца... Разрушительная стихия оказалась сильнее созидательных устремлений новой России».

В другой статье того же журнала (от 19 ноября 1917 г.) мы читаем: «Господство большевиков недолговечно, но и за короткий срок они могут довести страну до конечной гибели... Русское еврейство, как наиболее развитая часть населения, не может не сознавать огромной опасности большевистского хозяйствования... Мы обязаны принять самое деятельное, самое энергичное участие в борьбе за спасение России от большевистской напасти».

VII. После октября

1) Евреи в Учредительном собрании

Как известно, уже после октябрьского переворота, в ноябре 1917 г., происходили выборы во Всероссийское Учредительное собрание, и в ряде губерний были выставлены еврейские национальные списки (в большинстве возглавляемые сионистами). По этим спискам прошли в Учредительное собрание: Ю.Д. Бруцкус по Минской губернии, А.М. Гольдштейн по Подольской губ., Я.И. Мазе по Могилевской губ., В.И. Темкин по Херсонской губ. По Херсонской же губернии прошел О.О. Грузенберг, близкий тогда по настроениям к сионистам. По той же Херсон-

ской губ. (по списку партии социалистов-революционеров) прошел член партии «Ферейнгт» Д.В. Львович. В Бессарабии был избран сионист Д.М. Коган-Бернштейн, и по списку РСДРП и Бунда – бундовец Г.И. Лурье. Секретарем Учредительного собрания был затем выбран с.-р. М.В. Вишняк.

Приводим в выдержках речь Д.В. Львовича, произнесенную в первом и единственном заседании Учредительного собрания, отразившую господствовавшие в то время политические настроения еврейских социалистов.

Речь Д.В. ЛЬВОВИЧА

Текст речи напечатан в газете «Нойе Цайт» от 16 января 1918 г.

В настоящий великий исторический час должен быть услышан с высокой трибуны Учредительного собрания и голос еврейского пролетариата. Широкая еврейская масса также жаждет мира. Еврейский народ пострадал от войны может быть больше, чем другие народы. Еврейское население пострадало не только от врага, но также от депортаций и погромов, организованных самодержавием... Еврейское население, естественно, стремится к миру. Но не к такому миру, какой нам предлагают большевики. Еврейский пролетариат стремится к миру, который провозгласила на своем знамени российская революционная демократия, – к демократическому миру без территориальных захватов и контрибуций, к миру, при котором каждый народ получит возможность сам определять свою судьбу. Если бы мы верили, что мир, который предлагают нам большевики и левые эсеры, приведет нас к указанным целям, мы бы, конечно, его с радостью приняли. Но вы сами ведь не верите, что дадите нам такой демократический мир. Вы сами знаете, что своим миром вы передаете в лапы немецкого милитаризма население оккупированных областей и вместе с ним часть еврейского пролетариата, который столь героически боролся в рядах российской революционной демократии за идеалы социализма, в том числе за настоящее Учредительное собрание. (Возгласы: «Ура!»)...

Поэтому я позволю себе выразить уверенность, что еврейское население не только России, но и всего мира с большой радостью встретят предложение фракции социалистов-революционеров обратиться ко всем народам враждующих стран с предложением заключить всеобщий демократический мир. Я глубоко убежден, что весь еврейский пролетариат будет приветствовать обращение Учредительного собрания к социалистам всего мира о созыве интернациональной социалистической конференции. (Возглас: «Она не будет созвана!»). Я глубоко убежден, что она будет созвана и что все социалистические партии ждут нашего призыва. Ибо только такая конференция сможет действительно стоять на страже беднейших и трудовых классов и привести к действительному демократическому миру, лозунги которого были вызваны к жизни российской революцией и были вновь прокламированы Учредительным собранием.

2) Съезд еврейских общин в 1918 г.

Был июнь 1918 г. Украина и Белоруссия в результате Брест-Литовского мира были почти целиком оккупированы немцами и отрезаны от Советской России. Поэтому на созданный в Москве съезд могли приехать только делегаты общин из городов, расположенных на территории Великоруссии. Были, несомненно, формальные трудности для получения разрешения на созыв съезда. Еврейский Комисариат, существовавший в качестве «еврейского стола» при возглавляемом Сталиным Народном Комисариате по делам национальностей, был против созыва съезда еврейских общин, в которых гнездились религиозные, буржуазные и социалистические элементы, враждебные новой власти. Тем не менее власть не решалась запретить съезд общин, выбранных большей частью на демократической основе. В таких условиях 30 июня 1918 г. в Москве открылся – впервые в истории русского еврейства – Всероссийский съезд еврейских общин.

Председателем Организационного комитета по созыву съезда был сионист Л. Левитэ, а секретарем – бундовец П. Мезивецкий. На съезде были представлены 39

еврейских общин из пунктов, находящихся на советской территории. Из оккупированных мест прибыли только два случайных делегата – оба из Минска.

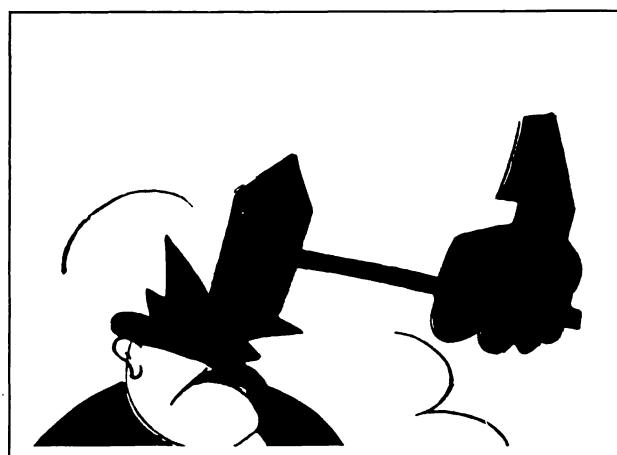
Всего делегатов на съезде было 133, и среди них преобладали сионисты разных оттенков. Два делегата принадлежали к Еврейской Народной Группе. Буржуазно-либеральные деятели к этому времени уже отсутствовали на поверхности советской жизни. Ни М.М. Винавера, ни многих других представителей еврейского либерального лагеря на съезде не было. Все они к этому времени покинули столицу и проживали в разных местах на юге России. На открытии съезда кроме делегатов присутствовали также представители различных еврейских общественных организаций и еще существовавших органов еврейской печати.

От имени Организационного комитета открыл съезд Л. Левитэ, произнесший речь на иврит и на идиш. Он напомнил о плане созыва Всероссийского Еврейского съезда. К сожалению, – сказал он, – в ближайшее время нет никакой надежды созвать такой съезд. Поэтому нужно рассматривать настоящий съезд общин как единственную возможную форму объединения русского еврейства. Нужно создать общинный центр, который можно будет рассматривать как первую ступень к созданию в России еврейской национальной автономии.

В президиум съезда вошли представители всех политических партий и течений. Работа съезда в первый же день ознаменовалась спорами о языке, на котором должны вестись заседания. Идишисты не хотели слушать речей на иврит, а сионисты протестовали против речей на идиш. Не без труда представителям разных организаций удалось произнести свои приветствия. Затем был заслушан ряд деловых докладов, заранее подготовленных организационным комитетом, и заявлений, сделанных отдельными группировками.

В заключение работы съезда на нем был создан «Общинный центр». В состав этого центра входило 40 членов: 16 сионистов, 6 бундовцев, 5 от «Агудат Израиль», 4 беспартийных, 3 объединенных социалиста, 3 поалей-циониста, 2 от «Фолькспартий» и 1 от Народной группы.

Однако этому органу даже не пришлось приступить к деловой работе, так как летом 1919 г. Еврейский Комиссариат издал декрет о закрытии всех общин на местах и ликвидации вновь созданного Общинного центра.

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ (Москва)

ПИНЯ ИЗ ЖМЕРИНКИ И ДРУГИЕ

Заметки о прессе 1953 года

Сорок лет я был убежден, что той зимой 53-го *всякий* день во *всякой* газете непременно присутствовал фельетон про еврея. С этим убеждением принимался я за работу над статьей, но вот сижу в библиотеке, перелистываю одну за другой подшивки газет и вижу: дело обстояло совсем не так. Совсем не так просто, скажу я теперь...

13 января 1953 года на последней полосе газет – колонка «Хроники»: «Арест группы врачей-вредителей». На первой полосе – разъясняющая событие передовая. В «Правде» – «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей»; в других изданиях заголовок слегка варьируется: «Шпионы и убийцы под личиной ученых-врачей» («Известия»), «Шпионы и убийцы пойманы с поличным» («Комсомольская правда») и т.п.

Едва ли не самое удивительное, что следом не появляются «отклики», «письма трудящихся», выражавших возмущение и гнев, требующих суровой кары. Так было в 37-м году. Так будет в 50-е, 60-е, 70-е, во время расправы над Пастернаком, Солженицыным, Сахаровым. В 53-м откликов почему-то нет, хотя авторов, готовых искренно и гневно откликнуться, конечно же не счесть. Тысячи, миллионы людей охвачены паникой, слухи, скорее всего умышленно распускаемые, мгновенно подхватываются и распространяются – формула «врачи-убийцы» работает безошибочно, речь для этих миллионов людей идет об их здоровье, о здоровье их близких, детей. Больные отказываются идти на прием к врачам с еврейскими или «подозрительными» фамилиями (хотя среди разоблаченных «шпионов и убийц» несколько русских), в каждом аптекарском снадобье предполагают яд, верят в подброшенные на прилавки магазинов спичечные коробки с микробами (!). Пять лет спустя один полковник МВД скажет мне о своем душевнобольном сыне: «Он имел несчастье родиться в то время, когда врачи (полковник деликатно опустил – «евреи») в роддомах делали новорожденным укол в темячко»...

Но в *печати* откликов нет. Разве что в «Правде» 20 февраля появляется очерк «Почта Лидии Тимашук» – в нем приводятся строки из писем, которые получает женщина-врач, объявленная разоблачительницей убийц, спасительницей отечества. «Все, стар и млад, если бы было возможно иметь ваш портрет, поставили бы его на самое дорогое место в рамке, в семейном альбоме. А это значит – вы настоящая дочь своего народа, своей Родины.» Некоторым для выражения чувств потребовались стихи:

Позор вам, общества обломки,
За ваши черные дела.
А славной русской патриотке
На веки вечные хвала!

Остается лишь догадываться, почему «отклики» не организуются, а поступающие в редакции «самотеком» (и, без сомнения, во множестве) не печатаются. Может, время не приспело? Теперь-то мы знаем, что предстоял суд над «врачами-убийцами», а следом погромы, высылка евреев в места отдаленные на вымирание. На этих этапах намечавшейся расправы «всенародное одобрение», выражения «стихийного» народного гнева (в том числе и в печати) прозвучали бы, пожалуй, более кстати. Впрочем, всякая догадка, если по-своему и точна, наверняка неполна: мы и поныне не имеем возможности охватить взглядом все задуманные мизансцены очередного страшного спектакля, который ставил великий автор и режиссер «всех времен и народов».

Недавно, например, были опубликованы кое-какие сведения о так называемом «деле Еврейского антифашистского комитета» (ЕАК) – из них явствует, что аресты «врачей-убийц» произведены вслед за расстрелом (в августе 1952 года) тех, кто проходил по этому «делу». В сообщении о «деле ЕАК» («Известия ЦК КПСС», №12) речь идет о пятнадцати главных обвиняемых, напоследок прибавлено мимоходом, что кроме них расстреляно или приговорено к многолетнему заключению еще 110 человек. В течение нескольких лет, предшествующих делу врачей, изрядное число евреев было арестовано по обвинению в национализме (в январе интересующего нас 53-го года в одной из статей «Правды» – несколько мелькнувших строк о разоблачении в Литве «бездонных космополитов, еврейских буржуазных националистов, подлых наймитов американского империализма, занимавшихся шпионажем и вредительством»).

На арест врачей не откликаются и официальные борзописцы. После первого сообщения 13 января «отравители в белых халатах» упоминаются, как правило, походя, в качестве примера, в несколько участившихся дежурных статьях о прописках американского империализма и о революционной бдительности – и то не во всех. Лишь изредка – легкая «беллетризация» сухих формулировок «Хроники» и передовой «Правды» от 13 января: «Они умели разыгрывать роли благородных людей. Впрочем, они прошли известную школу в этой области у лицедея Михоэлса, для которого не было ничего святого, который ради тридцати сребренников продавал свою душу избранной им в качестве родины стране Желтого Дьявола» («Крокодил», 30 января). Несколько подробнее пишут о «Джойнте», в агенты которого зачислены врачи-евреи, но пишут тоже немного и нечасто. Тезис передовой «Правды» – «грязное лицо этой шпионской сионистской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности...» (слог!) – переползает из одной газеты в другую. Разве что Николай Грибачев, в годы разоблачений и погромов пылавший публицистическим жаром, разражается в «Крокодиле» страстным очерком «Ощипанный Джойнт». После теоретического посыла – сопоставления Советского Союза и США: «*Есть историческая закономерность в том, что нам все легче, а им все тяжелее. Мы идем от успеха к успеху вопреки всем их попыткам помешать нам, они идут от поражения к поражению вопреки всем их гнусным махинациям*», – автор перечисляет некоторые из преступлений «Джойнта»: «Сионист Бедржих Райцин, как сейчас выявилось на процессе Сланского, выдал гестапо народного героя Чехословакии Юлиуса Фучика. Сионисты из «Джойнта» принимали самое активное участие в авантюре кардинала Миндсенти в Венгрии. Сионисты из «Джойнта» вкупе с английскими шпионами организовали группу врачей-убийц в СССР». Очерк завершается призывом: «Вероятно, пойманы еще не все» (!)...

Но одна ласточка, даже если эта ласточка – Грибачев, не делает весны. Кампания в печати развивается блекло и медлительно. В «Правде» первый антиеврейский

материал – только через двенадцать дней после сообщения об аресте врачей. В «Известиях» – через семнадцать. Большинство газет вообще набирает обороты только в феврале. Ближе к процессу? Но как раз «Правда» всю последнюю декаду февраля и начало марта о евреях молчит (иногда это связывают – пока предположительно – с состоянием здоровья Сталина, с непростыми взаимоотношениями вождя и окружавшей его партийной верхушки). Всего в «Правде» за январь (с 13-го) – март 1953 года напечатано 8-10 антиеврейских материалов (вывести точную цифру затруднительно: наряду с «типовыми» статьями и фельетонами публикуется, например, уничтожающий отзыв М. Бубеннова о романе Василия Гроссмана «За правое дело», вместе с автором романа достается и его «беспринципным приятелям-критикам» – Л. Субоцкому, С. Львову, Б. Галанову). В других газетах – меньше. В некоторых – вовсе мало. Размах кампании не столь широк, как это могло быть, учитывая нажитое советской печатью умение такие кампании организовывать.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить происходившее в прессе 53-го года с проведенной четырьмя годами раньше, в 49-м, кампанией против космополитизма. Выражаясь артиллерийским термином, это был «удар по штабам». Космополитизм разоблачается в различных сферах идеологии и культуры. Называются имена известных критиков, поэтов, композиторов, художников, ученых. Очень велика плотность огня. «Правда» за месяц помещает восемь больших статей, разоблачающих космополитизм. «Культура и жизнь», орган Отдела пропаганды и агитации ЦК, выходившая раз в неделю, отдает борьбе с космополитами шесть номеров подряд. «Литературная газета» – пятнадцать номеров. Среди авторов – именитые деятели искусства, науки, представители общественных организаций. Недавно опубликованные документы опять-таки наталкивают на сопоставления. 13 января 1949 года: Маленков, в присутствии Шкирятова, домогается от С. Лозовского признания в преступной антисоветской деятельности. Тогда же, в январе 1949-го, арестованы врач Б. Шимелиович, писатели Л. Квитко, П. Маркиш, Д. Бергельсон, всего восемь человек – ядро будущего «дела Еврейского антифашистского комитета» (трое – артист В. Зускин, писатели И. Фефер и Д. Гофштейн – в тюрьме с 1948 года), Лозовский арестован 26 января. 28 января статьей в «Правде» о критиках-космополитах, параллельно с тайным «делом», начинается первая открытая антиеврейская акция.

«Безродные космополиты», деятели шпионского Антифашистского комитета, «врачи-убийцы» – все это непременно (и скоро) должно было стянуться в один узел, состыковаться в некое катастрофическое целое. Публикациям зимы 53-го в нем, конечно же, отводилось свое место.

13 января о евреях сказано – *убийцы*, того страшнее – *врачи-убийцы*, то есть убийцы лицемерные, подлые, от них ждут помощи, а они – убивают. Ничего страшней, пожалуй, не скажешь. А пока готовится суд и прочее, что должно последовать за приговором, печать в основном разрабатывает частную тему, заданную в передовых статьях 13 января: «*Кроме этих врагов, есть еще у нас один враг – ротозейство наших людей...*» На страшное известие о врачах-убийцах печать откликается разоблачением ротозейства!

«*Покончить с ротозейством в наших рядах!*» – передовая «Правды» от 18 января. Двумя днями раньше – обзор печати: «*О беспечности и ротозействе*». Центральному органу партии вторит «Комсомолка»: «*Против беспечности и ротозейства!*» (передовая 20 января). И десять дней спустя – подвал: «*Ротозейство и беспечность продолжаются*». Трудно поверить: хотя примеры приводятся, ни одной еврейской фамилии в статьях не названо.

Лишь 25 января в «Правде» – нелепый фельетон, обличающий гражданина

Гридасова: переезжая в другой город на новое место службы, он взял с собой принадлежащую ему (!) корову. Опус не заслуживал бы внимания, если бы в нем не обнаруживала себя вся смехотворность и дикость тогдашних (только ли тогдашних?) представлений о добре и зле и если бы не маленькая подробность: в фельетоне с некоторым смаком повторяется имя и отчество героя – Ефим Григорьевич. Это надолго, до наших дней: «невыраженная» фамилия героя компенсируется, по возможности, «выраженным» именем и отчеством. Методика разработана до автоматизма. В статье или фельетоне приводится, к примеру, перечень из пяти нееврейских фамилий: возле четырех нет не только имен и отчеств – даже инициалов, но возле одной – только бы не упустить случай – «Леонов Григорий Соломонович». Или наоборот: в фельетоне три откровенно еврейских фамилии – без имен и инициалов (и так ясно!), четвертая, «сомнительная» (Позюмин), с комментарием: «Залман Абрамович». А вот своего рода шедевр: человек, которого «сослуживцы величают Евгением Борисовичем», однажды был «узан на улице и разоблачен» – оказался «Завель Бенецианович»! Ну не преступник ли?! Создание образа преступника предельно упрощено, иногда до изумления: *«Преподавателями в техникуме работают М.П. Фейнберг и М.И. Фурман, которые не внушают доверия»*, – и вся недолга!

23 января в «Комсомольской правде» – фельетон «*Ложное опекунство*»: некто Коган, оформив опекунство над русским мальчиком-сиротой, дурно исполняет свою обязанность. Опекун – человек с путаной биографией, выдает себя за инвалида войны, получил пособие, просит пенсию, все сходит ему с рук «из-за беспечности и ротозейства некоторых людей». Когда фельетон дочитан до конца, выясняется, что злодей Коган – слепой! Право, заподозришь, что это пародия, розыгрыш, да в те годы такое вряд ли мыслимо.

В «Правде» 11 февраля – фельетон «*Сапоги со скрипом*»: *«Судили Б.М. Шафранника, директора ... комбината. Государственное предприятие, превращенное им в вотчину, приносило директору немалые доходы. Для того, чтобы вершить воровские дела без помех, Шафранник всюду расставил преданных ему людей»*, а именно – Крельштейна, Друкера, Купершмидта, Мордковича, Спектора... Следует рассказ о суде, приводятся признания и, наоборот, увертки обвиняемых. И – финал: *«Признаемся читателю, что картинка, нарисованная в начале нашего повествования, является плодом фантазии фельетониста. Суда над директором комбината еще не было. И скажем прямо: описанная выше сцена понадобилась для того, чтобы предупредить события»*. Стоит ли удивляться! Суда над «врачами-убийцами» тоже еще не было. Но уже на весь мир заявлено о совершенных ими преступлениях, о принадлежности каждого той или иной разведке, по существу, приговор уже оглашен. Зная его наперед, стоит ли затрудняться подлинными доказательствами вины обреченных профессоров, как и вины Мордковича, Друкера, слепого Когана, – достаточно найти ротозеев, потерявших бдительность, не угадавших преступников, проморгавших их гнусные дела.

Заглавия: «*Ротозеи*», «*Преступник и ротозеи*», «*Об одном жулике и многих ротозеях*», «*Проходимец и разини*», «*Ротозей и его окружение*»... Последний фельетон (*«Вечерняя Москва»*, 31 января) – прямо-таки образец, выкройка. Ротозей – директор артели Иван Круглов, окружение – Розенталь, Барак, Авруцкий, Кирнос, которые и хороводят в артели.

Название артели – само по себе фельетон: *«имени 30 лет Октября Мосгорна-домкоопинсоюза»*! Но приводим его не улыбки ради. Название – тоже «типовое», как бы обозначающее уровень тогдашних разоблачений ротозеев и преступников. Борьба с космополитизмом сверкала на газетных страницах известными именами и

золочеными вывесками привлекательно-солидных учреждений: Союз писателей, МХАТ, Мосфильм, Академия художеств. Кампания 53-го года тяготеет к глухой провинции, даже если место действия фельетона или статьи – столица. Промкомбинат, артель, мастерская, заготконтора...

Ощущение какой-то нарочитости: будто сложно сыскать нужные «факты» в министерстве, научно-исследовательском институте, на крупном предприятии, в театре, музее, и героев найти позаметнее, и «факты» помасштабнее – какие могут быть сложности с «фактами», когда врачи уже оказались убийцами! Нет! Фельетонисты, будто нарочно, тянутся к совершеннейшим мелочам. Начальник отделения далекой железной дороги Либерман переоборудовал старую дрезину в удобный экипаж и разъезжает на нем вместе с сослуживцами Мильманом и Гутмахером... Зав. секцией поселкового гастронома Хейфец обвешивает покупателей... Студент дальневосточного вуза Нудельман рекомендован в комитет комсомола, а он, как выяснилось, при поступлении скрыл «некоторые анкетные данные» (должно быть, отец репрессирован!)... В «теоретических» статьях-подвалах – «Повышать политическую бдительность, разоблачать ротозеев!», «Бдительность – наше оружие!» и т.п. – утверждается прямая связь между преступными замыслами американского империализма и, к примеру, безобразиями в артели «Реставрация одежды». Между процессами Т. Костова, Р. Сланского, В. Гомулки и – «неким Роффманом», получившим подъемные, но отправившимся вместо Винницы в Хабаровск. Между «వредительско-террористической деятельностью группы врачей-убийц» и – механиком Гореликом, построившим удобную дачку. Между выступлением т. Жданова на Пленуме ЦК ВЛКСМ в 1938 году об «особой специфике приемов вражеской работы в комсомоле» и – «неким Марковичем, оказавшимся сыном торговца-ростовщика»...

Ничтожество антиеврейских газетных материалов 53-го года таило в себе куда большую взрывную опасность, чем та, что сегодня нами осознается. Фельетоны про Бецаленов Лазаревичей и Лазарей Бенциановичей (имена взяты из тогдашней газеты), вроде бы ничего страшного и не совершающих, не губящих советских людей, как врачи-убийцы, не отправляющих их сознание космополитическим ядом, не предавших фашистам Юлиуса Фучика (той зимой в печати отмечалось 50-летие писателя, его книга со знаменитой концовкой: «Люди, будьте бдительны!» – едва ли не в каждой семье), но везде и всюду, в каждой кантоне, на каждой базе и промкомбинате пронырливо снующих вокруг, устраивающих какие-то свои делишки, меняющих имена, окружающих себя себе подобными, фельетоны эти настойчиво внедряли в голову читателя мысль, что он окружен сонмом врагов, бесов, которые постоянно его обманывают, обольщают, обходят, толкают на неблаговидные поступки, затягивают в преступные махинации.

Выразительную сцену обольщения бесами российского ротозея находим в «Красной звезде». Начальник Одесской школы музыкальных воспитанников – не жулик, не взяточник – ротозей. По приятельству он принимает в школу еврейских мальчиков и оставляет за ее стенами русских. Он не замечает липкой паутины, которой опутывают его евреи, не замечает, что приятельство с ними приводит его к преступлению. Авторы фельетона показывают, как это происходит, с подлинно драматургическим искусством:

«– А, Рабинович! Проходите, садитесь!

– Спасибо, дорогой Михаил Николаевич, – ответил ему женский вкрадчивый голос. – Я опять к вам, к нашему добруму гению. Вы ведь так много сделали для нашего Изи, так много! Я никогда не забуду, как охотно вы приняли моего мальчика в школу, несмотря на жестокую норму из-за детдомовцев, детей фронтовиков...»

Выслушав в ответ столь же откровенное признание начальника школы, что он плюет на сирот и детдомовцев и предпочитает им сына Рубинштейна, искусительница продолжает:

«– Теперь у меня к вам, родной Михаил Николаевич, другая материнская просьба: верните нашего Изю в Одессу, как вы уже помогли вернуться к родным очагам мальчикам Шойхета, Моргулиса, Зойтберга, Шлайна, Ритберга. Вы же понимаете, каково бедному Изе играть где-то в оркестре далекой энской части».

За дверью, в приемной, зашевелился русский мальчик-сирота. Прикрикнув на него, чтобы сидел тихо, начальник суету – больно много таких присылают.

«– Да, это ужасно, – сочувственно протянула нежная мама Изи. – Мне кто-то из преподавателей говорил, что они не имеют никаких дарований...»

В измельчении темы, сюжета, персонажей оказывается глубокий смысл: у читателя вырабатывается почти физическое ощущение, что враг во множестве и всегда рядом, и он – еврей. И соответственно: еврей – враг.

Само рогозейство, объявляемое в фельетонах тяжким преступлением, таит в себе даже нечто привлекательное. Рогозей – человек добрый, доверчивый, добро желательный. Рогозей, пусть его даже и обличают, вызывает сочувствие: хотел сделать ближнему добро, а ближний его обошел, обманул, затянул. Впрочем, рогозеи в фельетонах не столько обличаются, сколько упоминаются, подчас и вовсе безымянны. *«На заводе плохо поставлен табельный учет»* – именно поэтому в отделе снабжения подвизался некий (обязательно – «некий») Духин, *«в прошлом примыкавший к еврейской буржуазно-националистической организации»*. Или – *«некий» Гуревич, *«воспитывавшийся в семье меньшевика-бундовца»*.* Совершенно ясно, что табельный учет вряд ли позволит установить, в какой семье воспитывался Гуревич, но так же ясно, кого следует остерегаться.

Образ врага является в фельетонах со все большей определенностью. Фельетоны все чаще прямо начинаются с указания тотчас выдающегося врага имени и основных черт его натуры: *«Абрам Натанович Хайтин – человек без определенных занятий. Вчера он был заготовителем утильсырья, а завтра мог стать цирковым администратором. Всеми его поступками и помыслами руководила страсть к наживе».*

Так же несколькими, будто по трафарету, мазками намечается биография героя, в которой почти непременно присутствует факт уклонения от армейской службы в годы Великой Отечественной войны. Если представляется случай, сообщается кое-что о преступных деяниях родителей героя – *«яблочко от яблони»* (*«Папа Григория Ильича, Илья Исаакович, пользовался среди финансовых воротил Кривого Рога скандальной известностью...»* и т.д.). Оброненные при возможности беглые характеристики типа *«воспитывался в семье...»* – финансового воротилы, торговца-ростовщика, меньшевика-бундовца – имеют целью если не доказать, то намекнуть, что все эти заготовители утильсырья и цирковые администраторы несут за плечами еще и груз политических преступлений или политической неблагонадежности (генетической), равной преступлению.

Герой фельетона скомпрометирован не только совершенным проступком (если в самом деле совершил) – он с первых строк уничтожен именем, происхождением и воспитанием, прошлым, спутниками (здесь подчас довольно перечня фамилий).

«Еще 36 лет тому назад он был крупным торговцем рыбой в Чернигове. Тогда он носил котелок, давал взятки околоточному. Окружал себя молодчиками из семей, торговавших мукой, сахарной свеклой, ценными и обесцененными бумагами,

дружил с сыновьями ростовщиков, дававших деньги под векселя, обдиравших бедноту. Этот самый Борис Ефимович руководил до революции с ведома жандармского управления сионистской организацией...» И теперь, орудуя в торговле, он позабочился о том, чтобы рядом с ним были его друзья: «Лев Гольдберг, человек с темным прошлым», «исключенный из партии Хаим Оксман», «бывший крупный рыботорговец Арон Паперный» и др.

Еврейские фамилии, имя и отчество на газетной полосе утрачивают личностное начало, превращаются в знак, а фельетон в целом – в определенную знаковую систему, элементами которой, кроме имени героя, становятся почти однозначные сведения о его прошлом, службе в армии (точнее – дезертирстве), политической неблагонадежности, неблагонадежном окружении. Случайность, нередко бессюжетность фельетона связаны с тем, что он, в общем-то, и не предназначается для внимательного чтения – призван напомнить о враге-еврее, не позволить читателям утратить живший в их сознании образ врага.

Самый знаменитый фельетон зимы 53-го – «Пиня из Жмеринки», сочинение небезызвестного писателя Василия Ардаматского, с заметным опозданием (20 марта) появившееся в «Крокодиле».

Автор (что свидетельствует об определенном даровании) четко осознал эту знаковость фельетона, потому и не трудился над чем-то индивидуальным по сути и форме, а создавал именно заданную систему, как паяют по схеме прибор из типовых деталей. Не случайно название фельетона тотчас сделалось нарицательным, было – как нарицательное – подхвачено и антисемитами, и не только ими, и самими евреями. «Ну, ты, Пиня из Жмеринки», – мелькало в разговорах неприязненно и шутливо, яростно и весело, подчас – грустно.

Герой фельетона: Пиня Палтинович Мирочник, руководитель промкомбината Жмеринского райпотребсоюза.

Сюжет: Пиня совершает жульнические проделки с ваксой, питьевой содой и сажожными гвоздями.

Доказательства вины: весьма подробно воспроизведенные (с еврейским акцентом) диалоги Пини, его друзей и родственников. Более точных доказательств нет, следствие не велось, фельетон заканчивается призывом к прокуратуре подтвердить то, что в нем написано. (Материал – это видно невооруженным глазом – пишется в Москве, по доносу с перечнем еврейских фамилий).

Творческий метод: «В свой промкомбинат Пиня Палтинович на должность начальника химцеха взял Давида Островского. Соответственно, сын Давида стал агентом по снабжению. Рахиль Палатник расположилась за столом главного бухгалтера. Соответственно, зять сей Рахили, Шая Пудель, стал ее заместителем. Плановиком стала Роза Гурвиц, а муж ее стал начальником снабжения. Шурин Пини Палатника, Зяма Мильзон, занял позицию в хозяйственном магазине. В других местах расположились Яша Дайнич, Буня Цитман, Шуня Мирочник, Муня Учитель, Беня Рабинович, Исаак Пальтин»... И – умышленно разрываю фразу, чтобы внятнее прозвучало! – главное, убойное: «Нетрудно представить себе, какие волшебные явления могли демонстрироваться при такой расстановке сил...» Как говорится: ни прибавить, ни убавить!

Приложен, естественно, компромат из прошлого и настоящего: «Пиня Палтинович волшебником стал не сразу. На первых порах ему удавалось далеко не все. Так, в 1936 году он был исключен из партии за совершение религиозного обряда и заодно нечистых сделок. К 1941 году он стал уже опытней и сумел, будучи и поныне совершенно здоровым, заболеть как раз в последней декаде июня 1941 года. Это

позволило ему уехать в сторону, прямо противоположную фронту. После войны Пиня Палтинович обосновался в Жмеринке. В 1946 году он снова вступил в партию, ловко скрыв, что один раз ненароком в ней уже был. У Пини Палтиновича семья из шести человек, не считая братьев жены, которые, имея такого шурина, сдуру проживают за границей. Семья Пини живет в богато обставленной четырехкомнатной квартире...»

Рассказывая позже о своем творческом пути, Василий Ардаматский про «Пиню из Жмеринки» не упоминает – берет крупнее! «Первое касание темы борьбы разведок произошло» во время «затянувшейся рижской командировки» 1940 года (т.е. был направлен в Латвию в пору ее присоединения к Советскому Союзу). «...Видел пойманых шпионов и диверсантов, имел даже возможность присутствовать на их допросах»... (Это у Ардаматского пристрастие на всю жизнь: в одном из выступлений он поведал, что не только на допросах героев своего романа «Суд» присутствовал, но даже в тюремном вагоне проехал с ними один перегон на пути в лагерь – и радовался свершившемуся возмездию...) «Один из тех (т.е. рижский шпион и диверсант), так и не разоблаченный, работал у меня под боком на Латвийском радио...» Зато Пиню, хоть и не под боком, Ардаматский разоблачил!..

При нашем советском интернационализме печать, понятно, не может представлять дело так, будто вокруг одни «пини из Жмеринки». Воля и случай удачно подбрасывают зимней прессе 53-го две темы, широко освещенные параллельно с темой «пини» и как бы в противовес ей: вручение Илье Эренбургу Сталинской премии мира, демонстративно присужденной писателю вскоре после расстрела осужденных по «делу ЕАК» и незадолго до объявления о «деле врачей», и смерть давнего сталинского подручного Мехлиса, торжественно погребенного на Красной площади. Говоря строгою Пушкина, «будь жid – и это не беда»: коли заслужил, и наградим, и похороним с честью.

... И все же антиеврейских статей и фельетонов в газетах куда меньше, чем тогда, зимой 53-го, и доныне чудилось. Не во всякой газете всякий день. «Комсомольская правда» на протяжении кампании отдельывается двумя фельетонами. Более того, в материалах, сами названия которых как бы предполагают непременного героя-еврея («Проходимец и разини», «Фальшивые люди в роли воспитателей»), авторы «Комсомолки» умудряются (осмеливаются!) обойтись без евреев. И того более. В передовой «Комсомолец, повышай революционную бдительность!» не упоминаются ни врачи-убийцы, ни «Джойнт». В статье к 50-летию Фучика – ни слова о предателях-сионистах, о процессе Сланского. Примерно та же ситуация в «Известиях». Трудно не предположить, что в этом не нашла отражения позиция редакции, редколлегии, редактора.

Скудному вкладу, внесенному в антиеврейскую кампанию «Красной звездой», скорей всего, способствует повышенная секретность на страницах газеты, укоренившаяся мысль, что «мы готовы в бой», в армии у нас все в порядке – какие там могут быть вредители, проходимцы, ротозеи!

Нечто странное в «Литературной газете», возглавляемой Константином Симоновым: в самые «жаркие» дни зимы – вообще ни одного фельетона! И вдруг, спустя три недели после смерти Сталина, в последних мартовских номерах – два подряд, и какие! Наподобие «Пини» – скроенные по самым мерзким образцам. Даже в то, еще критическое время (отбой по «делу врачей» был дан только 4 апреля) не столько сами фельетоны, сколько их запоздалое появление именно в «Литгазете» выглядело как-то неожиданно. Судя по недавно напечатанным запискам Симонова, в ходе зимней кампании 53-го года он узнает, что в ЦК поступают доносы, «доказы-

вающие» еврейское происхождение писателя и его связь с «Джойнтом». Видимо, приходится – запоздало – капитулировать.

Но откуда же это неискоренимое ощущение, что *всякий* день во *всех* газетах? Причин этому несколько.

Причина первая. Если составить таблицу появления статей и фельетонов, получим, что не всякий день во всех, но едва ли не всякий день в одной-двух газетах они все-таки появлялись. И у евреев, и у неевреев выработалась ежедневная, почти рефлекторная потребность прочитать очередной материал. Люди читали ту газету, где он появился.

Причина вторая. Та самая знаковость, о которой шла речь выше. В фельетоне, в статье, тем более в каком-нибудь подвале о бдительности евреи могли упоминаться среди других примеров. Но читатели, евреи и неевреи, прежде всего, почти непроизвольно, выбирали из текста именно еврейскую фамилию. Всякий другой пример нес печать единичности – пример с евреем был типическим, закономерностью. Читатели были убеждены, что вся статья написана ради этого примера.

Причина третья. Читатели, евреи и неевреи, получали постоянную и обширную устную информацию. Воздух полнился слухами, клеветой, догадками, предположениями. Слухи подкреплялись газетным фактом, вместе с газетным фактом вычитывалось нечто, питавшее слухи. Устные рассказы сливались с материалами печати в единый нескончаемый поток.

Причина четвертая. Страх. Страх, который рождается чудовищами и рождает чудовищ. Страх, у которого глаза велики. Под «пыткой страхом» (термин, придуманный для евреев В. Шульгиным) накануне новой катастрофы, в которую предполагал ввергнуть евреев Сталин, мудрено ли в каждом слове, устном, тем более печатном, угадывать слово приговора – окончательного, обжалованию не подлежащего, мудрено ли умом, тем более чувством, бесконечно приумножать и расширять это слово?..

Постоянный страх ожидания новой катастрофы, вобравший в себя и страх, пережитый российскими евреями зимой 53-го года, закодирован в наших генах. Он и сегодня во многом определяет наши реакции и решения.

СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
КРОКОДИЛ
№ 13, 1953 г.

Рафаил Шапиро (Иерусалим)

БЕЗ ОБРАТНОГО БИЛЕТА

Мы уже столько раз обманывались, принимая очередную волну эмиграции за Исход, что теперь лучше не спешить с выводами. Да, есть немало признаков того, что это действительно Исход. С декабря 1989 года эмиграция постоянно возрастает и сейчас находится на уровне 20* тысяч человек в месяц – это соответствует примерно четверти миллиона в год. Ни таких масштабов, ни такой устойчивой тенденции роста мы прежде не знали.

К прямым свидетельствам можно добавить косвенные. Похоже, что у основной массы эмигрантов нет сомнений в правильности избранного ими пути. Или точнее: не рассматривая израильский вариант как идеальный, они считают его единственным возможным в данных обстоятельствах. Страна исхода, Советский Союз, становится непригодной для жизни; Соединенные Штаты, Канада и другие теоретические допустимые маршруты пугают квотами, сложностью оформления, риском на годы застрять в СССР.

Повторяю, торопиться с определениями не следует. Конечно, нет четкой границы, отделяющей Исход от обычной, пусть даже массовой эмиграции. И все-таки какие-то критерии есть. Исход – это нечто такое, что способно коренным образом изменить положение еврейского народа в мире, а значит, и «расстановку сил» в Советском Союзе и на Ближнем Востоке. Напротив, эмиграция всегда будет событием локальным, затрагивающим интересы скорее людей (пусть многих людей), чем стран и народов.

Такой подход дает возможность выявить, хотя бы схематически, те признаки, которые позволяют разграничить эти сходные, но различные по своему смыслу и значению явления. Прежде всего это, разумеется, масштабы эмиграции из СССР. Если допустить, что в конце этого года эмиграция по каким-то причинам резко сократится, то ясно, что нынешняя волна окажется лишь эпизодом в ее истории.

Второй момент – направленность. Если, как уже однажды случилось в 70-е годы, основной поток выезжающих изменит маршрут и повернет, скажем, в Америку, то Исход не состоится. Дело тут даже не в том, что все сведется к замене одной diáspory («плохой») на другую («хорошую»). Главное – последствия. Эти последствия могут быть очень значительны для тысяч и тысяч конкретных людей; могут

* Данные на ноябрь-декабрь 1990 г.

как-то сказаться на положении еврейской общины США или, допустим, Канады; могут определенным образом отразиться на развитии науки, техники, производства в этих странах. Однако такое «перемещение» не окажет существенного влияния ни на общую обстановку в Америке, ни на судьбы еврейского народа, ибо это будущее (будущее не отдельных людей, а народа) решается не в СССР, США или Канаде, а в Израиле.

Наконец, третье. Чтобы эмиграция стала Исходом – то есть событием, меняющим сложившуюся «расстановку сил», иммигранты должны стать интегральной частью израильского общества или, пользуясь неуклюжим определением местного израильского лексикона, должны абсорбироваться. Нет необходимости объяснять, насколько это важно для людей. Но надо снова и снова объяснять, насколько это важно для страны и еврейского народа. Надо потому, что даже в самом Израиле Исход привычно смешивают с эмиграцией, наивно полагая, что разница только количественная. Однако существует предел, за которым количество переходит в качество. В данном случае Израилю предстоит иметь дело и с качественно иной иммиграцией, чья абсорбция требует новых средств и необычных методов.

1

Если допустить, что в ближайшие годы положение заметным образом не изменится, то эмиграция будет нарастать. До каких пор и в каком темпе? Ответ на эти вопросы зависит от того, как оценить ее потенциал в стране исхода. На первый взгляд, резерв не так уж велик: по данным переписи, число евреев в СССР не превышает 1,5–1,7 миллиона человек, из которых, конечно, далеко не все хотят уехать и уехать именно в Израиль. Надо учесть, однако, что результаты переписи не отражают реального положения вещей. Дело даже не в откровенных подтасовках, когда речь идет о «пятом пункте». (Хотя масштабы этого явления весьма значительны.) Дело в том, что в СССР национальность детей принято определять либо по отцу, либо по матери. Это значит, что дети от смешанных браков были вправе числиться не евреями. В большинстве случаев так оно и было, поскольку любая национальность в графе 5-й была предпочтительнее еврейской.

Теперь эти люди – и тоже вполне законно – утверждают, что они евреи. Более того, такое же право (по еврейским религиозным и израильским законам) считать себя евреями имеют и все их потомки по материнской линии: внуки, правнуки и т.д. С другой стороны, израильский Закон о возвращении дает право на репатриацию и тем, кто формально не признается евреем (скажем, сын или внук еврея-отца), но мог бы стать объектом преследований в нацистской Германии. Право это естественным образом распространяется и на членов еврейских семей...

Прошу прощения за этот экскурс в генеалогию. Единственная его цель – показать, что в сегодняшних обстоятельствах данные советской переписи не могут служить надежным ориентиром. Поэтому к тем цифрам потенциальных эмигрантов, которые называют, – три и даже шесть миллионов человек – следует относиться серьезно. Тем более, что с течением времени возникает цепная реакция: каждый уехавший и устроившийся «тянет» за собой родственников. Противодействовать этому очень трудно – ведь речь идет о том самом «воссоединении семей», о котором столько лет трубили в Израиле...

Конечно, вовсе не обязательно исходить из максимальных цифр. Но даже взяв за основу средние цифры (1,5–2 миллиона), мы получим достаточно полное представление о масштабах проблемы. Иммигранты, которых предстоит абсорбировать в течение нескольких следующих лет, могут составить 40–50 процентов нынеш-

поворачивается медленно и решает вопрос лишь тогда, когда он перезрел. Нехватка жилья – именно такой вопрос. Так что можно не сомневаться, что его решат, – хотя, разумеется, и с опозданием.

Неизмеримо сложнее решить проблему работы. Иммигрант из СССР редко отвечает требованиям израильского рынка труда. Это обусловлено рядом причин. Прежде всего, особенностями структуры производства в СССР и в Израиле. Эти особенности, вообще отличающие большую страну от малой, в советской экономике выражены необычайно резко. Основу советского производства составляют крупные и сверхкрупные предприятия с раздутыми штатами, неясностью функций конкретного работника, обезличенностью труда. Иммигрант из СССР с недоумением читает объявления, где кандидата на должность столяра или кладовщика просят прислать написанную от руки автобиографию и подробный перечень работ, которые он выполнял. Израильский предприниматель, в свою очередь, изумляется, слыша звонкие титулы претендента на скромный пост инженера: главный специалист... руководитель сектора... замзав отделом... «А кто же у них там работал?» – спрашивает он.

В масштабе страны положение осложнено тем, что среди приезжающих необычно высок удельный вес интеллигенции. Можно спорить о том, почему в СССР именно у евреев высшее образование считалось делом престижным. Однако сам факт сомнений не вызывает. Это «нарушение пропорций», для огромного Советского Союза не имевшее практического значения, ставит очень серьезные проблемы перед Израилем. Тем более, что и внутри самой группы пропорции тоже смешены. В массе приезжих необычно велик процент «непроизводительной» интеллигенции: врачей, ученых, преподавателей, музыкантов, журналистов, переводчиков с башкирского...

Впрочем, со специалистами-производственниками дело тоже обстоит непросто. Если в одних отраслях (скажем, в авиационной промышленности) они вполне отвечают современному уровню, то в других (например, электроника, металлообработка) заметно отстают. Конечно, это не вина их, а беда, результат общего отставания советской техники. Разрыв усугубляется незнанием языков, не только иврита (что можно понять), но и английского. По израильским понятиям, для человека с высшим образованием это недопустимо.

Наконец, третий момент – может быть, самый существенный: психология. Люди десятки лет жили в стране, где всё было поставлено с ног на голову. Естественно, что в этих условиях неизбежно должны были выработаться искаженные, деформированные представления об экономике, труде, роли государства в жизни человека и общества.

И все же, учитывая, что число иммигрантов может составить половину населения Израиля, трудоустройство приезжих становится для страны вопросом жизни и смерти. Сумеет Израиль абсорбировать основную массу этих людей, его экономический (и всякий иной) потенциал резко возрастет; не сумеет – государство окажется в тяжелейшей (может быть, даже в безвыходной) ситуации.

3

Казалось бы, тут и говорить не о чем – достаточно лишь представить себе, что произойдет, если основную массу иммигрантов не удастся трудоустроить и забота о них ляжет на социальную службу. Это, однако, случай простой, лежащий на поверхности, а потому и маловероятный. Гораздо опаснее другой вариант, который условно можно назвать скрытой безработицей.

него населения Израиля. Ясно, что даже при самых благоприятных обстоятельствах эта задача представляется титанической.

Надо, однако, смотреть фактам в лицо. «Самых благоприятных» обстоятельств нет и скорее всего не будет.

2

Нынешняя волна эмиграции из СССР заметно отличается от прежних – в том числе и от очень недавних. Если раньше мы имели дело преимущественно с людьми, чей отъезд был мотивирован внутренне (притом, что мотивы могли быть разными: от сионистских до сугубо материальных), то сейчас преобладает мотивация внешняя: страх перед погромами, невозможность жить в стране, где все разваливается. С этой точки зрения сегодняшних эмигрантов вернее было бы называть беженцами. Именно эта внешняя мотивация и делает поток уезжающих таким массовым, придает ему характер Исхода.

Это обстоятельство важно не только само по себе, но и для понимания проблем абсорбции. Нынешний иммигант в известном смысле предпочтительнее своих предшественников. Его не возмущает разрыв между израильской действительностью и «сионистскими идеалами», он не требует, чтобы «здесь» ему обеспечили уровень жизни более высокий, чем тот, который он имел «там». Его претензии, в сущности, невелики: квартира и работа, обеспечивающая сносное существование.

Собственно, все и начинается с квартиры. Были в Израиле такие благословенные времена, когда иммигрант получал «государственную» квартиру автоматически: одним категориям ключ вручали прямо на аэропорту, другим – после полугодового обучения языку. Позднее от этой системы отказались, и сейчас иммигрант должен либо снять, либо купить квартиру на частном рынке, получив, разумеется, ипотечную ссуду. Ничего худого в подобном порядке нет – при том, разумеется, условии, что существует определенный баланс между спросом на квартиры и предложением. До недавнего времени такой баланс сохранялся. Люди, приехавшие в страну в 70-е годы и даже в начале 80-х, и снимали, и покупали квартиры без особого труда.

Однако в последние месяцы баланс нарушился. Спрос на квартиры резко возрос, соответственно подскочили и цены. Скромной зарплаты, на которую понапацу может рассчитывать приезжий, теперь уже явно не хватает, чтобы купить или снять приличную квартиру. Сейчас модно обвинять в этом правительство, которое не учло, не предусмотрело и прочее. Когда претензии такого рода высказывают иммигранты, их можно понять – они плохо представляют себе действительность. Гораздо труднее понять старожилов. Да, большая эмиграция не была полной неожиданностью – ее предсказывали: кстати, не только в 89-м году, но и в 85-м. И потом – что считать «большой эмиграцией»? Называли 40 тысяч в год, самые смелые говорили о ста тысячах. Предсказатели при этом ничем не рисковали, ошибку всегда можно было списать на положение в СССР. А как выглядело бы израильское правительство, если бы, отказавшись от решения действительно острых и неотложных проблем (обороны, образования, здравоохранения, социальной помощи), оно ухлопало бы деньги на строительство жилья для тех, кто, возможно, никогда бы не приехал? Конечно, с начала 1990 года, когда масштабы эмиграции обозначились отчетливо, можно (и нужно) было сделать больше. Но это уже иная проблема – проблема общей эффективности функционирования израильского правительственныйного аппарата или, проще, бюрократии. Бюрократия же, увы, всегда

Большинству приезжих трудно понять, в чем тут проблема. Приехали люди, которые хотят и умеют работать. Значит, государство должно срочно построить энное количество новых заводов, институтов, школ, больниц. В результате и иммигранты будут обеспечены работой, и израильская экономика вступит в эпоху расцвета. Поверить в эту простую схему тем легче, что израильская печать часто и со вкусом рассуждает о том, какие выгоды приносит стране каждый человек, а тем более – специалист с высшим образованием. Все это правильно, но при условии, что этот человек работает. И даже не просто работает, а занят таким трудом, который увеличивает богатство страны, ее национальный продукт. А вот тут как раз и надо искать суть проблемы.

Человек, приехавший из Советского Союза, уверен: всякое новое предприятие – благо. В советских условиях так оно обычно и есть. В стране, где всего не хватает, любая продукция находит сбыт. На Западе ситуация иная. Найти средства, построить предприятие, обеспечить выпуск качественной продукции – все это, конечно, моменты важные, но вторичные. Главное – обеспечить сбыт, найти ту потребительскую нишу, которая каким-то чудом еще не заполнена и, значит, позволяет сбыть товар. До тех пор, пока этот вопрос не решен хотя бы в принципе, ни один серьезный предприниматель не станет вкладывать средства в дело.

А государство? Возможности государства в этом смысле еще ограниченнее. То есть оно, разумеется, может построить военный завод или организовать так называемые общественные работы (к примеру, прокладку дорог), но это значит, что оплачивать такую продукцию оно должно будет из своего (практически – из нашего) кармана. Поскольку же карман этот отнюдь не бездонный, то и объем такой деятельности предельно ограничен. Что же касается государственных предприятий, работающих на рынок, то опыт, увы, показывает, что они обычно уступают частным. И конъюнктуру рынка они знают хуже, и производительность труда здесь ниже, и качество продукции не на высоте. Короче, государству, выступающему в роли производителя, трудно выдержать конкуренцию с частным предпринимателем. Как раз по этой причине в Израиле идет сейчас процесс приватизации – передачи предприятий в частные руки. Будет крайне печально, если с ростом иммиграции процесс двинется в обратном направлении. Социализм (к счастью, ограниченный) и без того нанес неисчислимый ущерб израильской экономике.

Нелепо упрекать иммигрантов из СССР в том, что они не разбираются в сложной механике свободного рынка. Но знакомить их с этой механикой необходимо. Иначе мы снова и снова будем сталкиваться с непониманием простейших вещей, а следовательно – с претензиями и обидами. Человеку, который привык, что все блага и все беды исходят от государства, трудно понять, что функции государства в свободном мире ограничены, что существует множество вещей, которые зависят от человека. И только от человека.

Конечно, люди, занимающиеся в Израиле проблемами абсорбции, знают об становку лучше иммигрантов. Похоже, однако, что и они не до конца понимают, что имеют дело не с очередной волной иммиграции, а с явлением новым. А значит, требующим и принципиально новых решений. Время от времени нас успокаивают. Абсорбция, говорят нам, идет в полном соответствии с программой: 40 процентов тех, кто приехал в страну за последний год, уже работают, остальные – устраиваются. Все правильно – работают, устраиваются. Вопрос только в том: где и как?

Анализ свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев действуют два механизма устройства. Первый – за счет снижения минимального порога заработной платы. Снижения настолько существенного, что работодатель может позволить себе заполнять второстепенные, «необязательные» рабочие вакансии. Ко-

нечно, он отдает себе отчет, что доходы фирмы увеличиваются при этом незначительно, но зато и расходы почти не изменяются. Работника такая зарплата на первом этапе тоже устраивает, ибо он считает это положение сугубо временным – вот ужо он выучит язык, освоится и тогда найдет настоящую работу!

Второй механизм обязан своим существованием системе государственного стимулирования. Как известно, чтобы облегчить начальное трудоустройство специалистов, государство (или Еврейское Агентство) компенсирует работодателю основную часть заработной платы, которую тот выплачивает иммигранту в первые годы работы. Предполагается, что этот «пусковой период» оправдан вдвойне. Работнику он позволяет войти в курс дела и постепенно увеличить отдачу; работодателю – организовать дело так, чтобы использовать потенциал специалиста с максимальной пользой для дела. На практике, к сожалению, часто бывает по-другому. Работодатель воспринимает «стипендии» как даровую рабочую силу: держит его до тех пор, пока того субсидирует государство, и избавляется от него под любыми предлогами, как только субсидии прекращаются.

При кажущемся различии обоих механизмов принцип тут, в сущности, один. Новые работники вписываются в уже существующую структуру, их появление не приводит ни к расширению производства, ни к существенному росту ВНП. Мы, в сущности, обманываем сами себя, делая вид, будто государство абсорбировало приезжих, включив их в свою производственную систему. По сути же, мы их содержим, используя такие приемы, как перераспределение доходов, внутренние долги, внешние займы.

Проще всего тут, конечно, начать возмущаться. Но какой в этом смысл? По здравом размышлении становится ясно, что на данном этапе иного выхода у государства нет. Какое-то время всем нам придется мириться с тем, что мы, израильяне, – и никто другой – будем нести основное бремя расходов по приему приезжих. Важно понять, однако, что возможности государства (наши возможности) не безграничны. Десятки тысяч человек на протяжении месяцев – бремя тяжелое, но посильное; сотни тысяч в течение нескольких лет – больше того, что Израиль может выдержать. И для иммигрантов это обернулось бы трагедией: как ни значителен среди приезжающих процент иждивенцев по призванию, основная их масса хочет и работать всерьез, и всерьез зарабатывать.

Да, они много не понимают. Не понимают, что государство не в состоянии просто решить проблему трудоустройства, создав тысячи новых рабочих мест. Не понимают, что в условиях свободного рынка очень многое зависит от них самих: от их умения предлагать рабочую силу на рынки труда, от их инициативы, предпринимчивости, изобретательности. Всему этому надо учить и учиться.

Однако есть, кажется, нечто такое, что и мы до конца не понимаем. Что нынешняя эмиграция – это Исход. А это значит, что привычные, испытанные методы абсорбции (все обойдется, все как-то само собой образуется) тут уже недостаточны, что нужны особые, исключительные меры.

Упаси Бог, не чрезвычайное законодательство, не расширение функций исполнительной власти, не общественные работы. Наша задача в том, чтобы объяснить всем и каждому, что государство переживает переломный этап своего развития. Что от предпринимателей – и в самой стране, и за рубежом – сейчас требуется не столько финансовая помощь, сколько помочь предпринимательская: вложение крупных средств в создание новых предприятий и отраслей промышленности, в расширение и модернизацию существующих. Речь идет не о благотворительности – тут как раз все отработано. Сейчас важно понять, что возникла новая и непривычная ситуация. В результате массовой иммиграции в Израиле возникает крупный

резерв квалифицированной и сравнительно недорогой рабочей силы. Задача в том, чтобы этот резерв использовать, найти ему применение.

Я не хочу упрощать эту задачу. Каждый, кто знаком с конъюнктурой рынка, знает, что она сложна. Но Израиль – не Советский Союз. Тут есть и устойчивая демократическая система, и законы, гарантирующие право на собственность, и развитая инфраструктура. Иными словами, созданы исходные условия для предпринимательской деятельности. И есть (или, по крайней мере, должны быть) дополнительные стимулы.

От того, удастся ли абсорбировать этот невиданный поток иммигрантов, зависит успех Исхода, а следовательно, судьба Израиля и всего еврейского народа. Может быть, в масштабах человечества это и не так много. Но и не так мало.

Декабрь 1990 г.

ИЗ РАДИОСООБЩЕНИЙ

Иерусалим, 12 июля 1990 г. По оценке главы Комитета по вопросам иммиграции и абсорбции израильского парламента г-на Клейнера, 7 миллионов 700 тысяч советских граждан имеют право на получение израильского гражданства. Г-н Клейнер, однако, указал, что Израиль не может принять такое число эмигрантов, он призвал ужесточить израильский Закон о возвращении с тем, чтобы исключить из числа возможных иммигрантов дальних родственников евреев. По мнению г-на Клейнера, прибытие в страну иммигрантов-неевреев угрожает изменить еврейский характер государства.

Закон о возвращении гарантирует израильское гражданство внукам и супругам евреев, хотя иудейская ортодоксальная доктрина не признает автоматически принадлежность этих лиц к еврейству.

По оценке Клейнера, в Советском Союзе проживает 2 миллиона 200 тысяч человек, которых можно считать настоящими евреями. Остальные пять с половиной миллионов могут претендовать на израильское гражданство, поскольку имеют еврейских родственников.

Министр абсорбции Израиля рав. Ицхак Перец утверждает, что около четверти из 63 тысяч иммигрантов из СССР, прибывших в Израиль с 89-го года, в действительности не являются евреями.

Лео фон Дау (Гейдельберг)

НОВАЯ ЕВРОПА И СТАРЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

1

Европа на пороге нового, третьего в нашем столетии, Великого Перелома. Западные и восточные немцы, поляки и чехи, венгры и словаки, румыны и болгары, воспользовавшись сумятицей в Москве, решительно продвигаются к целям, к которым стремились десятилетиями. Им, этим народам, пожинать плоды свободы, им же расплачиваться за ошибки, без которых не обойтись на пути к независимости и демократии.

Но у процесса перестройки Европы есть и пассивные наблюдатели, чья судьба, тем не менее, полностью зависит от того, во что выльются перемены на континенте. Эти наблюдатели – национальные меньшинства Восточной Европы, малые народы, не имеющие собственной государственности, и осколки больших народов, оказавшиеся в результате тех или иных политических пертурбаций за пределами своих национальных государств. Эта категория европейцев в прошлом часто становилась жертвой Великих Переломов. Похоже, история готова повториться, ибо сегодня, когда перемены на континенте только начались, мы уже стали свидетелями антивенгерских эксцессов в Румынии и антитурецких – в Болгарии, цыганских погромов в Словакии, роста антисемитизма в Венгрии, Румынии, Словакии и – более всего – в Советском Союзе. История повторяется и в другом – главными жертвами нового Великого Перелома снова становятся евреи. И это уже не предположение, это реальный факт, ибо сотни тысяч европейцев, коренных жителей Москвы и Ленинграда, Киева и Риги, еще вчера не помышлявших ни о каком переезде, сегодня бегут из Советского Союза, покидают континент, где история их народа уходит вглубь веков.

Как бы то ни было, перестройка Европы продолжается, причем перемены здесь происходят в трех направлениях: объединение Германии, обретение самостоятельности странами бывшего Восточного блока (и строительство там демократических обществ) и, наконец, то, что и называется собственно перестройкой в Советском Союзе. Все эти процессы тесно связаны между собой, но связаны обстоятельствами внешними; по существу же они различны, как, впрочем, различны они и с точки зрения последствий, к которым может привести каждый из них для будущего континента.

Что касается объединения Германии, то здесь следовало бы говорить, скорее, не об объединении, а о присоединении. Для восточных немцев уже написана конституция и отпечатана валюта, разработаны планы восстановления экономики и оздоровления среды обитания, зарезервированы места в парламенте и правительстве. Что ж, присоединение ГДР к ФРГ можно только приветствовать, ибо это

прежде всего означает расширение границ демократического мира. Однако проблема здесь в том, что появление в центре Европы Большой Германии создает новую геополитическую ситуацию и может иметь непредвиденные последствия с точки зрения европейской безопасности.

Впрочем, эта гипотетическая перспектива тускнеет на фоне тех трудностей, перед лицом которых оказались страны Восточной Европы. Десятилетия «построения социализма» обернулись здесь уничтожением гражданских обществ, подрывом экономики, разрушением окружающей среды. А ведь восточноевропейцам предстоит не просто вернуться к исходному, 1939 году, но и наверстать упущенное, догнать западных собратьев, ушедших за полстолетия далеко вперед. Сегодня даже самые отчаянные оптимисты в Восточной Европе понимают, что освобождение от диктата Москвы еще не означает, что их страны автоматически станут частью западного мира. Если же процесс политической стабилизации и оздоровления экономики здесь затянется или, хуже того, зайдет в тупик, последствия для самих восточноевропейцев и для безопасности Европы могут оказаться печальными.

Но и проблемы Восточной Европы отходят на второй план по сравнению с теми, что стоят перед Советским Союзом. Никто сегодня не может предсказать, как будут развиваться события в СССР, ясно лишь, что многие проблемы этой страны выходят за ее рамки и не могут быть решены без помощи извне. Одной из таких проблем, требующих безотлагательного решения, является бегство из страны ее еврейских граждан.

2

Надо признать, тема «Евреи и объединенная Германия» отнюдь не выпала из поля зрения мировой прессы и политиков. Ее время от времени обсуждают израильские, немецкие и американские газеты, на эту тему охотно высказываются в Иерусалиме, Вашингтоне и Бонне. Так что, когда в начале мая 1990 г. в Берлине собралась специальная конференция Всемирного Еврейского Конгресса (ВЕК), казалось само собой разумеющимся, что там и будет выработан новый консенсус или, по крайней мере, заложены основы будущих еврейско-немецких отношений в свете объединения Германии и ее новой роли в Европе и мире. Увы, ничего подобного не произошло. Берлинская конференция ВЕК превратилась в рутинную встречу, прошедшую по избитому шаблону. Президент ВЕК – миллионер из Канады Эдгар Бронфман – повторил общие места о том, что история Германии полна примеров национализма и агрессии, что объединенная, сильная Германия вызывает страх не только у евреев, но и у своих соседей, и что немцы еще должны доказать миру, что объединения Германии не следует опасаться. В ответ канцлер ФРГ Гельмут Коль, следуя тому же шаблону, заверил собравшихся, что «единая Германия будет демократическим государством, поддерживающим право Израиля на существование», и что «диалог с Израилем будет важным элементом внешней политики единой Германии». Министр внутренних дел ФРГ Вольфганг Шойбле заявил, что в будущей единой Германии борьба с правым экстремизмом и антисемитизмом будет продолжена. Заверения Коля и Шойбле были «с пониманием приняты к сведению», участники конференции посетили виллу в Бланзе, где когда-то было принято «окончательное решение еврейского вопроса», возложили венки и... разъехались по домам. Удивительным было не то, что в Берлине не удалось провести серьезный диалог, а то, с каким единодушием обе стороны «не заметили» грандиозных перемен, происходящих на континенте, и явно уклонились от ответственности, которую на них возложил Момент Истории. И те, и другие не сумели или

не захотели отойти от сценария, который был написан специально для подобных случаев чуть менее 40 лет назад, когда премьер Израиля Давид Бен-Гурион и канцлер ФРГ Конрад Аденауэр сделали первый шаг на пути возобновления отношений между двумя народами.

Инициатором восстановления еврейско-немецких отношений выступил в пятидесятые годы тогдашний президент ВЕК Нахум Гольдман. «Диссидент» в еврейском политическом истеблишменте, доктор Гольдман мыслил историческими категориями и понимал, что евреи и немцы не могут вечно жить, как бы не замечая друг друга. Бывший немецкий дипломат и крупный еврейский политик, он верил, что боль одних и стыд других должны быть преодолены во имя будущих поколений. В конце концов, Гольдману удалось усадить Бен-Гуриона и Аденауэра за стол переговоров. К сожалению, в дальнейшем еврейско-немецкие отношения развивались совсем не так, как это представлялось Гольдману.

Прежде всего, процесс примирения двух народов оказался исключительно в руках двух правительств – израильского и западногерманского. Восточная Германия не только не включилась в этот процесс, но, наоборот, сыграла весьма зловещую роль в деле вооружения смертельных врагов Израиля. Роль западногерманской общественности, безусловно положительная, оказалась, тем не менее, весьма ограниченной и свелась главным образом к тому, чтобы подстегивать политиков в Бонне и следить за тем, чтобы кто-нибудь в Германии не оскорбил чувства евреев.

Что касается мировой еврейской общественности, то сама идея возобновления еврейско-немецких отношений вызвала в ее среде глубокий раскол. Правда, в конце концов страсти улеглись, раскол так или иначе удалось преодолеть, общественность приняла установление отношений между Израилем и ФРГ, в том числе и дипломатических, как практическую необходимость. Но не более. От участия в развитии связей между двумя народами еврейская общественность устранилась. Международные еврейские организации, в том числе ВЕК, после ухода со сцены Н. Гольдмана утратили «собственное лицо», предпочитая во всех случаях оглядываться на правительство в Иерусалиме.

Итак, два правительства, чувствуя себя хозяевами положения, избрали наиболее удобную для них форму отношений. Одно – израильское – в обмен на экономическую и финансовую помощь выдавало другому нечто вроде удостоверения в респектабельности, необходимое для того, чтобы заслужить благосклонность Вашингтона и занять достойное место в клубе западных демократий. При этом Бонн извлек дополнительную пользу из отношений с Иерусалимом. Похоже, именно израильский опыт научил бонских политиков извлекать выгоду из собственной политической ущербности, связанной с отсутствием политического веса, адекватного экономическому могуществу. Политика открытого кошелька в дальнейшем не раз позволяла Бонну занять удобную, но беспринципную позицию по сложным международным вопросам. Однако в будущем от такой политики придется отказаться. Объединенной Германии так или иначе уготована роль ведущей державы континента, а в этой роли ей уже не к лицу прибегать к приемам третьестепенного государства. Чтобы добиться серьезного политического влияния на континенте, перенять у США значительную долю ответственности за его судьбу, Германия обязана будет выработать принципиальную линию по всем вопросам европейской политики.

Какова будет эта линия, сколь ответственно и последовательно будет вести себя Берлин?

Возобладают ли в новой Германии державные амбиции или там будут строго придерживаться принципа коллективной безопасности? В какой мере унаследует

Берлин политическую культуру и традиции Бонна, и как отразится на его курсе наследие сорокалетнего господства коммунистического режима в восточной части Германии – в частности, антисемитизм и предубеждение против Израиля? Наконец, насколько ясно лидеры новой Германии будут отдавать себе отчет в том, что безопасность континента – это не только взаимопонимание и сотрудничество его столиц, но и благополучие и безопасность малых народов и национальных меньшинств? Именно в этом, а не в угрозе возрождения нацизма, и заключается главная забота всех европейских народов, в том числе и евреев.

Можно ли уже сегодня проследить появление новых тенденций в политической жизни Бонна? Говорить об этом пока не приходится, иначе мы наверняка уже стали бы свидетелями протестов, направленных Бонном в Бухарест, Прагу, Будапешт и Софию по поводу притеснения там национальных меньшинств. Если бы в Бонне возобладало новое политическое мышление, мы наверное не услышали бы ни к чему не обязывающих заверений канцлера Коля на Берлинской конференции ВЕК в мае. Ведь тем самым он (как, впрочем, и его еврейские партнеры) не «заметил» главную еврейскую проблему – бедственное положение евреев в СССР.

Хотя массовая эмиграция советских евреев прикрывается лозунгом «воссоединения с исторической родиной», только слепой не видит, что евреев просто изгоняют из страны. Но, быть может, эмиграция – еще не самое худшее для этих людей. Сегодня в СССР наряду с демократизацией идет процесс консолидации праворадикальных кругов, партаппарата, КГБ и генералитета. Если этот зловещий союз обретет силу и влияние (не говоря уж о приходе к власти), то угроза кровавых погромов станет реальностью. И тем не менее, несмотря на столь зловещую перспективу, мы не услышали на встрече в Берлине заверений канцлера Коля (и просьб об этом со стороны еврейских лидеров) о том, что он поднимет вопрос об антисемитизме, изгнании евреев и угрозах погромов в Советском Союзе на уровень высокой политики.

Не услышали мы и заверений (и опять-таки просьб об этом), что Германия поможет еврейским беженцам из Советского Союза.* А ведь проблема беженцев не терпит отлагательств. Если масштабы эмиграции не уменьшатся, – а все говорит об обратном, – Израиль уже в ближайшее время больше не сможет принимать эмигрантов из СССР.

Что могла бы сделать Германия для советских евреев, о чём в действительности следовало бы вести речь в Берлине? Наверное, прежде всего Германия должна была бы громко заявить о своей причастности, наряду с другими странами Европейского Сообщества, к судьбам русских евреев. Будущая великая держава континента должна была бы поднять этот вопрос на уровень главных европейских забот и лишить три правительства – советское, американское и израильское – права келейно решать судьбы русского еврейства.

Немецкое правительство могло бы оказать помощь в решении технически сложной проблемы вывоза тысяч людей из Советского Союза. Но что значительно важнее, Германия могла бы активно добиваться в Европейском Сообществе, чтобы западноевропейские страны установили квоты на иммиграцию русских евреев. Ко-

* 31 октября 1990 г. Бундестаг «в принципе» одобрил резолюцию, открывающую двери страны перед еврейскими эмигрантами из СССР. Неясно, однако, как и когда евреи из СССР получат возможность эмигрировать в Германию (Ред.).

нечно, вопрос приема эмигрантов – проблема очень болезненная для всех стран Европы, в том числе и для самой Германии, однако чтобы стать лидером Европы, одного экономического могущества недостаточно. Признание Германии в ее новой роли придет только тогда, когда ее лидеры поднимутся выше сиюминутных забот, когда население страны примет как должное заботы и тяготы, связанные с поддержанием стабильности в Европе и мире, с решением гуманитарных проблем, не затрагивающих непосредственно немецкие интересы.

Что же касается еврейско-немецких отношений, то в историческом плане они не могут быть восстановлены путем одного лишь делового сотрудничества двух правительств. Это может произойти только через соучастие одного народа в судьбе другого. И в этом плане проблема советских евреев дает немецкому народу серьезный шанс.

3

Перемены в Восточной Европе на удивление быстро, словно по мановению волшебной палочки, изменили отношение всех стран региона к Израилю и ближневосточному конфликту. Едва освободившись от диктата Москвы, Будапешт, Прага, Варшава и София отказались от односторонней поддержки арабов, восстановили дипломатические отношения с Иерусалимом, наладили с еврейским государством воздушное и морское сообщение, торговые связи, обмен туристами, спортсменами, выставками и т.д. Официальные лица всех рангов зачастали из восточноевропейских столиц в Тель-Авив, не уставая повторять, что их цель – установить широкое и всестороннее сотрудничество с этим «неприкасаемым» в прошлом государством. Улучшилось в восточноевропейских странах и положение местного еврейского населения. Причина тому – не только либерализация общественной жизни (она, кстати, привела и к обратным результатам – вспышкам антисемитизма), но и решительный курс новых лидеров на сближение с Израилем.

Итак, в одночасье рухнула еще одна «берлинская стена», возведенная когда-то Москвой между странами и народами Восточной Европы, с одной стороны, и еврейским народом и государством Израиль – с другой. Все это произвело впечатление чуда, одного из чудес нового Великого Перелома. Чудо это, понятно, вызвало эйфорию в Израиле (особенно на фоне ухудшающихся отношений этой страны с Западом) и породило много надежд в еврейском мире. Но суждено ли сбыться этим надеждам?

Каждый, кто попытается заглянуть за кулисы событий, без труда обнаружит, что скоропалительное и нарочито драматизированное возобновление связей с Израилем не было продиктовано одним лишь желанием восстановить справедливость по отношению к еврейскому государству. Расчет очевиден. Встав на сторону Запада в одном из болезненных вопросов международной политики, новые лидеры Восточной Европы пытаются продемонстрировать свою независимость от Москвы и тем самым улучшить шансы на получение массированной экономической помощи. Проще говоря, дружба с Израилем и мировым еврейством должна, по их мнению, вызвать золотой дождь на истощенные поля Восточной Европы. Что ж, расчет в политике – вещь естественная, беда только в том, что расчет этот построен на песке, точнее, на старом, как мир, мифе.

Читая заявления и слушая речи новых руководителей стран Восточной Европы, в которых они на удивление откровенно связывают улучшение отношений с Израилем с возможными дивидендами, поражаешься не столько отсутствию такта у этих людей, сколько их наивной уверенности, что одно автоматически вытекает

из другого. Как видно, очень многие лидеры новой волны разделяют глубоко укоренившийся в восточном блоке миф о могуществе мирового еврейского капитала, всесилии еврейского лобби в США и неограниченных возможностях Израиля. Но в отличие от прежних кремлевских владык, они считают, что с «мировым еврейством» нужно не бороться, а дружить и пытаться получить от него максимум возможного. Отсюда (по крайней мере, отчасти) особое рвение во всем, что касается Израиля, чрезмерное ухаживание за функционерами различных еврейских организаций, подчеркнуто доброе отношение к местному еврейскому населению.

Но придет время, и новички в министерских креслах обретут профессиональный опыт, узнают о явных и скрытых пружинах международной политики, о том, кто и как принимает важные принципиальные решения, чем вызваны политические пристрастия тех или иных столиц. Вот тогда-то и станет ясно, что «всесильное» еврейское лобби в США добивается успеха только тогда, когда его интересы совпадают с интересами Белого дома или Капитолия, что международный еврейский капитал (если таковой вообще существует) не более чем пигмей по сравнению с современными мировыми финансовыми империями. Что же касается Израиля, то экономическое сотрудничество с этой страной, безусловно, могло бы пойти на пользу Восточной Европе. Но это – в теории. На практике же тесные экономические связи с Израилем выгодны только тем странам, которые не зависят от поставок нефти с Ближнего Востока.

Решение о сближении с Иерусалимом восточноевропейские столицы приняли тогда, когда нефть и газ из Советского Союза бесперебойно поступали на электростанции, нефтехимические заводы и в дома граждан Польши, Болгарии, Венгрии и Чехословакии. Тогда-то легко было отмахнуться от угрожающего шипения в арабских столицах, прослыть смелым и принципиальным. Но золотые денечки «энергетического благополучия» подходят к концу. СССР уже повысил цены на нефть для бывших партнеров по Совету Экономической Взаимопомощи и заявил, что прекратит поставлять им горючее по льготным ценам. Хуже того, уже в 1990 году Советский Союз недопоставил восточноевропейским странам около 30% обещанной нефти. Практически одновременно из-за событий в Персидском заливе подскочила цена на нефть на мировом рынке. Все это поставило на грань кризиса болгарскую экономику, вызвало панику в Варшаве, Праге и Будапеште. Ну, а что будет дальше? А дальше в Восточной Европе произойдет то, что однажды уже случилось в Западной, – здесь придут к выводу, что все, что можно получить от Израиля, легко найти и в других местах. А вот чтобы застраховать себя от перебоев с поставками нефти, от чрезмерно высоких цен на нее, лучше не ссориться с арабами, не слишком сближаться с еврейским государством.

Станем ли мы через некоторое время свидетелями охлаждения Восточной Европы к Израилю, а то и разрыва (пусть неформального) с этой страной? Отразится ли на положении местных еврейских общин неминуемое разочарование во «всемогущем еврействе»? Об этом еще рано судить, но при любых обстоятельствах ярко выраженный меркантилизм, когда дело касается еврейства и Израиля, не только безнравствен, но и опасен. Восточноевропейцы, если они действительно хотят избавиться от наследия нацистской и советской тирании, должны не только утверждать государственную независимость, строить здоровую экономику, но и восстанавливать подлинную историю своих стран, реставрировать вырванные из нее страницы. Одна из таких страниц – многовековая история евреев в Восточной Европе. Необходимо вернуть имена. Необходимо вернуть места в истории и культуре. Необходимо вспомнить о миллионах убитых как о погубленной части собственного народа. Необходимо восстановить то, что еще можно реставрировать, и про-

тянуть руку тем, кто еще может ответить на рукопожатие. Восточноевропейцы должны знать, что они не смогут войти в общеевропейский дом, неся в багаже ненависть, ложь или черную неблагодарность к тем, кто заложил не один камень в фундамент современной европейской цивилизации. Не золотой дождь американских долларов, а нравственное здоровье будущих поколений, – вот те главные дивиденды, которые может получить Восточная Европа, восстанавливая место еврейского народа в собственной истории, устанавливая связи с ним.

Ну, а что же все-таки станет с самой большой еврейской общиной на континенте? Выльется ли бегство советских евреев в Исход? Куда направится основная масса беженцев, скольким из них удастся осесть в других странах континента? Пока что поток беженцев нарастает, и впечатление таково, что Исход неизбежен. И все же ясно, что несколько миллионов человек не смогут покинуть страну в ближайшие год-два, – Исход затянется лет на пять, а то и десять. При всех обстоятельствах представляется крайне маловероятным, что евреи вовсе исчезнут из этой страны или из тех стран, которые возникнут на месте бывшей империи. Иное дело, что там, как и в других странах Европы, останется лишь небольшая еврейская община, которая уже не сможет играть прежнюю роль.

Август 1990 г.

ПУСТЬ ОНИ ЧИТАЮТ ПРУСТА

Интервью с Иосифом Бродским

Вы живете вне России уже много лет. Как вы переносите оторванность от родного языка?

Теперь мне уже не так тревожно, как в первые недели в Вене. Как-то я не мог найти рифму и спросил себя – неужели такой русской рифмы нет вообще? Может, я начинаю забывать родной язык? Об этом, о разлуке с родиной, есть чешская пословица: «Покинешь меня – пропадешь». Это очень по-чешски, но и очень по-русски тоже. Потом, правда, я от этой тревоги избавился.

Я завидую моим соотечественникам – не только тому материалу, с которым они работают, но и способу выражения: сленг, например, от которого я вообще-то не в восторге, бывает иногда на редкость к месту. С другой стороны, нам всем вдолбили, что поэт должен говорить языком улицы. А по-моему, как раз наоборот: не улица создает литературный язык, а литература – язык улицы. Хотя, может быть, это во мне говорит книжный человек...

Вы как-то сказали, что прошлое непомерным грузом лежит на поэте...

Вот это меня куда больше тревожит, чем оторванность от родной речи: я ужасно боюсь повторить то, что уже было кем-то сказано. Я вырос в стране, где доступ к информации – например, о том, что происходит на Западе, – очень ограничен. Я завидовал писателям за границей, пишущим на английском и немецком, потому что чувствовал, что соперничаю не только с прошлым и настоящим литературы, но и, скажем, с теологами. Я, может, и сделал какое-то крошечное открытие в теологии – ну, а вдруг Тиллих, к примеру, уже сказал по этому поводу нечто гораздо более глубокое? Этого я, конечно, знать не мог.

Другая ваша тема – страсть к книге в России в 30-х и 40-х годах, когда к ней относились, как к святыне. Как вы думаете, не исчезнет ли эта русская страсть с развитием либерализации?

Нет. У русских – и это замечательное свойство – страшная тяга к мировой культуре. Этого ничего не изменит. Желание приобщиться к цивилизации во всех ее аспектах – теологии, философии и т.д. – это результат географического положения России. Русский человек с широким кругом интересов всегда подозревает, что существует некая более глубокая истина, недоступная ему. И это вовсе не духовный

абсолютизм в его полном выражении. Скорее это комплекс духовной неполноценности – замечательное качество, с моей точки зрения, на любом уровне человеческого существования. Этот комплекс с незапамятных времен был самой характерной чертой моих соплеменников. Но вот теперь появился новый, весьма неприятный мне тип русского, считающего себя не хуже, скажем, немца.

Трудно представить себе, чтобы для многих англичан поэзия могла стать делом столь же серьезным и нравственно необходимым, что и для русских.

Дело не в серьезности. То есть в конце концов поэзия, вероятно, становится нравственной необходимостью, но дело, в сущности, в эстетической серьезности, эстетической необходимости – что гораздо важнее. По моему убеждению, эстетика – мать этики. Вульгарность – результат ошибочного нравственного выбора. Зло – вульгарно.

Вы говорили о власти поэзии над человеческим сознанием, душой...

Поэзия – несмотря на то, что русские заучивают на память множество стихов, – не может служить духовной поддержкой. Она лишь помогает избежать полного поражения.

Вернетесь ли вы в Россию?

Не думаю. Я не бумеранг и даже не маятник. Всю жизнь я старался избегать переездов и мелодрам, противился этому. А кроме того, вернуться вообще никуда невозможно. Помните Гераклита: "Нельзя ступить дважды в одну и ту же реку". Даже если это Нева.

Солженицын в своем недавно опубликованном манифесте пытался, мне кажется, подготовить почву для возвращения в Россию.

Не берусь судить, что именно он пытался сделать. Манифест его – вещь неумная, полная чепухи.

Почему?

Я имею в виду идею Русского государства. Наверное легче управлять страной, где существует этническая общность... Но общность эта возможна лишь в пределах определенного пространства и ограниченного числа людей. И введение рыночной экономики и даже демократии само по себе – не панацея. Создание государства по этническому принципу не более чем иллюзия. Сейчас все упражняются в проектировании, но, по-моему, писатель не должен поддаваться этому соблазну. Готовых рецептов не существует. Нужно просто признать, что впереди нас ждет хаос и единственное, что можно сделать, – это проповедовать хоть какую-то умеренность и хоть малую толику здравого смысла.

Значит, альтернативы раздорам нет?

Есть, одна-единственная. О будущем должен честно говорить тот, за кем есть... ну хотя бы намек на нравственный авторитет.

Возможно, Солженицын так о себе и думает. А может быть, вы могли бы?

Я не представляю себя в этом качестве. Да меня и вообще не станут слушать: ведь я еврей.

Должен ли таким человеком быть поэт?

Тогда это должно быть сказано чеканным стихом. Не знаю... если бы я занимал сейчас какой-нибудь ответственный пост, я велел бы всем "Правдам" и "Известиям" печатать Пруста – на прочтение всем. Пруста, а потом Музиля, гениев неопределенности. Это было бы несравненно лучшим воспитанием чувств для народа, чем бесконечные речи соотечественников.

Вы человек, предпочитающий уединение. Не оказалось ли присуждение Нобелевской премии в некотором роде бедствием для вас?

С самого начала было достаточно трудно, а потом стало еще сложней. Хорошо еще, что я получил ее относительно молодым. Когда стареешь, становишься более консервативным во взглядах и привычках, и это приводит к неоправданной самоуверенности. И тогда начинаешь выносить приговоры.

Как повлияла жизнь в Америке на ваше поэтическое творчество?

Никак.

Не пробуждает ли жизнь при репрессивном режиме большую жажду творчества?

Нет. По-моему, пишешь, потому что хочется писать. Посмотрите, сколько графоманов развелось во всех уголках Земли, будь там тирания или свобода. И на качестве литературы это не оказывается. У нас в России были замечательные поэты, но в большинстве случаев они начали писать задолго до переворота 17-го года. Я имею в виду тех, у кого на Западе блистательная репутация: Пастернака, Цветаеву, Мандельштама, Ахматову. Все они родились в конце прошлого века. Вообще, если вспомнить, что произошло в России, русская поэзия проявила удивительную сдержанность в этом вопросе, а ее поэтические средства оказались вполне косвенными. Все – между строк!

Что же до моей жизни, то трудно гадать, как она повернулась бы, останься я в России. Может быть, я написал бы больше, а может, рано умер бы, с моими-то хворями. А что до обвинений в том, что Америка располагает к лени, духовному разложению... мне кажется, лентяями люди становятся сами по себе. ●

Ури Бернштейн (Иерусалим)

ТРИЖДЫ ИЗГНАНИК

Поэзия есть процесс изгнания, где стесняет сама попытка общения. Обычная речь вторгается во внутренний диалог поэта с самим собой. Поэт надеется, что сможет увидеть то, чего не видели другие, пытается сформулировать мир, назвать его по имени – надеется, что дав имя каждой мысли, эмоции, каждому предмету или настроению, он сможет в конце концов объяснить их. Это стремление все объяснить, лежащее в основе поэтического творчества, желание отыскать и выразить словами смысл различных явлений внешнего мира, этот миссионерский труд заставляет поэта наложить на себя епитимью изгнания.

Единственное звено, связывающее поэта с окружающей его реальностью, – это язык. Единственное средство общения, его опора, его инструмент и его отчаяние – язык. Его собственный язык. Единственный способ придать форму окружающим предметам, переплавить окружение в какую-то новую, искомую реальность, в какой-то долгожданный облик. Лишь при отборе особого образа языка эмоция может превратиться в стих, а стих – самый странный язык, какой только можно себе вообразить.

История ивритской поэзии – это история языка. Ивритская поэзия не возникла одновременно с государством Израиль, как это произошло с ивритской прозой. Ивритская поэзия не является частью европейской традиции, в смысле четко определенного социального контекста поэзии. Это побег неестественно росшего языкового древа.

В то время как ивритский роман – продукт исторически сложившегося общества и его культуры, ивритская поэзия существовала в рамках трехтысячелетнего языка. Ее история насчитывает века. То был язык, лишенный страны, и потому он стал естественным языком поэзии. Представьте поэта, который, подобно математику, работает с абстрактными формулами языка, который творит на языке громадном и безграничном. Пищий на иврите раскалывает один языковый слой за другим и к своему удивлению обнаруживает явления культуры, важные и значительные с точки зрения сегодняшнего дня.

Трудно описать это абстрактное, внemатериальное качество языка, пересекающего периоды и века и не привязанного к какому-либо социальному или историческому контексту. В то время как ивритская проза начала, как всякая проза, описывать реальность, людей, общество – и изрядно в этом преуспела, несмотря на свою молодость, – ивритская поэзия существовала столетиями вне времени и страны.

Нет ничего более радостного и все же устрашающего, возвышающего и изнуряющего, чем творить поэзию, в которой эхом отдаются слова Библии и мистическая поэзия шестого–седьмого веков; чудесная средневековая поэзия, написанная на иврите в Испании в десятом–одиннадцатом веке, и совершенно иная поэзия, созданная в Италии во времена Возрождения; поэзия Просвещения в стиле восемнадцатого века, написанная на иврите на столетие позднее, и динамическая, непре-

станно меняющаяся поэзия последних пятидесяти лет – поразительное разнообразие стилей и школ.

На протяжении последних двух поколений у нас установилось по крайней мере четыре отличительных диалекта поэтического языка. Ивритский поэт как бы блуждает по длинному коридору, открывая дверь за дверью в странные, чудесные, мрачно-величественные комнаты, все время сознавая, что все эти двери выводят в коридор, из которого выхода может и не быть. Сочинение стихов на иврите можно сравнить с состоянием дракона, восседающего на груде золота: он охраняет свое золото, наслаждается им и все же сознает, что сумеет воспользоваться лишь малой его частью. Все это приводит к чувству отделенности, отстраненности в самом процессе сочинения ивритской поэзии. Благодаря всем этим отзвукам, этим древним голосам, этой тяжкой ноше, ивритская поэзия никогда не была и не будет поэзией, повествующей об определенных ситуациях либо написанной для определенных ситуаций, она никогда не будет соотноситься – реально соотноситься – с тем или иным социальным, экономическим или политическим контекстом, она всегда будет парить над ним и озирать из лингвистической дали жалкие дела человеческие.

Поэт, пишущий на иврите, – в противоположность прозаику, пишущему на том же языке, – использует язык, чтобы воссоздать место, вылепить окружение; использует язык, как того не делает никакой другой поэт. Такая возможность одновременно задействовать различные слои языка очень редко встречается в других языках, где поэт, выбирая слова, помещает себя в определенный регион, в определенную эпоху. За исключением намеренной архаичности или потери связи с языком, поэт работает обычно в рамках конвенционального современного словаря. Ивритский же поэт подобен алхимику. Смешивая всевозможные любопытные и редкие эликсиры и распевая, подобно всем поэтам, какие-то заклинания над своим тиглем, он сумеет, быть может, выделить субстанцию, которая подарит ему и другим бессмертие. И потому сочинение поэзии на иврите – занятие абстрактное, в нем меньше контакта с окружением, чувства принадлежности к месту и пространству. Зато сильно чувство принадлежности к культуре, ритуалу, религии. По сути, здесь затронут первый из поставленных нами вопросов. Не только все поэты пребывают в изгнании, но ивритские поэты пребывают в изгнании внутри изгнания. Мало того, что они творят необъяснимое, они принуждены творить это в соответствии с собственными безумными установлениями и правилами, которые не обязательно соотносятся с окружающей их реальностью.

Но тройное изгнание поэта, пишущего на иврите, не состоит лишь в необходимости самоизгнания всех поэтов и во врождённом одиночестве ивритских поэтов, оно коренится также в чувстве изгнания, испытываемом поэтами в стране, которая изменяется и исчезает буквально у них на глазах. Нам выпала судьба пребывать в этой стране, никогда не стремиться ее покинуть и видеть, как она постепенно исчезает, отходит в прошлое, перестает существовать. Нам выпала судьба пребывать дома и все же находиться в постоянном изгнании, откуда нет дороги назад, ибо место, куда мы мечтаем вернуться, есть в действительности место, где мы пребываем.

Перемены, которые произошли с государством Израиль, с этой страной со времен моего детства, – не политические перемены, но культурные, физические метаморфозы, человеческие изменения, – столь явственные, что я иногда чувствую, будто нахожусь в изгнании в собственной стране.

Эта страна родилась как страна европейская, как европейская мечта, как идеальное место сбора европейского еврейства, где блистательный скиталец, из-

гнаник-еврей встретится с новой судьбой. Они должны были собраться здесь, соединиться в своей древней исторической стране и создать новую культуру, новое государство, нового человека. Достаточно забавно, что это случилось, действительно случилось. В детстве я еще мог кое-что почувствовать, я мог еще ощутить какую-то долю этой мечты, воспоминание о ней, как бы оболочку воздушного шара, все еще летающую в небесах. Как можно определить неопределенную, цветущую, необычайную новую культуру помимо факта ее отсутствия, кошмара ее потерять? С течением лет (особенно после шестидесятых годов) исчезли и культура, в которую, как мы думали, со временем вольемся, и цивилизация, которую мы помогли бы создать. Как если бы землю, на которой мы строим свои дома, медленно заливало море, и мы оставались на необитаемом острове. Как если бы мы все еще правили кораблем с гордыми парусами, но капитан забыл о «порте приписки», над мачтой появился незнакомый вымпел. Говоря языком научной фантастики, мы пытались создать страну, но нас самих трансформировала страна, и теперь трудно понять, являемся ли мы предтечами совершенно новой культуры или останками мертвой, разлагающейся идеи. Очевидно мы были выкорчеваны, чтобы никогда больше не терять корней. В любом случае нас, конечно, становится все меньше. Возникает чувство перемещенности, бытия вне места – быть может, мы чувствуем даже, что становимся смешными.

И все же чувство свободы поэта, ощущение мощи, которое он извлекает из владения своим языком, есть то единственное, что поддерживает поэта в его самоизгнании. Это то единственное, во что он может верить в неверном, невероятном мире. Поэт, утерявший свой язык, свою прямую и сокровенную связь с языком, не способен выжить. У нас бывали поэты, писавшие на иврите и утерявшие контакт с собственным языком, – то ли потому, что жили вне животрепещущего его центра, то ли потому, что сознательно пожелали отстраниться, отгородиться стенами своего персонального лингвистического видения, в то время как живой язык отступал от них все дальше. Бродили по ивритской поэзии такие же зомби, что разгуливают по любой другой литературе. И потому мы все еще призваны. Здесь и только здесь – живой центр иврита, только в этой стране пылающий его очаг.

Есть еще у нас дело. Мы здесь, как мне кажется, для того, чтобы охранять язык, присматривать за ним. Это та единственная нить, которая в конце концов поможет нам и выведет нас из этого нового лабиринта. Постоянно вбирая в собственный наш язык новое и современное, непрестанно развивающуюся речь, выражения, формы слов, динамическую музыку израильского языка, мы помогаем сохранить и поддержать хребет, основу новой израильской культуры. И поскольку поэзия есть самое оптимистическое из человеческих занятий, мы в конце концов сумеем, быть может, – если не отступимся, – превратить иврит в нечто, чем он уже был однажды, во времена Библии и Мишны, в язык, принадлежащий определенной стране и определенному месту. И эта страна сможет в один прекрасный день быть определена своим языком. И неосознанно, быть может, мы трудимся, несмотря на это чувство личного изгнания, чтобы покончить одновременно и с диаспорой наших соотечественников, и с изгнанием их языка.

Шимон МАРКИШ (Женева)

ЖАБОТИНСКИЙ: 50 ЛЕТ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ

Объяснение в любви

Подзаголовок ("жанр") этого небольшого текста дает автору право говорить не только о предмете своей любви, но и о самом себе, в чем он, автор, заранее просит извинения у читателя.

* * *

Владимир Евгеньевич Жаботинский умер от грудной жабы 4 августа 1940 г. в моложежном лагере сионистской организации Бейтар, им же самим и созданной. Лагерь находился в Хантере, в штате Нью-Йорк, примерно в полутораста километрах от Города. Ему не исполнилось еще 60 лет (он родился 18 октября 1880 г. в Одессе).

А мне в тот день не исполнилось еще и десяти. Но имя Жаботинского уже говорило что-то детскому уму. В библиотеке моего отца был сборник "Фельетоны" издания 1913 г. Фельетоны? Стало быть, веселое, смешное. Оказалось, смешного ничего не было, но мощные и страшные слова царапнули сердце. И года четыре спустя, под конец войны, когда главным интересом подростка из абсолютно нерелигиозной и столь же абсолютно еврейской семьи стала участь его народа, Жаботинский вошел в мою жизнь, чтобы остаться в ней навсегда.

Едва ли нужно оговаривать особо, что за истекшие полстолетия я успел познакомиться с Жаботинским достаточно близко: прочитать практически все, что написано по-русски этим полиглотом, владевшим (активно!) восемью языками, поработать в архиве "Института Жаботинского" в Тель-Авиве (где, в частности, лежал нетронутым и невостребованным никогда не изданный русский оригинал-рукопись последней из его крупных работ, "Еврейского государства"), послушать рассказы тех, кто знал его, видел своими глазами. (К этому надо бы добавить книги и статьи о нем, но их совсем немногого: с ним больше спорили при жизни, чем пытались понять и оценить после смерти.) Давняя любовь не ослабла, не померкла ("Старая любовь — что рак", гласит латинская пословица, которую приводит Петроний), но не осталась и прежней — прозрела. Так что подзаголовком к этим нескольким страничкам надо бы выставить: объяснение в зрячей любви.

От самых первых встреч с Торой у меня осталось впечатление, что Бог настоятельно требует от нас **ОТЛИЧАТЬ, РАЗЛИЧАТЬ**. (Позже я узнал еврейский корень, обозначающий это понятие, — БДЛ; см., например, Левит, 11, 47 или 20,25.) Отличать — это отделять одно от другого, хорошее от плохого, благое от скверного: иначе говоря — делать выбор и держаться его, не плыть по течению, применяясь к обстоятельствам, а не то и к подлости, по несравненной формуле Салтыкова-Щедрина. Так вот, чемпионом бескомпромиссного выбора, чемпионом абсолютным, был, как мне видится, Владимир Жаботинский. В этом, видимо, была его слабость как политика, но в этом же была его великая сила как человека и наставника, живого примера для близких и дальних учеников.

Главным из выборов был, конечно, выбор между русскостью и еврейством, сделанный им под впечатлением Кишиневского погрома в 1903 г., на самом месте побоища. Выбор не только политический (едва ли можно сомневаться, что у Теодора Герцля не

было продолжателя более последовательного и неуступчивого), но и культурный, и более того –экзистенциальный. Первые годы нового века поставили вопрос о "национализации" или, точнее, о "ренационализации" интеллигенции, которая, "эмансипируясь", сделалась чужой своему народу. Об этом говорили, кричали даже, Дубнов и Ахад-Гаам в связи с проблемой национального воспитания в еврейских школах. Тогда же интеллигенция осознала впервые, как соотносятся в ее "окультуренной" (а говоря грубее – ассилированной) душе еврейское и русское начала. Когда умер скулитор Марк Антокольский (летом 1902 г.), редактор-издатель "Восхода" Максимилиан Сыркин писал в своем еженедельнике: "В ткани его духа... русский уток переплелся с еврейской основой. Вот куда мы шли до известных событий (имеются в виду, вне всякого сомнения, Великие Погромы 1881–1882 гг. и последовавшие за ними антиеврейские законы и циркуляры, волна государственного и общественного антисемитизма. – Ш.М.); такие плоды обещало установившееся было счастливое взаимодействие; эти плоды принадлежали стране, они увеличивали ее достояние, они обогащали ее. Нас вытесняют насильно оттуда, куда мы так охотно шли; мы, конечно, уступаем силе и уходим, но кажется, что не мы одни пострадаем от этого". Тогда же, в те же годы "хаос иудейский" наполнял ужасом мальчишескую душу будущего великого русского поэта Осила Мандельштама, тогда же в другой юной душе, в душе Бориса Пастернака, зарождались непонимание и неприязнь, которые много спустя выльются на страницах "Доктора Живаго".

Но если и не касаться примеров самоненавистничества, если остаться в кругу той части русско-еврейской интеллигенции, которая никогда не порывала со своим еврейством, мы убеждаемся, что русская "половина" весила тяжелее еврейской, что в слово-сочетании "русский еврей" первая часть была важнее второй. Читайтесь в письма Оскара Груценберга, публикуемые в этом сборнике, – вы ощутите непосредственно, что так именно оно и есть. И это никак не обвинение с моей стороны: привязанность к России и верность ей – святое и неотчуждаемое право каждого, кто там родился и воспитался. Жаботинский выбрал другую верность, и при этом совершенно нераздельную, – верность еврейству. Как раз в нераздельности ее редкость, почти что неповторимость. Русско-еврейский литератор принадлежит обеим культурам одинаково; Жаботинский принадлежал еврейству целиком и полностью, хотя до конца своих дней сохранял интимнейшую связь с родным языком, с русским, по-русски выражал самые важные, самые сокровенные и дорогие свои мысли. И потому этот – без преувеличений! – величайший мастер русского слова мог уже в 1908 г. крикнуть евреям, уходящим в "большие" литературы: "Вы ушли к богатому соседу – мы повернем спину его красоте и ласке; вы поклонились его ценностям и оставили в запустении нашу каплицу – мы стиснем зубы и крикнем всему миру в лицо из глубины нашего сердца, что один малыш, болтающий по-древнееврейски, нам дороже всего того, чем живут ваши хозяева от Ахена до Москвы". И 32 года спустя, на пороге смерти, повторил: хотя я знаю половину Пушкина наизусть, но всю русскую поэзию новейшего времени отдам за семь букв еврейского квадратного шрифта. Тут не пренебрежение чужим и, уж конечно, не отвращение (бессмысленная догадка, когда дело идет о писателе, одинаково влюбленном в Пушкина, в Данте, в По и в Бялика и – не побоюсь сказать – конгениальном всем четверым), тут упорнейшая, уникальная верность своему. И опять-таки: я не ставлю эту верность выше верности, скажем, Бабеля или Айзмана, я просто восхищаюсь и завидую: сам я на подобную твердость духа не тяну. Да и только ли я?..

Мне представляется, что и Жаботинского-политика следует рассматривать прежде всего сквозь ту же призму – героической неуступчивости, сверхъестественной верности. О политике говорить не хотелось бы – слишком далекая, слишком чужая мне сфера. Но одно скажу: мне представляется кощунством, когда покупщики продажного товара в парламенте смеют называть себя преемниками Жаботинского. Я не могу пред-

ставить себе Жаботинского, который, встав во главе государства, первым делом амнистирует, выпускает из тюрьмы вора, да еще грустиво объявляя его смертельно больным, вдобавок; я отказываюсь видеть Жаботинского заискивающе улыбающимся ветхому днями и оскудевшему разумом врагу сионизма, который соглашается терпеть хиллул ха-шем (осквернение Святого Имени) за круглую сумму прописью; отказываюсь видеть его за одним столом с ничтожеством, посмешищем всей страны, многократным перебежчиком, бесстыдно требующим министерский портфель.

Впрочем, не Жаботинский-политик — предмет моей любви, но Жаботинский-литератор.

Один из главных упреков к русско-еврейской литературе со стороны ее недоброжелателей (главным образом — самих же евреев, среди которых находим такое громкое имя, такой бесспорный авторитет, как Шаул Черниховский) — это отсутствие "вершин", отсутствие великих, хоть отдаленно сопоставимых с Пушкиным или Толстым, Диккенсом или Кафкой. Смею утверждать, что Жаботинский служит убедительным опровержением этого упрека. Смею утверждать также, что и в собственно русской публицистике (а Жаботинский принадлежит к ней едва ли не большей половиной своего публицистического наследия) нелегко назвать равного ему. Если возразят: так ведь то публицистика, — я отвечу: а Монтень и Паскаль (чтобы не выходить из круга имен, более или менее знакомых русскому читателю)? Публицистика (или, если угодно, эссеистика) с самого начала занимала почетное место в русско-еврейской словесности: Лев Осипович Леванда, один из двух отцов-основателей этой нашей словесности, был публицист Божьей милостью, прозаик же, в самом лучшем случае, посредственный; и если современникам его это было не так уж ясно, то сегодня не вызывает ни малейшего сомнения. Русско-еврейская периодика изобилует прекрасными публицистами; почти все они, увы, забыты, а те, чьи имена не канули в Лету, запомнились в ином качестве. Вот хоть Шимон (Семен) Фруг: и в собственных глазах, и в глазах читателей он был поэт, и даже национальный поэт, чуть ли не великий национальный поэт. Но поэзия Фруга быстро омертвела, а публицистика, считавшаяся и им самим, и читателем, и критикой своего рода субпродуктом, сохранила и живость, и обаяние, и пронзительность. Но кто помнит, кто знает об этом сегодня? Боюсь, что никто!

И на этом далеко не постыдном фоне Жаботинский стоит совершенно особо, с легкостью затмевая всех — и предшественников, и литературных сверстников. Сила и красота слова, с чудесной адекватностью и дивной естественностью, органичностью выражавшего беспрепятственную прямоту мысли, приводит меня и сегодня, на пороге старости, в неменьший восторг, чем когда-то, давным-давно, на пороге юности. Вот, открывая наобум затрепанный томик "Фельетонов": "Ритуального убийства у нас нет и никогда не было; но если они хотят непременно верить, что "есть такая секта", — пожалуйста, пусть верят, сколько влезет. Какое нам дело, с какой стати нам стесняться? Краснеют разве наши соседи за то, что христиане в Кишиневе вбивали гвозди в глаза еврейским детям? Нисколько: ходят, подняв голову, смотрят всем прямо в лицо, и совершенно правы, ибо так и надо, ибо особы народа царственна, не подлежит ответственности и не обязана оправдываться. Даже тогда, когда есть в чем оправдываться. С какой же радости лезть на скамью подсудимых нам, которые давным-давно слышали всю эту клевету, когда нынешних культурных народов еще не было на свете, и знаем цену ей, себе, им? Никому мы не обязаны отчетом, ни перед кем не держим экзамена, и никто не дорос звать нас к ответу. Раньше их мы пришли и позже уйдем. Мы такие, как есть, для себя хороши, иными не будем и быть не хотим". Прошу верить, что отрывок взят действительно наугад — там, где открылась книга. Если бы я выбирал, то остановился бы не на этой статье 1911 г. "Вместо апологии", написанной по случаю кровавого навета — начала дела Бейлиса, а на чем-нибудь из того, что мне видится шедевром без малейшего изъяна, скажем, "Наше бытовое явление" или "Русская ласка", или "Четыре сына"...

Помимо системы литературных приемов, которая может и должна быть описана в терминах более или менее точных, есть у Жаботинского нечто, трудно уловимое анализом, но безотказно ощущимое непосредственно; я бы назвал это "эффектом присутствия". Чудится, будто не написанное читаешь, а слышишь живой голос, обращенный именно и только к тебе, больше того — видишь глаза, которые смотрят прямо в твои, в упор. Этот эффект присутствия, создаваемый, можно предположить, экстраординарной силой личности, чрезвычайно выигрышен для публициста, но даже и в публицистике возможности его ограничены. На отрезке текста в 10, максимум 15 страниц он действует великолепно, но сотня и более страниц столь высокого эмоционального напряжения выдержать не могут. Сила обращается в слабость: пристальный, требовательный взгляд начинает тяготить и даже раздражать. Поэтому мемуарное "Слово о полку. История Еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора" (Париж, 1928 г.) я никогда не поставил бы в один ряд с лучшими статьями — ни послевоенными, печатавшимися в парижском "Рассвете" (1924—1934 гг.), ни, еще того менее, довоенными, первого, российского периода жизни.

Что касается художественной прозы, то, по моему зряче-влюбленному убеждению, эффект присутствия, наблюдаемый и здесь, решительно портит ее. В особенности это относится к роману "Самсон Назорей" (журнальная публикация в "Рассвете", 1926—1927 гг.), в несколько меньшей мере — к последнему роману "Пятеро" (журнальная публикация в том же "Рассвете", 1932—1934 гг.), к рассказам разных лет. Есть и в прозе Жаботинского эпизоды, страницы, абзацы, от которых перехватывает дыхание, но к Жаботинскому-прозаику я бы с объяснением в любви не обращался.

Зато поэту мощное личностное начало никак противопоказано не было. Оригинальных стихов от Жаботинского осталось очень немного — все больше переводы (о них я говорить не стану, хотя переводчик он был первоклассный)¹. Но среди этих немногих есть одно стихотворение, которым я непременно хочу поделиться с читателем моего объяснения — хотя бы в награду за то, что у него хватило терпения дочитать эти вполне личные и субъективные, вполне ненаучные рассуждения до конца. Я нашел его в авторском чистовике, на двух фирменных листочках гостиницы "Статлер" в Буффало, что подле Ниагарского водопада; листочки хранятся в архиве Института Жаботинского в Тель-Авиве; стихотворение, авторскую же рукой, помечено датой "15 февраля 1926"; заголовка нет. Свет оно увидело четырьмя годами позже, в парижском сборнике 1930 г. "Стихи. Переводы — плагиаты — свое", под заголовком "Мадригал". Цитирую строго и в точности по рукописи, с единственным отличием: Жаботинский до конца своих дней держался старой (дореволюционной) орфографии.

"Стихи — другим", Вы мне сказали раз,
"а для меня и вдохновенье немо?"
Но, может быть, вся жизнь моя — поэма,
и каждый лист в ней говорит о Вас...

Ведь жизнь моя — поэма, Все в ней есть:
кровь, ласка, грязь; Иордан, и Тибр, и Сена;
свистки, рукоплесканья, брань и лесть,
тюрьма, триумф, и подвиг, и измена.

Когда-нибудь, за час до той зари,
когда Господь пришлет за мной коляску,
и я на лбу почую божью ласку
и зов в ушах: "Я жду тебя, умри", —

¹ Напоминаю, что и здесь, как и выше, речь идет только о русскоязычной части многоязыкого творческого наследия Жаботинского.

я допишу, за час до Переправы,
поэмы той последние октавы.

В ней будет много глав, Иной главы
Вам пасмурны покажутся страницы:
немая ночь, без звезд, одни зарницы,
но каждая зарница — это Вы,

И будет там страница — вся в сирени,
вся в шелесте предутренней травы,
в игре лучей с росой; но свет, и тени,
и каждая росинка — это Вы.

И будет там вся была моих штаний:
все родины, все восемь языков,
и шум знамен, и шорох женских тканей,
и гром с трибун, и гам от кабаков:

мой псевдоним и жизнь моя — Качели...
Но не забудь: куда б ни залетели,
качелям путь — вокруг одной черты:
и ось моих мечтаний — это ты.

Да, много струн моя сменила скрипка;
играл на них то ласково, то хрипко,
и гимн, и джазз; играл у алтарей
и по дворам — и просто так, без толка:
но струны все мне свил Господь из шелка
твоих каштановых кудрей.

Июль 1990

B. Жаботинский
Автошарж

Томас ВЕНЦЛОВА (Нью-Хейвен)

ВОЙНА И МИФ

Эта необычная книга появилась в необычный момент. Александр Солженицын, в феврале 1974 года изгнанный из Советского Союза, только что восстановлен в Союзе советских писателей. В июне 1989 года популярный московский журнал «Огонек» опубликовал его замечательный рассказ «Матренин двор». «Новый мир», самый значительный литературный журнал в СССР, собирается печатать три главы из «Архипелага ГУЛаг». Многие советские общественные деятели, в том числе и писатели-деревенщики, ведущие свое происхождение от «Матренина двора», и московские либералы, для которых взгляды Солженицына по большей части неприемлемы, настоятельно требуют от правительства вернуть ему гражданство.

Одним словом, Советский Союз - в разгаре реформы, обусловленной, хотя бы отчасти, писательской и общественной деятельностью Солженицына. И именно в этот момент писатель, живущий в добровольном отшельничестве в Вермонте, начал публиковать на английском языке полный текст своего эпоса, который значит для него много больше, чем просто литературное произведение. Согласно автору, «Август четырнадцатого» и его продолжения (заключительный том «Апрель семнадцатого» пока не завершен) дают исчерпывающие ответы на загадки русской революции и последующей истории мира. Это книги пророчеств о будущем России и программа ее духовного возрождения.

Вряд ли можно сомневаться в замечательных достижениях Солженицына. Первое произведение, которое ему удалось напечатать, «Один день Ивана Денисовича» (1962 г.), не без оснований называли творением гения, равным произведениям Толстого и Достоевского. Эта маленькая, мрачная и художественно совершенная повесть бесповоротно изменила литературную атмосферу в Советском Союзе: с ее появлением вся продукция социалистического реализма оказалась сведенной к нулю. Затем последовало несколько прекрасно написанных рассказов, имевших столь же важное нравственное значение. Романы «В круге первом» и «Раковый корпус» оказались обреченными на существование в самиздате, что лишь способствовало их силе и влиянию. Я, помнится, читал их тайком, как и многие тысячи моих сограждан: для каждого из нас это был несравненный урок правды и достоинства. Потом появился «Архипелаг ГУЛаг», книга, более всех других в истории мировой литературы способствовавшая нынешнему кризису тоталитаризма. К моменту изгнания из страны Солженицын по праву считался лучшим и самым мужественным из живущих русских писателей, даже, может быть, самым выдающимся писателем мира.

Мне приходится перечислять все эти общеизвестные факты, потому что я собираюсь сделать заявление, которого предпочел бы избежать: «Август четырнадцатого» – с точки зрения художественной и интеллектуальной – жалкая неудача. Высказать объективное суждение об этой книге – трудно. Нам ведь известно, какие мерзости писала о Солженицыне советская пресса до и во время его изгнания; и критиковать писателя, которого так бесстыдно клевали сталинские соколы, нелегко. Но правда должна быть сказана.

Солженицын задумал большой роман о русской революции еще в 1937 г. (когда его отношение к революции существенно отличалось от сегодняшнего). После большого перерыва – войны, ареста, ссылки – он вернулся к работе в 1963 г. В результате возникло обширное, полудокументальное повествование под общим названием «Красное колесо», разделенное на «узлы». По авторскому определению, принцип «узлов» – это принцип «сплошного густого изложения событий в сжатые отрезки времени, но с полными перерывами между ними». «Август четырнадцатого» образует первый «узел». Он охватывает две недели в самом начале первой мировой войны, когда русская армия потерпела позорное поражение в Восточной Пруссии (ныне северо-восточная Польша). Тридцать лет спустя капитан артиллерии Солженицын воевал в этой области – здесь же он был арестован. В книге чувствуется превосходное знание местности, и это впечатляет, хотя порой излишек подробностей и начинает наводить скуку.

В 1971 г., за три года до изгнания Солженицына, «Август четырнадцатого» вышел в свет в Париже на русском языке. Через год появился английский перевод. Рецензенты были вежливы, хотя особого энтузиазма не выражали. По сравнению с другими, ошеломительными произведениями Солженицына, «Август» казался традиционным и растянутым. Позднее выяснилось, что вариант 1971 г. был всего лишь первым наброском. В изгнании Солженицын добавил к нему более 300 страниц, многие из которых напечатаны петитом, ввел такие важные исторические фигуры, как Ленин, Николай II и Петр Столыпин (премьер-министр России, убитый до войны, в 1911 г.). Приобретя в Вермонте окончательную форму, роман был опубликован по-русски в 1983 г. Теперь он являл собой исчерпывающее суждение о корнях Октябрьской революции и о всех последовавших русских бедах. Это и есть вариант, вышедший ныне на английском языке в тщательно выполненном переводе Х.Т. Виллетса.

Разросшийся роман вызвал яростную дискуссию среди советских эмигрантов (и в частности, англоязычной прессы). Причин тут несколько. Во-первых, взгляды Солженицына, с исчерпывающей ясностью выраженные в романе, оказались крайне консервативными. К русским либералам начала 20-го века он относится с тем же презрением, какое, как думали раньше, заслуживали у него лишь большевики, и даже, пожалуй, его сарказм по отношению к либералам более ядовит. Во-вторых, некоторые куски книги показались антисемитскими. Конечно, можно было попробовать доказать, что это не так, но для доказательства требовалась работа воображения. Были критики, в том числе немало евреев, не признававшие такие обвинения против великого писателя, да и сам Солженицын отверг подозрения в антисемитизме.

Таким образом, читатели разделились на два лагеря. Для многих Солженицын остается предметом культа, недосягаемым для какой бы то ни было критики; попытки обнаружить ошибки в его суждениях или высказать сомнения насчет художественного качества его новых писаний тут же вызывают обвинения либо в зависти, либо в связях с КГБ, либо и в том, и в другом. (Так же относится к критикам – что, впрочем, неудивительно – и сам Солженицын.) Рецензентов и

читателей из другого лагеря сегодняшние воззрения Солженицына просто-напросто пугают. Один русский писатель, друживший с ним в 60-е годы, помогавший собирать исторические материалы для «Августа четырнадцатого», однажды с не-поддельным ужасом сказал мне: «Он ухитрился всех нас провести. Он обманул два поколения».

В нынешнем виде «Август четырнадцатого» – бесформенное и с трудом читаемое произведение. Сам по себе метод «узла» выглядит многообещающе: идея написать «историю под микроскопом», сосредоточившись на моменте исключительной исторической плотности, представляется интересной и амбициозной. Но книга распадается у нас на глазах.

Она начинается с семейной хроники, напоминающей Томаса Манна, Мартена дю Гара и, разумеется, Толстого. Персонажи вводятся на старомодный манер, с генеалогиями, биографиями, ретроспекциями и пр. Большинство, если не все, списаны с реальных людей, среди которых отец и другие родственники Солженицына. Но после 68-й страницы, как раз когда читателю становятся интересны их судьбы, они попросту исчезают. Некоторые снова появляются гораздо позже – и то мимоходом, другие пропадают бесследно. Можно предположить, что их судьбы завершатся в следующих «узлах», но, судя по продолжениям, уже появившимся на русском языке, это происходит не всегда.

Далее идет очень подробное описание войны в Восточной Пруссии, с картой и детальными тактическими обзорами мелким шрифтом, которые большая часть читателей может пропустить безо всякого вреда. Но даже тот, кто прочтет каждую строчку, выиграет немного: разбираться в этом море имен, цифр и малопонятных военных терминов крайне утомительно. Некоторые персонажи выходят на первый план: генерал Самсонов, простодушный и честный служака, который кончает с собой после разгрома его армии немцами; полковник Воротынцев, смелый, энергичный руководитель, который восхищается немецкой культурой, но тем не менее остается непоколебимым патриотом; поручик Ленартович, радикал, мечтающий о разрушении России. Вокруг них кишат карьеристы и верноподданные глупцы, из-за некомпетентности и продажности которых льется кровь русских солдат. Как ни странно, но воззрения Солженицына здесь едва ли не буквально совпадают со стандартными рассуждениями советских учебников истории.

Наконец, имеются еще по крайней мере три «романа в романе», из-за которых книга и вовсе утрачивает равновесие: утомительный обзор русского революционного движения, данный в диалоге юной девицы Вероники с ее двумя невероятно глупыми тетушками, призванными олицетворять русское либеральное мнение; нескончаемый отчет о реформах премьер-министра Столыпина и его убийстве; и написанная в весьма ироническом тоне биография Николая II, основанная главным образом на его дневниках. (Есть еще рассказ о Ленине, но он, в порядке исключения, короток и по делу.) Все это, вместе взятое, выглядит весьма неуклюже.

Конечно, почти на каждой странице этой сбивающей с толку книги есть и меткие метафоры, и точные, новаторские сравнения, и выразительные образы, каких можно ожидать от великого писателя. Многие описания незабываемы: например, теплый душный день на юге России или зловеще-мирный город Алленштайн, который занимают войска Самсонова перед самой катастрофой. Ужас окопной жизни описан так точно, что Солженицын с легкостью может конкурировать с признанными мастерами этого жанра. Многие герои врезаются в память, особенно Самсонов (списанный, по авторскому признанию, с литературного наставника Солженицына Александра Твардовского, поэта, в 1971 г. затравленного насмерть сталинистами). Рассказ о последних часах Самсонова, пронизанный религиозным сим-

волизмом, – это подлинный Солженицын на художественном уровне «Матренина двора». Да и образ Воротынцева тоже в общем удачен: прагматик и технократ до мозга костей, один из тех, кто, по мысли Солженицына, могли бы изменить Россию, но были сметены некомпетентными и глупыми радикалами.

По большей части «Август четырнадцатого» следует образцу классического русского романа («роман классический, старинный, отменно длинный, длинный, длинный, нравоучительный и чинный»). Но Солженицын использует также некоторые приемы, заимствованные из произведений модернистов 20-х годов. Практически все критики заметили, что он следует Дос Пассосу (который, хоть и заклейменный как «ренегат» и «враг советского народа», в русских библиотеках сталинской или хрущевской эры был все же доступнее, скажем, Джойса или Фолкнера). Традиционное повествование прерывается газетными вырезками, солдатскими песнями, стишками, пословицами и так называемыми «экранами», которые следует читать как сценарий для некоего воображаемого и вряд ли осуществимого фильма.

Здесь самое лучшее – это газетные вырезки (все, очевидно, подлинные): они несут в себе живой привкус эпохи, и в них наличествует юмор, которого роман вообще начисто лишен. Самое плохое – «экраны» (со звуковыми эффектами, движением камеры и т.д.): они напоминают дурные стихи. Среди модернистских приемов – всепронизывающий символизм «красного колеса», под которым понимается хаос и опасности большевистской революции. (Даже Ленин, пусть всего лишь на миг, напуган красным колесом паровоза.) В одном из «экранов» кошмарное багряное колесо оказывается «нормальным колесом от лазаретной линейки»; оно дрожит, трястется и в конце концов падает, видимо символизируя крушение тоталитарного режима, который десятилетиями гипнотизировал народы мира, но оказался жалким и ничтожным. Здесь, несмотря на прямолинейность, солженицынское пророчество представляется вполне уместным.

Язык «Августа четырнадцатого» – это дерзкая попытка создать особый литературный диалект в противовес банальному советскому языку. Солженицын использует необычные морфемы и сочетания, замысловатые причастия и наречия, диковинные эллипсы и синтаксические инверсии. Смотрятся они, мягко говоря, очень странно, но во всяком случае, по большей части, теоретически возможны. Писатель также щедро украшает страницы книги устаревшими выражениями и редкими коллоквialiзмами. Некоторые герои говорят не по-русски, но на искаженном украинском. Иной раз этим достигается мощный художественный эффект, стиль Солженицына становится плотным и точным, напоминая цветаевский, однако зачастую эта техника оборачивается раздражающей манерностью. Виллетьс – знающий и изобретательный переводчик, но он редко пытается передать солженицынскую игру слов на английском.

Сравнение солженицынских сцен войны и мира с толстовскими неизбежно – и Солженицын сам на это неустанно напрашивается. Первые же строки «Августа четырнадцатого» отсылают нас к «Казакам», и таких отсылок слишком много, чтобы их перечислять. Конечно, Солженицын редко достигает высот Толстого, но это вряд ли можно считать упреком в его адрес. Гораздо интереснее, что «Август четырнадцатого» задуман как полемика с великим предшественником, как опровержение его нравственной заповеди.

Юный Саня Лаженицын, предполагаемый главный герой романа (на самом деле он таковым не становится) – неудавшийся толстовец. Он даже встречается с «пророком» и в разговоре с ним критикует его взгляды. Согласно Сане, Толстой недооценивает силу зла и необходимость всеми способами сражаться с ним. Это важное место, в котором Солженицын предстает как новый Толстой, сильно, одна-

ко, поумневший и вместо непротивления предлагающий неумолимость. И вот тут-то книга и поворачивает не в ту сторону.

В поисках корней российских бед Солженицын обнаруживает их главным образом в дьявольских намерениях и поступках двоих персонажей, которых следовало любой ценой остановить, но которые, к несчастью, преуспели в своих бесовских начинаниях благодаря глупости и нерешительности русских правительственные кругов и, в особенности, вследствие вредного влияния русских либералов и демократов. Один из этих людей – Ленин. Второй известен куда меньше – это Дмитрий Богров. Загадочная фигура, полицейский агент и террорист-любитель в одно и то же время, Богров убил Столыпина, который, по мнению Солженицына, был единственной надеждой для России.

Глава о Ленине принадлежит к наиболее удавшимся частям книги. Она пронизана язвительностью и несколько тяжеловесной иронией, но в целом дает убедительный портрет исторического деятеля. Образ Ленина выявляется в основном через внутренние, полубредовые монологи. «Всевидящий» большевистский лидер настолько погружен в ничтожные внутрипартийные дрязги (похоже, его главное поприще – склоки), что история оставляет его позади. Война оказывается для него полнейшей неожиданностью. «Объявила войну Австрия Сербии – как не заметил. И даже Германия объявила России! – как ни почем...»

Но Ленин – прирожденный игрок, вечно импровизирующий, одержимый «жизнью азарта, этим напором, когда увлеченный одной линией, вдруг слепнешь и глухнешь к окружающему», и он немедленно прозревает новые перспективы, которые открываются для революционера во время войны. Для него война – не катастрофа и не трагедия: это «счастливая война», это долгожданный шанс разрушения старой России и мирового порядка. «Ампутировать Россию кругом. Польше, Финляндии – отделение! Прибалтийскому kraю – отделение! Украине – отделение! Кавказу – отделение!» Для Солженицына подобные мечтания Ленина, видимо, числятся среди самых тяжких его грехов (что бы там ни думали поляки, финны, прибалты и прочие.)

Ленин буквально лишен каких бы то ни было эмоциональных привязанностей; вместе с дико надоевшей ему женой он весь нацелен на сочинительство лозунгов и абстрактных схем. Этот непрощающий сектант, этот апостол разрушений и ненависти становится буквально демонической фигурой. Но как это ни парадоксально, у него обнаруживаются и какие-то очень человеческие черты. Он робок, вечно напуган перспективой уничтожения и до смерти боится народа, «темной толпы» («Очень просто: придут с вилами и ножами... – и к чертям вся партия!»). Представляя возможность организованного насилия толпы, направленного на него, Ленин возлагает все свои надежды на австрийский закон и порядок: «Диалектика: жандарм – вообще плохо: а в данный момент – хорошо». Это и смешно, и в то же самое время зловеще, и очень убедительно.

Гораздо менее убедителен невыносимо длинный пассаж о Столыпине (главы 59-73, всего 245 страниц, часто петитом). Он не только плохо написан, но и окрашен сомнительной идеологией и скомпрометированным мифом. Начинается кусок с длинной дискуссии между Вероникой и ее тетушками, в которой подробно пересказывается история русского революционного движения и особенно его террористского крыла. Прием этот сам по себе до удивления наивен. Карикатурные тетушки отвечают на нескончаемые вопросы девушки по типу «скажи-ка, дядя, ведь недаром...». В принципе они должны выступать от имени русской интеллигенции, которая для Солженицына является одним из главных виновников рокового поворота в истории страны. «Вся русская интеллигенция в конце концов есть одно

направление и одна партия, слитая в общей ненависти к самодержавию, презрении к жандармам и общей жажде демократических свобод для плененного народа».

Ну и что же тут плохого? Можно припомнить, что Солженицын ведь и сам обличал автократию, называя ее глупой, продажной, бездарной. Но грех интеллигентии, по его мнению, в том, что она посодействовала резкому, слишком внезапному разрыву с прошлым. Интеллектуалы, отбросив соображения нравственности, нарушили органический исторический процесс. Это соображение, разумеется, достойно обсуждения, но Солженицын, увы, доказывает свою точку зрения весьма примитивными методами: он использует клише и противопоставления социалистического реализма, только в обратном порядке. Все революционеры, воспеваемые тетушками, – всего лишь пресыщенные декаденты, циники, исполненные слепой ненависти наркоманы, фанатичные приверженцы смерти. В книге почти нет упоминаний об истинных серьезных демократах и борцах с авторитарным режимом, которых было немало в России тех дней – так же, впрочем, как и сегодня. В лучшем случае они изображены как слабаки и простофили, которых террористы используют в своих целях.

Согласно Солженицыну, единственным человеком, который мог справиться с недостатками самодержавия, предотвратить войну и революцию, не выступая против органических законов истории, был Петр Столыпин. Он представлен в книге в безусловно апологетических тонах. Это не только нарушает правила хорошей литературы, но и подрывает доверие к автору. Столыпин – живое олицетворение своей страны («Постоянное напряженное ощущение всей России – как бы целиком у тебя в груди»), святой и, скорее всего, Спаситель («Через кого мир свет увидел – того и обидел»). Его смерть изображена как подлинная Голгофа.

На самом деле, Столыпин был способным государственным деятелем, реформы которого (особенно аграрная) могли принести пользу России. Но святым он вовсе не был. Он часто проявлял неуважение к закону и к демократическому процессу, был приверженцем авторитарных методов, не колеблясь прибегал к смертной казни. Проблемы национальных меньшинств ему были и вовсе непонятны (хотя, следует отдать ему должное, он не был антисемитом). И он не сумел воспитать преемника, который продолжил бы его политику, – а для политического деятеля это признак неудачи.

Солженицын обожает Столыпина. Он отождествляется с ним настолько, что все мысли и заявления этого героя даются без какой бы то ни было дистанции. А от этих мыслей и заявлений зачастую мороз по коже подирает. Например: «Всякое начальное попустительство лишь увеличивает поздние жертвы. Умиротворяющие начала – где можно убедить. Но этих бесов не исправить словами убеждения, к ним – неуклонность и стремительность кары». Эти слова явно напоминают Ленина и даже Вышинского, главного прокурора сталинских чисток.

Конечно, Столыпин и Ленин были смертельными врагами. Конечно, число стольпинских жертв существенно меньше, чем ленинских и сталинских. Но это арифметика. В своих диктаторских замашках, в презрении к законности Ленин и Столыпин были в какой-то степени двумя сторонами одной медали. (Это, кстати, прекрасно понимает «Память», неонацистская организация в сегодняшнем СССР, которая боготворит обоих).

Если это восхваление авторитарного правления и «чисто русского правительства» и есть солженицынский рецепт для будущего России, то нас могут ждать неприятности. Положение становится еще хуже, когда мы подходим к Богрову, двойному агенту, смертельно ранившему Столыпина в Киеве в 1911 г. Это презренное, «змеящееся» создание противопоставлено Столыпину по самым затхлым запо-

ведям социалистического (или, если угодно, антисоциалистического) реализма. Столыпин – герой эпического масштаба. («Крупной фигурой, густым голбом и как он твердо ступал, и как уверенно принимал решения, Столыпин еще усилия... впечатление крепости, несгибаемости, здоровья...», «(он стоял) весь ярко-белый, в летнем сюртуке»). Богров слаб и нервен, изнежен и труслив, он жаждет красивой жизни и страшно жалеет себя самого. («Всегда он казался истощен, переутомлен, недоумен и невесел. И голос его был надтреснут с вибрирующими нотками, как у легочных больных». «Тerrorист, змеясь черной спиной, убегал..»). Возможно, эти наивные стереотипы до некоторой степени покоятся на исторических данных, но в контексте художественного произведения они явственно отдают мифом, и мифом безобразным.

Ведь Дмитрий Богров не только преступник и двойной агент, не просто олицетворение безумного революционера и беспринципного интеллигента – он к тому же еще и еврей. Подлинный Богров отдавал себе отчет в своем еврействе, и, вероятно, его решение убить русского премьер-министра было в какой-то –хотя и не в самой большой – мере обусловлено возмущением погромами. Но Солженицын предпочитает всячески оттенять его происхождение, чтобы придать его поступку смысл извечной борьбы между русскими и инородцами, между человеком, выросшим на своей земле, и безродным космополитом. (Он, например, то и дело величит Богрова «Мордко», используя сокращение от «Мордехай».) Распространяться об опасности такого упрощения, такого искажения истории ни к чему – трагический опыт нашего века перед нами.

Солженицын решительно отвергает все обвинения в антисемитизме. Более того, можно процитировать статьи, в которых он восхваляет Израиль. Не думаю, чтобы он был антисемитом в вульгарном смысле этого слова. Он просто фундаменталист, который считает «народ земли» (а евреи в Израиле – это народ земли) в нравственном смысле выше утративших свои корни людей, живущих в диаспоре, будь они русскими, евреями или кем угодно. В интервью, данном журналу «Тайм» несколько месяцев назад, он сказал: «Антисемитизм – это предвзятое и необъективное отношение к еврейскому народу как таковому... Ни один истинный художник не может питать предрассудки в отношении целого народа...» Однако отдельные представители этого народа, особенно те, кто вроде бы оказывается вне его, – совсем другое дело. Это по меньшей мере сомнительная позиция, даже если она не всегда опасна. Действительно опасно другое: насколько я знаю, Солженицын ни разу не отмежевался от антисемитов в России, которые используют его произведения и его авторитет для своих не слишком благородных целей.

«Август четырнадцатого» – это неудача большого писателя, сменившего литературу на идеологические проповеди и сомнительные пророчества. Здесь опять уместна аналогия с Толстым. Немногие помнят его безумные нападки на Шекспира или его наивные религиозные поучения. Помнят «Казаков», «Войну и мир», «Анну Каренину». Наши потомки не запомнят Солженицына как автора «Августа четырнадцатого». Они будут читать и почитать его ранние произведения, принадлежащие к лучшим, важнейшим творениям нашего века.

ГДЕ ЖЕ ТЫ, ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ?

Рецензия, написанная через 65 лет

Этого мира больше не существует. Огнем и мечом прошли по нему войны и революции, его обескровили многочисленные погромы и волны эмиграций, его медленно убивали строители светлого будущего, его окончательно стерли с лица земли нацистские сверхчеловеки. Сегодня лишь старые фотографии свидетельствуют, что мир этот существовал не только в воображении Шолом-Алейхема или постановщиков нашумевшего американского мюзикла «Скрипач на крыше».

И вот, о чудо, здесь, в Мюнхене, мне привелось увидеть живые картинки неведомого, окруженного легендами и мифами, навсегда ушедшего мира, мира еврейского местечка. В уютном зале Городского киномузея состоялся просмотр фильма Алексея Грановского «Еврейское счастье». Фильм этот был снят в 1925 году, снят той же съемочной группой киностудии имени Горького, что одновременно работала над знаменитым «Броненосцем Потемкин». (Позже мне рассказали, что как только Сергей Эйзенштейн отлучался со съемок в очередную заграничную командировку, рабочие спешно меняли декорации, статисты сбрасывали матросские робы и приклеивали бороды, а на съемочной площадке появлялись актеры Еврейского камерного театра и частные гости – автор титров Исаак Бабель и Натаан Альтман, художник и советчик Грановского).

Итак, герой фильма – конечно же, шолом-алейхемовский Менахем-Мендл, «человек воздуха». Его дом полон – но не добра, а бесчисленных детишек, бабушек и тетушек. Увы, Менахем-Мендл, которого играет Соломон Михоэлс, должен зарабатывать. Но как может заработать бедный еврей в местечке? Он идет к богатому еврею и предлагает ему застраховать имущество. Но богатый еврей уже застрахован – «этим мелочи» его не беспокоит. А беспокоит богатого еврея, что дочь его, красавица Бейла, встречается с голодранцем Залманом. Пока богач реб Кимбак обдумывает, где найти богатого жениха для ненаглядной Бейлы, Менахем-Мендл встречает горемыку Залмана, и в голове его рождается план: раз уж в местечке больше страховых агентов, чем бедных евреев, он попробует счастья в торговле. А Залман будет его компаньоном, конечно же – младшим компаньоном…

Собрав незамысловатый товар – парики и зонтики, кофточки и корсеты, наши компаньоны отправляются в Бердичев. Но кому в Бердичеве нужны парики и зонтики? Первая же попытка затянуть в корсет пышногрудую «мадам» заканчивается плачевно – корсет лопается, а посыпанный коммерсант оказывается в луже пыли. Ладно бы еще срам! Пришлые коммерсанты попадаются на глаза околоточному, который, недолго думая, хватает их за шиворот и волочет в участок. Как доказать, что «товар» не контрабандный, а местного, бердичевского производства? Только «незаметно» сунув уряднику серебряные монеты.

Измученный и усталый, потеряв товар и последние гроши, бредет Менахем-Мендл к поезду и, устроившись в тесном купе, тут же засыпает. И снится Менахему,

что он уже не страховой агент, а известный и богатый шадхен – сват. Как и положено богатому, счастье ему улыбается – он встречает компаньона. Нет-нет, не голодранца Залмана, а статного американца с бородкой а ля дядя Сэм. Американец – ни много ни мало, барон Гирш, директор фирмы «Все для брака» – бросается к нему, Менахему-Мендлу, в объятия и умоляет... спаси Америку!

– В Америке женихи лезут на стену. Спасайте Америку, Менахем!

И соображает Менахем – пришел его звездный час. Отовсюду – из Бердичева и из Жмеринки, из Белой Церкви и из Житомира – соберет он бесценный товар и доставит его в Америку.

И вот уже не идут – плывут невесты, десятки, сотни, тысячи невест. В пышных подвенечных нарядах спускаются они к пристани по той самой одесской лестнице, которая скоро войдет в историю кино незабываемыми кадрами марширующих и стреляющих в толпу солдат, бегущих в панике людей, катящейся по ступенькам детской коляски...

А пока что Менахем-Мендл, как и подобает полководцу, устраивает смотр своему «войнству». Гордо шагает он в сопровождении компаньона и вдруг останавливается: перед ним красавица.

– Товар для Ротшильда, грузить отдельно, – командует Менахем.

В следующий момент камера оператора Эдуарда Тиссэ уже показывает нам корабельные лебедки, подъемники, краны – грунтят невест! Наконец, трюмы полны – пароход «Все для брака» отплывает. А наш полководец бежит по одесскому пирсу и машет ему вдогонку. Он горд, он счастлив.

– Король, король над шадхенами обеих полуушарий, я спас Америку! – стучит у него в голове. И чтобы продлить минуту счастья, король шадхенов взбирается на знаменитый одесский маяк, салютует в последний раз и... падает в море.

– Что с вами? – спрашивают перепуганные соседи по купе, поднимая свалившуюся с лавки Менахема-Мендла.

– Ничего страшного, – отвечает наш герой и рассказывает соседям свой чудесный сон.

– Бог мой, вы – сват? – Сосед напротив протягивает Менахему-Мендлу руку.

– Будем знакомы, я тоже сват, реб Ушер из Ярмолинц. Кажется вы хотите сказать, что у вас есть партия?

– Еще какая партия, – не мешкая, отвечает Менахем-Мендл. – В Бердичеве, с двухэтажным домом у реки.

– Покрыто, Ярмолинцы согласны.

Не во сне, но наяву компаньоны бьют по рукам.

И снова бежит Менахем-Мендл к Кимбаку, предлагая богачу чудо-товар. На этот раз гешефт состоялся, и несчастный Залман сломя голову бегает на почту, отправляя и получая депеши из Ярмолинц. Еще бы, нужно договориться о приданом, о том, где справлять свадьбу... Наконец, все договорено, и в «нейтральном» mestechke Летичиве, в заезжем доме «Горячий напиток» вовсю кипит работа: пышные кухарки фаршируют рыбу, стряпают кнейдлах, жарят цыплят.

– Вашу свадьбу я устрою на чистом гусином сале, – уверяет Менахема-Мендла мадам Щупак, протягивая Залману тарелку со шкварками. Тарелка тут же оказывается на полу, что, впрочем, не смущает хозяйку «Горячего напитка».

– Посуда бьется к счастью, но тарелка стоит рубль...

Наконец, все готово, ждут молодых.

И молодые прибывают. Их, как и положено, устраивают в разных комнатах, чтобы в торжественную минуту свести для первого знакомства. Минута эта наступает, двери комнат распахиваются и – о ужас! – и там, и здесь... невеста!

Ярости богача Кимбака нет предела, с кулаками набрасывается он на едва не потерявшего сознание Менахема-Мендла:

– Вы испаскудили меня, сделайте жениха, не сходя с этого места!

От хорошей встряски Менахем-Мендл приходит в себя, взгляд его становится все более и более осмысленным. Вдруг глаза его загораются.

- Пожалуйста, реб Кимбак, – как ни в чем ни бывало говорит он кипящему от злобы богачу, – вот он! – Величественным жестом указывает Менахем на трясущегося Залмана.

Вот это находка! Все в восторге. Голодранца поспешили переодевают, прихорашивают и ведут под хупу.

И вот уже летят осколки разбитого стакана, льется шампанское, оркестр играет фрейлахс. Счастье, какое счастье! А ведь это он, Менахем-Мендл, составил счастье бедных влюбленных.

Но в местечке так много бедных и так мало счастья...

Отгремела музыка, свадебный фаэтон трогается.

– А мое вознаграждение? – с недоумением вопрошают Менахем-Мендл.

– Уйдите с дороги, не мешайтесь под ногами нашей свадьбы, – богач толкает незадачливого свата в грудь.

Убитый горем, со слезами на глазах собирает Менахем свои жалкие пожитки и, еле волоча ноги, направляется к станции. Сколько трагизма в сгорбленной, медленно плетущейся фигуре, которую долго-долго провожает камера оператора. Но понемногу фигура распрямляется, шаг убывает. И вот уже наш герой не идет, а бежит. Все быстрее и быстрее мчится он навстречу будущему – ведь впереди у него так много дел! Ему еще предстоит совершить революцию и победить в гражданской войне, расписать картинками родного местечка парижскую Гранд Опера и расщепить атом, он еще должен основать Голливуд и стать первым скрипачом планеты... Да, кстати, не забыть бы ему построить государство на Земле Обетованной...

В надежде, что все-то ему удастся, мы и расстаемся со смешным маленьkim человечком, мечущимся в поисках миража – еврейского счастья. Двери зрительного зала закрываются, оставляя зрителя с ощущением неразгаданной тайны. И верно, мысль постоянно возвращается к вопросу – а чем же, собственно, так трогает старая лента? Быть может, мы случайно набрели на забытый шедевр?

Не станем судить о художественных достоинствах фильма – слишком уж далеко ушла современная кинематография, слишком уж сильно (и не единожды) менялись эстетические вкусы публики. Но и без того ясно, что «Еврейское счастье» не принадлежит к числу шедевров немого кино. Ленте этой очень далеко и до «Метрополиса», и до картин Чарли Чаплина, до фильмов с участием Макса Линдера и того же «Броненосца Потемкин». Замечу в скобках, что Соломон Михоэлс явно «работает» в этом фильме под Чаплина. Котелок, тросточка, чаплинская походка – откуда бы им взяться в еврейском местечке? Как видно, «великий немой» продиктовал законы жанра, отступать от которых не решались даже большие актеры.

Но если «Еврейское счастье» – не шедевр киноискусства, то чем же привлекает, интригует зрителя старая лента? Думается, прежде всего тем, что ставит много неожиданных вопросов.

Как – еврейский фильм в Советском Союзе, в стране, где слово «еврей» десятилетиями было непроизносимо?! Выходит, когда-то можно было ставить фильм на еврейскую тему так же, скажем, как и на грузинскую? Более того. Фильм этот не мог появиться на ровном месте. Были, как видим, еврейские актеры и писатели, художники и кинематографисты. Выходит, еврейская культура в Советском Союзе – не миф, а реальность, свидетель чему – извлеченная с пыльных полок лента. Но кто знает сегодня, что такое еврейская советская культура, кто знает, где ее творцы и ее шедевры, где ее истоки и где ветви? Этого не знает никто, это – тщательно скрываемая страница истории. Истории российского еврейства, истории советского государства, истории культуры. Еврейской, русской, мировой.

В этом-то и разгадка тайны. «Еврейское счастье» не столько умиляет видами местечка – родины российского еврейства, не столько очаровывает сентиментальными сценами из жизни прабабушек и прадедушек, сколько приоткрывает завесу над исчезнувшим миром, над уничтоженной его культурой, воскрешает лица актеров, имена писателей, художников, режиссеров, мечтавших когда-то об еврейском счастье, но погибших от рук палачей, замученных в тюрьмах и лагерях, рассеянных по всему шару земному.

Эйтан Финкельштейн

Марк Шагал. Свадьба

Оскар Осипович ГРУЗЕНБЕРГ

ПИСЬМА ИСААКУ АДОЛЬФОВИЧУ НАЙДИЧУ (1920-1933)

В библиотеке еврейской общины города Женевы хранится часть архива Исаака Найдича (1868-1949), российского промышленника, еврейского филантропа и крупного сионистского деятеля в период между двумя мировыми войнами. В частности, его планам и идеям был обязан своим рождением в 1920 г. Керен Гаесод (Фонд Основания) – главный финансовый орган всемирного сионистского движения. Большая часть бумаг Найдича, находящихся в Женеве, связана именно с деятельностью Фонда. В 20-30-е годы Найдич жил в эмиграции в Париже, годы войны провел в Соединенных Штатах, последние годы своей жизни – снова во Франции.

Имя Оскара (Израиля) Груzenberga (1866-1940) должно быть известно каждому российскому (да и не только российскому) еврею. Он был одним из самых знаменитых адвокатов Российской империи на излете ее существования и, бесспорно, самым знаменитым еврейским адвокатом. При этом я имею в виду не еврейское происхождение, не вероисповедание, но самоидентификацию и участие в «еврейских процессах» (дела о погромах, о кровавом навете). Вершиной как адвокатской карьеры, так и славы Груzenberga, считается защита Менделя Бейлиса (1913 г., Киев), обвинявшегося в ритуальном убийстве. Бейлиса защищала целая «бригада» адвокатов, и Груzenberg был фактическим главою ее.

Февральская революция 1917 г., которая дала российскому еврейству гражданское равноправие, возвысила присяжного поверенного Груzenberга – возвела его в ранг сенатора (декретом министра юстиции Временного правительства Александра Федоровича Керенского); своим сенаторским званием Груzenberg продолжал гордиться и в эмиграции. Между февралем и октябрем он отдавал массу энергии преобразованию суда, в особенности военного суда; октябрьский переворот положил конец и этой работе, и вообще трудам русского юриста Груzenberga. Во время Гражданской войны он председательствовал в Еврейском совете самообороны и в Совете по оказанию помощи жертвам погромов, скорее, впрочем, номинально, чем по сути: в 1918 и 1919 он скитался безостановочно – Тифлис, Киев, Одесса и, наконец, в самом конце 1919 г. или самом начале 1920 г.– Константинополь.

Политически Груzenberg был ближе всего к русским либералам – кадетам (по некоторым сведениям, был даже членом этой партии, в рядах и в руководстве которой было немало евреев не только по имени, но и по национальному самосознанию). Однако уже в 1917 г., возможно в связи с Декларацией Бальфура, центр его интересов сдвигается в собственно еврейскую сторону, отчасти, возможно, даже и в сторону сионизма. Как бы то ни было, в Учредительное собрание Груzenberg был

избран не по кадетскому, а по единому еврейскому национальному списку, от еврейских организаций Юга России.

Из Константинополя Груzenберг с семьей попал в Берлин, где провел пять лет, до 1926 г., затем поселился в Риге, столице независимой Латвии, где «еще сохранились и живы были традиции недавней общей жизни с Россией, ее язык, ее культуры...» (из биографического очерка, составленного бывшим помощником Груzenberga по петербургской адвокатской практике И.Л. Цитроном и вошедшего в сборник «О.О.Груzenберг, Очерки и речи, Нью-Йорк, 1944 г.»). В Риге он ведет дела (разумеется, исключительно гражданские) и даже (продолжаю цитировать Цитрона) «основывает „Русское Юридическое Общество“ с собственным ежемесячным органом „Закон и суд“. Этот журнал... он редактировал в течение шести лет. Почти в каждом номере появлялись его передовые статьи». Материальная его ситуация была, скорее всего, не блестящей, но и подлинной нужды он не знал.

В первой половине 30-х годов (не позже 1934 г.) Груzenберг с женой поселились в Ницце. Там он и скончался – 27 декабря 1940 г., во Франции, уже поделенной между германскими национал-социалистами и «родным», «почвенным» Петэном.

Помимо участия в специально юридической периодике, которое началось в России, задолго до революции и эмиграции, Груzenберг сотрудничал с самого начала 90-х годов в русско-еврейском журнале «Восход» (единственном в те годы русско-еврейском периодическом издании) – вел любопытнейшую рубрику «Литература и жизнь» (она продолжалась до 1895 г. включительно). В эмиграции он появлялся в парижском русско-еврейском «Рассвете» Жаботинского, но, кажется, крайне редко (мне известны только две публикации, 1925-го и 1926-го годов). В эмиграции же были написаны очень важные для понимания русско-еврейской интеллигенции, ее психологии, ее отношения к России и к русской революции мемуары, озаглавленные «Вчера» и вышедшие в свет в Париже в 1938 г. Они были встречены с энтузиазмом столь несхожими читателями, как Павел Милюков и Владимир Жаботинский.

Мемуары Груzenberга смогли появиться благодаря материальной и моральной поддержке Исаака Найдича. Что они были знакомы еще по России, нет ни малейших сомнений, хотя точными сведениями об этом я не располагаю. Но все двадцать лет жизни Груzenberга вне России Найдич помогал ему всячески, и это – невзирая на трудный, непомерно обидчивый и, скажем прямо, заносчивый характер Груzenberga, хорошо известный его современникам (например, Максиму Горькому, который и ценил, и даже любил Груzenberga). Дружбою Найдича объясняется, хотя бы отчасти, заинтересованность Груzenberga-эмигранта еврейскою национальной идеей. Живя в Берлине, он одно время возглавлял тамошний комитет Керен Гаесод; он участвовал в работе Всемирного сионистского конгресса в Цюрихе в 1929 г., учредившего Еврейское Агентство, и был избран в Большой совет Агентства. Не помышляя о возвращении на древнюю родину сам, он живейшим образом интересовался всем, что делалось в подмандатной Палестине.

Всего в Женеве хранятся 34 датированных и 1 недатированное письмо Груzenberга к Найдичу. Они покрывают период с 1920 по 1938 год. Есть, кроме того, фрагменты 4 писем Груzenberга (2 датированы), черновик письма Найдича к Груzenbergu от 5 апреля 1938 и 3 письма к Найдичу от Израиля Тривуса (1882-1955), друга и соратника Жаботинского, а в ту пору (1922) – сотрудника Груzenberга по Берлинскому комитету Керен Гаесод; письма Тривуса проливают любопытный свет на обстоятельства и атмосферу работы комитета.

В настоящую публикацию включены письма, имеющие, как мне это видится, общий интерес, и, напротив, исключено из нее все то, что касается сугубо личных

отношений между Груценбергом и Найдичем, в том числе – отношений деловых (финансовых).

И последнее замечание. Я показывал эти письма русскому историку Натану Яковлевичу Эйдельману, побывавшему в Женеве в конце 1988 г. Эйдельман высоко оценил их как исторический источник и памятник эпохи, сказал, что их надо непременно напечатать и непременно в России. Время для публикации в России еще не пришло и неизвестно, когда придет. У российского еврейства – другие заботы, куда более насущные. Но пусть эта публикация вне России будет посвящена светлой памяти Натана Эйдельмана, скоропостижно скончавшегося через год после нашей встречи в Женеве.

Шимон Маркии

Письмо первое

Константинополь, 2/15 янв[аря]. 1920 г.

Многоуважаемый Исаак Адольфович,

С того далекого дня, когда Вы были вынуждены покинуть Одессу даже sans adieu со мною, пережито, перечувствовано и передумано так много, что бесполезна была бы попытка дать обо всем этом на письме краткий отчет...

Кое-что передаст Вам наша попутчица – Ваша милая сестра; здесь же я наброшу лишь несколько деловых замечаний:

1) Я убежден, что в России все, в сущности, большевики: одни – слева; другие – справа;

2) Как бы глубоко еврей ни был предан России, – никто из русских этому не поверит, т[ак] к[ак] в глубине души они сознают, что такая собачья преданность после всего пережитого русским еврейством является аномалиею, а потому – неестественна. К несчастию, такою аномалиею являюсь, как Вам ведомо, я – и я с болью отрываюсь от России; неблагодарность – не из моих пороков; – а я благодарен России за то, что русский язык, русская книга дали мне, как судебному и политическому оратору, столько счастливых дней, что память о них я не утрачу до могилы – по состоянию моего здоровья, уже недалекой;

3) Это чувство любви к России никогда не мешало мне быть преданным своему народу и биться за его счастье, поскольку это было в моих слабых силах; если судьбе угодно будет дать мне возможность поработать в Палестине, но без зависимости от кармана еврейских капиталистов, – я готов немедленно приехать;

4) Я еду в Батум по той причине, что там для меня и моей семьи minimum, потребный для существования: в качестве члена Правления двух новых финансовых учреждений – Российского Экспортного Банка и Русского Экспортно-Импортного Торгового Общества – я получаю 50 тысяч р[ублей] в месяц – российской валютою (!);

5) Я был бы вполне удовлетворен этим «новым положением», если бы не сознание полной оторванности от европейской общественности и страха, что я умру вне ее;

6) Если Вы остаетесь при том предложении, к[ото]рое Вы сделали мне в конце

марта прошл[ого] года, относительно гарантирования мне в Париже заработка в 50 тыс. франков в год, я немедленно перееду в Париж;

7) Безотносительно к вопросу о гарантированном заработке в Париже я прошу Вас получить для меня немедленно разрешение на выезд в Париж и Францию, вообще, – для меня, Сенатора Оскара Груzenberga, жены моей – Рахили-Розы и сына – Юрия; это разрешение пусть перетелеграфируют в Международное Бюро в Константинополь и Батум; Вы же мне можете телеграфировать в Батум по след[ующему] адресу: Батум, «Российское Транспортное и Страховое Общество», Груzenbergу. Пожалуйста, начинайте действовать немедленно. Я обращаюсь к Вам запросто потому, что наша давняя искренняя дружба дает мне на это некоторое право. –

Если встретите в вопросах как о работе для меня в Париже, так и о визе на въезд во Францию какие-либо трудности, – обратитесь к Борису Абрамовичу Каменке; я уверен в его самом горячем содействии, т.к. наше разномыслие по некоторым общественным вопросам никогда не мешало нашим взаимным чувствам симпатии и уважения.

Всего хорошего.

Крепко обнимаю Вас. Привет вашей милой семье и друзьям.

Ваш О. Груzenберг

Письмо второе

12 февр[аля]. 1922

Дорогой Исаак Адольфович,

Спасибо за письмо, – за теплое чувство, за ласковое слово привета. Постараюсь сделать все, что можно. К сожалению, сионистические русские деятели в берлинской эмигрантской среде сочувствием не пользуются. Здесь подхватывается с злорадством всякое проявление раскола и с засосом смакуются отзывы о К[ерен]-Г[аесод]¹, – притом извращенные, – Брандельса [sic!]², Макса Нордау³, Марморека⁴ и берлинских евр[ейских] деятелей. К тому же некоторые приезжие почтенные сионисты выносят на улицу свои разногласия и жестоко критикуют порядок расходования сумм. На днях заехал ко мне тов[арищ] председ[ателя] нашего К[омитета] инженер Б.С.Ширман и заявил, что он слагает с себя звание тов[арища], т[ак] к[ак] после беседы с одним из крупных приезжих сионистов о порядке расходования сумм он не считает себя вправе обескровливать надолго берлин[скую] эмигрант[скую] благотворительность нашими огромными сборами, которые делу возрождения Палестины мало помогут, а отнимут кусок хлеба у бедняков... Г. Ширман – корректный и симпатичный общественный деятель – и мне кажется, что уход его или иного из моих сотрудников-несионистов вызовет развал К[омитета], а, стало быть, и благородного дела. Мне удалось уговорить его, – но не знаю: надолго ли?

При таком настроении, я полагаю, что сборы должны производиться первое время без устройства больших собраний, а при помощи авторитета сборщиков. Лучшее средство против злобствующей полемики – это успех. Если мне удастся в

течение месяца собрать пару-другую миллионов, можно перейти к системе собраний. Весь К[омитет] держится того же взгляда, кроме некоторых сионистов, к[оторые] выдвинули протестантам тов[арища] председ[ателя] д-ра Темкина⁵, приславшего мне письменный протест. Чего стоят сионисты его типа, меня достаточно ознакомил Париж! Грансеньорство, широкие жесты, великодержавная осанка – и нищета, – нищета духовная и материальная.

В Берлине русское отдел[ение] К[ерен]-Г[аесод] существует более полугода – и что же? Гг. сионисты не собрали ни денег, ни симпатий... Кто же им мешал все это время устраивать собрания?..

Ну, да Господь с ними! Будем делать свое дело, как мы его понимаем...

Перехожу к К[омите]ту Евр[ейских] Делегаций⁶. Ваши уговаривания в Париже, чтобы я не создавал америк[анской] организации для своего Отдела и чтобы переждал несколько месяцев, хотя бы до лета, вряд ли правильны. Я уехал без какой-либо суммы, потребной для устройства Отдела на новом месте. Сегодня – 13 февр[аля], а между тем ни моего жалованья за январь, ни канцелярских сумм за январь же не поступило ни гроша!.. Я должен уплатить месячное жалованье Гинденсу (4.000 м[арок]), типографии, за канцел[ярские] принадлежности. Сделаю это завтра из своих. Что же это за работа и жизнь? – Надеюсь, что Вы все это урегулируете. На днях получил от В.Е. Жаботинского из St.-Joseph письмо. Видимо, ему нелегко, Он пишет: «если бы не Данте, которого я перевожу на др[евне]-еврейский, я бы скис совсем». Он сообщает, что «статьи ваши (т.е. – мои) читаются нарасхват»⁷. Не отказаться ли мне от всякой другой работы и не сосредоточиться ли целиком на литературе? – Можно жертвовать свои силы для общественности, но нельзя требовать, чтобы деятели трактовались, как писцы.

Прошу вашего определенного ответа.

Преданный Вам О. Грузенберг

Желанье Ваше относит[ельно] чека исполню сегодня же и, вместе с тем, дам Вам указанья относит[ельно] заявления Банку, дабы кто-ниб[удь] не злоупотребил прежним (от 7 дек[абря] 1921 г. за № 359.279). – Сердечный привет вашей супруге. Роза Гаврил[овна] кланяется вам обоим.

Радуюсь радости Веры Исааковны; надеюсь, хочу надеяться, что я скоро попаду туда, хотя бы на короткое время.

Жму вашу руку.

Преданный Вам искренно

О. Грузенберг

Письмо третье

6 марта 1922 Detmolderstr, 4I (bei Quast) Berlin

[1 слово неразборч.]

Дорогой Исаак Адольфович,

Не судьба мне, по-видимому, послужить великому делу.

Я встал на 1/2 ч., чтобы написать Вам. 19-го, в воскр[есенье], после того, как удалось теми решительными мерами, о которых Вы, конечно, знаете из отчетов

своих представителей, был сделан мною первый визит. О нем я Вам уже писал. Через день – во вторник – я со своим тов[арищем] Б.С. Ширманом сделали визит малонадежному человеку Акивисону. Он встретил нас заявлением о вражде к сионизму, о том, что он – б[ывший] Член Комитета территориалистов¹, о том, что евреи в Иерусалиме сами устроили погром, и [тому] подобными глупостями, а окончил подпискою на 250 тыс[яч] и соответствующим (50 тыс[яч]) взносом. В среду, 22-го, я председательствовал в К-те (у меня еженедельные заседания не только Президиума, но и К-та). Мне было заявлено, что такие-то ждут моего визита и желали бы свидеться. Я назначил визиты и на субботу, и на воскр.; вернулся домой... А в 4-ом часу утра я пробудился от сердечного припадка. Он осложнился простудою (свыше 39°). Коротко: я все время в постели. Были врачи, позвали проф. Гольдштейдера. Последний заявил, что грудная жаба вне сомнения, что мои припадки смертельно опасны, что я должен бросить всякую работу. Во вторник (завтра) могу встать, но должен не выходить из дома еще неделю. А потом?.. Больно до слез. У меня был план: до мая взять все, что можно, а дальше – только агитационная видимость. Выходит – иначе. Когда и как наложу – не знаю.

Крепко Вас обнимаю. Привет жене от меня и Розы Гавриловны; она шлет Вам поклон. Что Вера Исааковна?

Ваш О.Груzenберг

Письмо Ваше, датированное 26/II, я получил 4-го с немецкой маркой и штемпелем опущения в Берлине 3-го марта. Как это так долго таскал его в кармане?

Письмо четвертое

21 мая 1922 Aschaffenburgerstr., 10I
Berlin W.30

Дорогой Исаак Адольфович,

Вы писали, что будете в начале мая, потом – сообщали, что в середине. К сожалению, Вас нет, а дело не терпит отлагательства. Надо серьезно заняться замещением. Ввиду вашей и товарищей просьбы, я взял отпуск (никуда не еду), но, как я думал, дело сразу крякнуло. Не могло без меня состояться заседание даже Президиума: явился, кроме И.А. Тривуса¹, лишь один Б.С. Ширман. Я не могу дать свое имя для похорон великого дела. Ведь это позор, если русское еврейство окажется вне интересов своего народа. Тут одно из двух: или остаться и работать по-прежнему, или уйти.

Я не в силах – ни физически, ни морально – так работать, как я работал. Не хочется рассказывать, но ежедневно я тратил на предварительную подготовку либо беседами по телефону, либо приглашениями к себе – по несколько часов. Один человек не может – даже при полном здравии – вынести такую работу по сборам (тяжостным и с подчеркиванием чисто личного момента). Раскрывшееся отношение ваше ко мне не вызвало моего решения об уходе²: оно состоялось до того. Письмо ваше лишь раскрыло мне ужас современного морального уклада даже лучших среди еврейства. Приезжайте, не теряйте времени.

С совершенным уважением,

О.Груzenберг

Следуемое должно быть внесено в Guaranty Trust, куда Вы уже несколько раз обращались. По 1-ое мая следует за 3 месяца по 1500 фр[анков] в мес[яц] и канцелярии – по 10 тыс[яч] марок.

Вы пишете, что не занимаетесь делами К[омите]та Евр. Дел. Простите, но Вы – делегат. Кто же занимается? – Соколов³? Но за год он был в К[омите]те один раз 1 1/2 часа. Моцкин⁴? – Но тот заявил, что он не ведает, а делает теперь Париж. Париж же, в лице Алейникова⁵, пишет, что он – только «доброволец». – Если я пишу об этом – то не как заведующий погромным отделом (я с 1-го мая уже не состою), а как член К[омите]та, к[оторый] обязан знать – существует ли учреждение, в к[ото]рое он избран, или нет?

Письмо пятое

15 авг. 1926 Valdemara ielā, 29, dz. 8

Riga

Дорогой Исаак Адольфович,

Вчера отправил Вам заказн[ое] письмо, – приходится писать снова, но не по личным основаниям.

Сегодня утром прочел в местной газете телеграмму из Парижа о том, что Комитет Евр[ейских] Делегаций выпускает в связи с делом Шварцборда¹ книгу юридич[еских] материалов, касающихся погромов на Украине.

Я решительно недоумеваю, как можно делать это, минуя меня – не только как Члена К[омите]та Делегаций, но как Председ[ателя] Юридической при ней Комиссии, – меня, организовавшего это дело в Париже, работавшего на нем с 9 1/2 – 12 ч. утра и от 2 ч. до 8 ч. веч[ера], перенесшего его в Берлин, где много было сделано – и прервано... не по моей вине.

Я вправе требовать, чтобы моя работа не редактировалась другим, чтобы я, а не кто иной сделал бы в вводной в книгу главе правдивое изложение вытекающих выводов и освещение переживаний. Между тем я не получил ни приглашения, ни даже извещения...

Б[ыть] м[ожет], Л.Е. Моцкин не знал моего адреса?

Это предположение отпадает, т[ак] к[ак] весь Комитет, а тем более Лев Ефимович отлично знают, что мой адрес всегда можно получить у Исаака Адольфовича.

Затем, месяц н[азад] депутат сейма д-р Нурук² сказал мне при встрече, что он получил запрос от К[омите]та Делегаций обо мне, – остаюсь ли я здесь. Он ответил положительно и сообщил мой адрес.

Итак, понудьте поступить корректно: дать тому, кто, при тяжелых условиях, трудился в Париже и Берлине над этим делом, возможность изложить во вводной главе правильное освещение еврейских переживаний и принципов, которых держался в этой работе К[омите]т Евр[ейских] Дел[егаций]. Расстояние не играет роли: корреспонденция из Парижа приходит на 3-й день – и я немедленно буду возвращать коррект[урные] листы.

Уловка в отнош[ении] меня не удастся: достаточно органов, к[ото]рые напечатают мое разъяснение и протест тех, кто знает правду. Их много. Незачем пачкаться.

Простите, что беспокою. Преданный В[ам] О. Груzenберг

Письмо шестое

1 февр. 1929 г. Valdemara ielā, 29

Дорогой Исаак Адольфович,

Досадую, что ввел Вас в недоумение. Конечно, я с благодарностью принимаю ваше любезное предложение оставить у себя еще на год деньги Р[озы] Г[авриловны] на прежних условиях. Было бы желательно, чтобы взяли у нее еще, если только Вас это не затруднит. Спасибо за тревогу о моем здоровье. Оно – в прежнем положении. Около часа дня и в 7 час[ов] веч[ера] температура моя, все еще повышенна: 37,3-5 (обычная моя температура) - 36,5). Ослабел, но не ложусь: достаточно, что столько времени не пользуюсь свежим воздухом. Доктора не зову: мне и без того ясно – вероятно, вспыхнул старый легочный процесс. Вы спрашиваете – отчего не еду на юг. Материальная возможность есть – именно потому я могу быть с Вами более откровенным, чем с другими. К чему? – Чтобы застрять там на инвалидном положении: пробуду весну, – скажут – нет смысла возвращаться летом, пробуду лето, – скажут – какой смысл ехать на осеннюю слякоть. Значит, перейти на старое амплуа? Если Вы мне друг, не желайте мне этого. Да и вообще – довольно. Создатель мой растянул слишком пьесу: пятый акт совершенно бездарен. Давно уже кричу: занавес! И, если не спускаю его сам, то только для того, чтобы к горю дорогих мне людей не прибавить стыда: не могли, де, его удержать с собою. Если этой весной (во время ледохода) не сликвидируется пьеса, непременно постараюсь с Вами свидеться летом на съезде. Теперь, когда при улучшении материальной стороны жизни, у меня нет злобы и ослабело беспредметное раздражение, я вижу – как Вы мне близки и дороги. Был еще один, кто был мне дорог в эмиграции, – это Пешехонов¹. Но теперь, когда он не только перешел к большевикам (это – дело взгляда), но стал их лакеем, он для меня умер.

Все-таки, не приедете ли в Ригу? До лета далеко. Уверены ли Вы, что получаете по интересующему Вас предмету верные сведения? – Сообщите, что и как – и я, в отплату за многое, с радостью выясню. – Кстати: недавно М.О. Насат[исин] написал мне, что Равич, де, ищет новых компаний. Спросил Равича: он отрицает. Я же, кроме как к Вам, не обращался ни к кому. Конечно, слух идет не от Вас, – возможно, что оставили в своей конторе письмо. Во всяком случае, я не счел возможным лгать – и ответил, что обращался с таким предложением к одному м[оему] добруму другу (имени не назвал): уж очень Вы, Мих[аил] Ос[ипович], измучили всех грубостью и подозрениями. Вероятно, он обиделся. Верьте мне, он не заслуживает любви. Пусть Господь простит м[ое] прегрешение. Крепко обнимаю. Сердечный привет милой дочери и зятю. Ваш О. Груzenберг.

[Приписка на первом листе письма, под обратным адресом:]

Письмо пошло заказн[ым] – утром

Письмо седьмое

Skolasielā, 19. 20-IX-1929 г.

Дорогой Исаак Адольфович,

Со временем нашего цюрихского свидания свершилось столько событий – увы! – печальных, что в письме трудно о них беседовать. Я ограничусь лишь следующими деловыми пунктами:

1) Вы, вероятно, знаете, что мне удалось здесь в траурные дни¹ объединить в чувстве и мысли еврейские группы от крайних левых (о бундистах говорить не приходится) до крайне правых, всегда уклонявшихся решительно от общения в национальных и общественных вопросах с сионистами. Протест превзошел мои и моих товарищей по работе ожидания: удалось в один и тот же день и закрытие магазинов, панихиды во всех синагогах и тысячеголовые митинги в трех местах.

2) Затем, по просьбе председателя К[ерен]-Г[аесод] г-на Соболевича, у которого, несмотря на его исключительно почтительное положение в торгово-промышленном мире, дела К[ерен]-Г[аесод] шли очень плохо, упав в последние два года на 60%, стать председателем комитета содействия. Удалось организовать дружную работу всех групп населения по профессиям и промыслам. Вот уже несколько дней, как после периода организационных работ, мы приступили к осуществлению н[аших] задач. Сборы идут удивительно стройно и хорошо.

3) Получив приглашение прибыть на соединенное заседание Административного Комитета Эйженси² с сионистической Экзекутивою в Лозанну (а затем в Лондон), я был здесьдержан представителями партии для организации траурного протesta, а затем работ К[ерен]-Г[аесод]. Я послал телеграмму проф. П.М. Минцу, который более месяца находился в каникулярном отпуске, совершая поездки по Европе в собственном автомобиле. Согласно указанию его детей, я пропелографировал ему в Берлин, прося меня заместить. Он ответил телеграммою, что «к сожалению – не может». Телеграмма получилась так поздно, что второй заместитель г. Лацкий-Бертолди не мог уже своевременно поспеть. По возвращении в Ригу он напечатал письмо в газ[ете] «Фриморгн», в котором объяснил, что он поехать не мог, т.к. мое избрание в Административный Совет составляет акт персональный, а потому меня никто заменить не вправе. Это он написал несмотря на приведенную телеграмму и телеграмму Лондонского Сионистического Бюро о том, чтобы сионистские партии информировали Груценберга и Минца о предстоящем заседании в Лозанне.

Ссылка эта П.М. Минца, конечно, заведомо неправильна и составляет, к сожалению, результат мелкого самолюбия по поводу понесенного на выборах поражения (согласие его на мое первенство во время конференции было вынужденное). Вопрос не в мелких дрязгах, а более важных: как быть на будущее время. Для меня и других местных членов Эйженси нет сомнения, как и для Лондона, что я могу быть замещаем или моими заместителями или делегатами Литвы, а равно делегатом Эстонии и Финляндии, уступившими мне место в Адм[инистративном] Совете. Однако мы здесь должны получить официальное подтверждение из Лондона, чтобы раз навсегда внести порядок в этот важный вопрос: ведь теперь может вспыхнуть неожиданная необходимость в заседаниях Адм. Совета. Наш – мой с Вами – план заменить меня в этом Совете Вами оказывается неосуществимым: по статусу проведено резкое деление на представителей от сионистов и несионистов. Если же, однако, замещение меня Вами окажется по решению Лондона осуществимым, то от

этого выиграет и дело и достоинство представительства от Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии.

4) На другой же день, после принятия всеми митингами моей резолюции (2 сентября) мы передали таковую хорошему переводчику и, по изготовлении перевода, послали эти резолюции местному английскому послу, министру колоний и министру юстиции (в Англии он называется Генеральным Прокурором). Оказывается, что копии этой резолюции забыли отослать Экзекутиве. Прилагаю ее при этом и прошу передать – кому надлежит. Вместе с тем попросите проверить, получены ли посланные копии в Лондоне обоими министрами.

5) Передайте в Лондоне нашему Бюро, чтобы они сносились со мною непосредственно, а не поручая сношения со мною рижским сионистским партиям. Этот способ вносит беспорядок и даже анархию, делая в глазах несионистов наше Эйженси исключительно сионистским делом. Несмотря на указание в телеграмме в Лондон моего нового адреса: (Школьная, 19 или по-латышски – Skolasīela, 19), мне ответили телеграммою по старому адресу. Этой телеграммой доказано, с одной стороны, что мой адрес был в Лондоне известен, а с другой, что, по разгульдейству, не считались с указанием моей телеграммы о перемене места. Надо и это урегулировать.

6) Я получил удивившие меня письма от делегата Литвы д-ра Вольфа и моего бывшего помощника присяжного поверенного Фридштейна с переводом статьи, помещенной в литовской официальной газете. Там некий еврей, расточая по моему адресу комплименты, однако, удивлен по поводу того, что, подавая протест в Лигу Наций о происшедшем погроме и попустительстве властей, я не смеялся предварительно с местными деятелями.

Возмутительно то, что никакого протеста в Лигу Наций я не подавал. Я ответил в этом смысле моим обоим корреспондентам. Полагаю, что необходимо этот вопрос деликатно выяснить: если какой-нибудь рачительный еврей счел возможным сделать мою подпись, то я с такою бесцеремонностью согласиться не могу. Если имел место подлог, а не фантазия, – то надо действовать осторожно, чтобы не скандализировать самовольного автора. Во всяком случае, этот протест должен быть немедленно взят обратно, ибо, не говоря уже о наглом обращении с моим именем, здесь задеты интересы литовских евреев, которые встречают в лице Вальдемараса, по их словам, всемерную поддержку. Мои корреспонденты указывают, что еще до подачи жалобы в Лигу Наций Вальдемарас уволил начальника департамента полиции за нераспорядительность. Не надо портить добрых отношений между литовскими национальностями.

7) Затем деловой вопрос: здесь осведомленные люди передают мне, что М.О. Насатисин и его берлинский представитель и его помощник, а равно экспедитор, – все приговорены к 6-месячному тюремному заключению. Однако ни в беседе со мною в Цюрихе, ни в последних письмах М.О. о тюремном заключении не упоминает ни одним словом. Хотя и просит моей юридической помощи. Сообщите мне конфиденциально – где тут правда.

Отдохнули ли Вы после цюрихских трудов и работы по поводу палестинских событий? Как все ваши? Передайте глубокоуважаемой Анне Самуиловне, Берте Исааковне и всем сыновьям мой и Розы Гавриловны сердечный привет. Простите, что я это письмо диктую; не считите это за нарушение интимности переписки: вследствие отсутствия отдыха (я не был на даче и трех дней подряд), я совершенно выбился из сил, а главное – окончательно добили меня бесконечныеочные заседания: от них за последние 10 лет я совершенно отвык, а мне идет уже седьмой десяток. Вследствие умственного переутомления я стал курить и притом очень

много, а это для меня, как Вы знаете, яд. Не могу пока выбрать двух дней, которые я мог бы посвятить решительной борьбе с этим, можно сказать, несчастием. Надеюсь это сделать в скором времени: не то куренье – в особенности с надвигающейся осенью – несомненно вызовет новую вспышку легочного процесса.

Искренно Вам преданный
О. Груzenберг

Машинопись

Приписка от руки:

Сегодня днем прочел в местной газете, что «Агудат-Исрээль» приняла резолюцию о невхождении в Агентство. Для чего же была наша постыдная резолюция о еврейской религии! Я был, несмотря на мое уважение к стойкости ортодоксии, против введения Бога в Конституцию: вот и разожгли аппетит: теперь требуют отдачи в их руки «культуры»!

О.Г.

Письмо восьмое

29 янв. 1934 г. 78, rue du Maréchal Joffre

Дорогой Исаак Адольфович,

Получение в[ашего] письма совпало с газетными сведениями о печальных происшествиях в Париже¹. У меня такое ощущение, что на благородную Францию надвигается ужас гражданской войны. М[ожет] б[ыть], ощущение это обусловлено недостаточным знанием французского характера и темперамента. – Дай Бог, чтоб это было так. Однако, трудно понять, как правые франц. деятели, в патриотизме которых сомневаться не приходится, как, впрочем, вне сомнения патриотизм и всех других партий, не сознают двух очевидных истин:

1) что диктатуре как Муссолини, так и Гитлера предшествовало накопление тем и другим значительных военных сил, при помощи которых им и удалось захватить власть; и

2) что ни за одной из политических партий не стоит военная сила, а рассчитывать на то, что ее дадут генералы, легкоисленно, т[ак] к[ак] французские солдаты – не стадо, которое можно погнать куда угодно; и что из того факта, что пока все уличные беспорядки производятся, все-таки, небольшими кучками (нагнать в Париже на демонстрацию тысячу-другую членов Action Française² нетрудно); между тем, демонстрируют и коммунисты, численность которых, даже в этих выступлениях, значительно; в грозный час к ним, конечно, примкнут и социалисты: тогда что произойдет? – А тут печальная экономика и напряженное внешнее положение... Трудно предвидеть – что будет дальше. Если новое правительство дадут прежние левые партии, – произойдет тот же уличный срыв, благо так легко улица добилась победы. Если же начнутся политические опыты внепарламентских сил, то они могут вызвать кровавый отпор: французы – не немцы, запречь француза в диктаторскую колесницу не так просто. Я больше, чем кто-н[ибудь], буду рад, если мои страхи окажутся напрасными: устал я метаться по белу свету. Однако, пока не рассеются мои опасения, – т.е. не выяснится положение, надо держать свои крохи

при себе, чтобы было на что снова мыкаться в поисках земли обетованной. Полагаю, что Вы поймете мои опасения и желание выждать неделю-другую, пока не выяснится положение.

Какое странное известие прочел я сегодня в «Посл[едних] Нов[остях]» (в №-ре от воскр[есенья]) о сознании, будто бы, двух арабов в убийстве д-ра Арлозорова³. Странно оно потому, что их указание, что они покупались на изнасилование г-жи Арлозоровой, явно вздорно. Однако, нелепая мотивировка не исключает, сама по себе, всего признания. Разве нельзя допустить, что, видя что истинные виновники будут раскрыты (для этого надо, конечно, знать ход следствия), арабские вожаки решили лишить преступление политич[еского] характера, который оно, несомненно, имело, если только допустить, что убийство совершено арабами. Вне этого объяснения нельзя понять принесенной арабами повинной. Как еврей, я буду счастлив, что кровь д-ра Арлозорова не тяготеет на Евр[ейской] совести. Как Вы думаете? Сердечный привет глубокоуважаемой Анне Самуиловне и всей семье. Роза Гавр. Сердечно кланяется вам обоим.

О. Груценберг

[Приписка на первой странице письма, над датой и обр. адресом:]

Читали ли Вы III т. воспоминаний Слиозберга? – Какая подлая душонка. И как Вы правы в своей антипатии к нему! Прочтите посвященные мне две страницы⁴.

Письмо девятое

29 марта 1938 г. 78, rue du Maréchal Joffre

Дорогой Исаак Адольфович,

Огорчили Вы меня известием о перенесенной болезни. Случилось то, что я предвидел: частые разъезды, сопровождаемые резким переходом из одного климата в другой (Париж и Лондон!), не могут не вызвать вспышки Вашего давнего легочного процесса. Если Вы не щадили себя в молодые годы, то теперь, на восьмом десятке, нельзя проделывать того, что Вы делали в более молодые годы. – До сих пор не могу забыть, как много лет тому назад, в Берлине, встревоженный Вашим плохим видом, я заставил Вас у себя измерить температуру (я знал, что в отеле Вы этого не сделаете), и оказалось свыше 38°... Вероятно, то же самое, но с большим риском, ввиду весьма пожилого возраста, происходит и теперь. Если разъезды необходимы по Вашим личным делам, – то приходится с ними мириться (ничего не поделаешь!), – но поскольку они обусловлены палестинскими делами, то Вы должны не расточать своих надорванных сил. Но мало того: Вы мучаете себя и в Париже ночными заседаниями: в конце прошлой недели я прочел в «Посл[едних] Нов[остях]», что Вы председательствуете в двухочных публичных собраниях... Ясно, что надорванный хронической болезнью, годами и большой работой организм отказывается выполнять эту каторгу. Поскольку касается меня, я стараюсь без громких фраз экономить Ваши силы и освобождать Вас от обязательств, которые были продиктованы Вашим трогательным дружелюбием.

Я поспешил освободить Вас от издания моей книги¹ на еврейском и английском языках, которое Вы решили предпринять, а теперь, узнав из Вашего письма, что у Вас в Америке не оказалось нужного лица, на которое Вы рассчитывали, я

поспешил написать Вам, что освобождаю Вас от принятого обязательства и соответственно этому написал И.И. Фондаминскому², чтобы он доставил Вам не 300 экземпляров, которые Вы по соглашению с ним обязались взять, – а доставил бы Вам (книга должна была выйти в свет вчера) только 200 – для Лондона. Я отлично понимаю, что, заверив меня насчет 300 экз[емпляров], Вы, по присущей Вам деликатности, заплатите мне из своего кармана. На это я согласиться не могу, так как это было бы эксплуатацией нашей старой дружбы. Вот почему я счел себя обязанным освободить Вас от 100 экз[емпляров] для Америки.

Другое дело Англия. Там Вы имеете очень «серьезного человека», который перед Вами обязался. В письме Вашем о Лондоне есть лишь указание, что Вам неудобно просить об авансе, – но в уплате этим лицом условленных 100 фун[тов] за 200 экз[емпляров], по передаче ему Вами книг, Вы не сомневаетесь, – значит, вопрос этот покончен.

Что касается Вашего указания, что 600 экз[емпляров] мало и что Вы находитите нужным заказать еще 150 экз[емпляров], – то мною это было исполнено. Однако, я надеюсь, – по крайней мере, постараюсь – вопрос этот уладить, хотя типография насчитала мне за 100 лишних экземпляров 800 фр[анков]. Вы хотите возместить мне этот расход, понимая, что он произведен по Вашему требованию, но я не хочу вводить Вас в расход. Если мне не удастся отбиться от этого перерасхода, – то мы с Вами обсудим этот вопрос и найдем какой-ниб. выход. Из 100 фун[тов], которые Вы получите в Лондоне за 200 экз[емпляров] сразу, будьте добры удержать авансированные Вами 5 тысяч фр[анков], а остальную сумму будьте добры прислать мне в фунтах. Не откажите вернуть мне письмо Фонд[аминского]: оно мне нужно. Из него Вы могли убедиться, что я разрешил печатать мою книгу лишь тогда, когда будет найден издатель. Вы – конечно, из доброго чувства – отменили это категорическое распоряжение, и отсюда произошли все неприятности и денежные затруднения. Ничего не поделать: такова моя судьба.

Сердечный привет от нас обоих Вам, глубокоуважаемой Анне Самуиловне, Борису и всей семье.

Ваш О. Груzenберг

У меня к Вам большая просьба. Просьба эта из другой области.

Вам и без моих пояснений понятно, что все сбережения, накопленные в Риге, приходят к концу. Судьба оказалась в последние годы весьма немилостивой ко мне и семье моей. Две операции Розе Гавр[иловне], операция, сделанная внучке³, наконец, моя поглотили вместе с расходами на жизнь почти все накопленное. Осталась небольшая сумма (немного более 50 тыс. франков). Вы много лет т[ому] н[азад] сказали мне, что жить на капитал без доходов могут лишь миллионеры. Это, конечно, верно, но я рассчитывал, что не заживусь. К сожалению, вышло не так: мне, как видно, суждено долголетие!.. Возьмите, как Вы сделали некогда, мои деньги (50 тыс[яч] фр[анков]). Проценты на них будут большим для нас подспорьем, и в то же время деньги останутся в полной сохранности.

Надеюсь, в этой усердной просьбе Вы мне не откажете.

О. Гр.

Письмо десятое

1 апр. 1938 г. Прошу уделить 10 минут и прочесть письмо внимательно.

Дорогой Исаак Адольфович,

Какое раздраженное и оскорбительное письмо написали Вы мне. В своем раздражении Вы не остановились даже перед тем, чтобы приписать мне такие слова и суждения, которых я никогда не писал и не произносил, но даже в мыслях не имел и не имею.

Вы пишете: «Что же касается нашего палестинского материала, нашего юношества, хочу Вам лишь сказать, что Вы сугубо не правы» (?)

Будьте добры указать, есть ли хоть одно слово осуждения в моем письме палестинской молодежи, – я даже не упоминаю о ней!.. Как же Вы решились приписать мне такое осуждение, когда я не только в публичных выступлениях, но и печатно проявил самое восторженное отношение к палестинской молодежи. Я печатно заявлял, что молодежь эта разбила свое личное счастье, пошла, бросив университет, на изнурительную черную работу только для того, чтобы из осколков своей разбитой жизни склеить народное счастье!¹ – Как же Вы решились приписать мне, вместо явного восторга, осуждение палестинской молодежи! – Вы не могли не сознавать, что это, как говорится, «абильбель»... За что? – Для чего?

Писал же я о том, что не понимаю Блюма², – зачем он полез в сенат и говорил там лишенные не только достоинства, но и минимума самоуважения слова на тему о том, – «Почему я вам не нравлюсь, что вы имеете против меня»?!.. Говорить тому сенату, который уже раз вынудил его подать в отставку! Что же получил он в ответ? – то, что было неминуемо: «allez-vous en» (т.е. пошел вон!). Мало того: он предлагает создать не партийный (на что он имеет право, ибо «народный фронт» за него!), – а патриотический, общенациональный фронт, но с ним во главе! – Ведь это дико, ибо он не мог не сознавать, что на это последует ответ: «не жди возглавлять общенациональный фронт» – Ведь правых во Франции больше, неизмеримо больше, чем левых... Что же я плохого или несправедливого Вам написал? Так же враждебно отнеслись Вы к моему указанию, что в русской трагедии немало виноваты евреи. Вы отлично знаете, что развал России произвели Троцкий (верховный главнокомандующий!), Зиновьев, Каменев с их максималистическими требованиями о всемирной революции, которая должна быть совершена при помощи русской армии. Да что говорить! – Ведь мы с Вами видели, что творилось в Одессе: все комиссары были евреи, во главе чека стоял еврей – Южный! Вы помните Вашу и мою скорбь по этому поводу, боль, что даже дети-гимназисты совершали насилия, – я помню, как мальчик-реалист, лет 14, отобрал у русского извозчика его лошадь, и когда я ему указал, что это нехорошо, он ответил мне угрозою, что со мною «рассчитываются». Знаете Вы также, что на квартиру моей дочери, в крохотной квартире которой мы жили (Роза Гавр., я, Юрий, дочь и ее муж), явились какие-то комиссарчики-евреи и потребовали, чтобы дочь и ее муж отдали им свои три комнаты – столовую и кабинет (она же гостиная) и спальню, а сами переселились бы в людскую, а для меня с Розой Гавр. и Юрием предназначили кладовую... Конечно, Россию разрушили сами же русские, – но не мы, а русские создали ценою величайших жертв (гибель миллионов, татарское иго!) самое большое в мире государство (1/6 всего света) – и, если им пришла вдруг охота его разрушить – это их дело! Но зачем помогали им евреи – да и как усердно помогали!..

Вы совершенно правильно указываете, что Ягоды, Троцкие, Зиновьевы, Каме-

невы, д-р Левин, д-р Белоцкский и др. порождение векового еврейского бесправия. Но ведь и мой несчастный Юрий не повинен в своей болезни (он не пьянствовал, не развратничал), а несчастная жертва своих родителей, которые, будучи нервнобольными, не имели права рожать детей³. Однако, эти родители из страха, чтобы он в приступе своей болезни не причинил зла чужим людям, не остановились перед тем, чтобы запереть его в сумасшедший дом, – т.е. окончательно его погубить... Это была с нашей стороны страшная жертва, но совесть нам подсказала, что за наше несчастье не должны расплачиваться чужие люди. Пусть еврейские герои русской трагедии – порождение векового бесправия, но разве от этого меняется наша ответственность, и разве не ясно, что, как только падет большевистское властовование, несчастные еврейские массы, а не мы с Вами, будут истреблены, замучены жестокими пытками. И когда я не перед публикою, а в интимном письме к Вам – другу делюсь своими тяжелыми переживаниями и опасениями, Вы не останавливаетесь перед тем, чтобы взвести на меня перед Вашей секретаршей поклон и диктовать ей злые и глубоко оскорбительные слова об оскорблении и ложном обвинении мною палестинской молодежи! Если у Вас явилось желание сорвать на мне раздражение, порожденное болезнью, – то неужели не могли сделать собственноручно, а не унижать, – притом несправедливо – перед чужим человеком, который меня не знает. Как Вы решились приписать мне «сугубо-неправые» слова, которых я никогда не писал и не произносил. Напротив: я всегда писал и говорил, что стал горячим приверженцем сионизма потому, что на родной земле, вдали от враждебного гнета, мы создадим новое поколение евреев, в которых возродится дух Маккавеев!

Мало того: Вы не остановились даже перед тем, чтобы продиктовать слова попрека Вашей «жертвою» 5000 фр[анков], а если надо, то заплатите и за 150 экз.! Вас не остановила мысль, что Вы диктуете это в отношении 72 старика, который всей своей жизнью и упорным трудом добился того, что его имя стало дорого и еврейским народным массам, и русскому обществу. За что же Вы это имя оплевали? – Не Вы его создали, – значит, не Вы вправе отнимать его у меня – 72 старика, у которого злая судьба отняла обоих детей, положение, средства, любимую профессию, возложила страх за участь чудного ребенка – внучки, отец которой теперь вторично женился и, жертвуя десятки тысяч направо и налево, чтобы потешить свое одесское тщеславие, не делает того, что он обязан сделать не только по совести, но и по закону: возвратить на имя ребенка свыше 100 тысяч, которые он получил в два приема – раз, в виде приданого, 50 тыс[яч], и другой раз – свыше 50 тыс[яч], когда я, закончив в Батуми большой процесс против Нобеля и узнав от своего клиента, пароходы которого возили в Константинополь нефть, что Соня и Борис Юл[ьевич] находятся в большой нужде, которую Соня от нас скрывала, попросил клиента переслать через него (т.е. капитана его судна) весь мой гонорар: благодаря этому обстоятельству у меня и было доказательство, вследствие которого Борис Юльев[ич] не решился отрицать этот факт. Когда я приехал в Париж, то Вы и Роза Гавр[иловна] говорили мне – помню Ваши слова: «Вы, Оскар Ос., правы на все 100%, но с чего Вы возьмете? – Дом и остров, как говорят, заложен и перезаложен, – не с чего Вам получить, – значит, Вы только опозорите имя внучки и дочери» (она тогда была еще жива и жила в Берлине). Я стоял на своем, предлагал трет[ейский] суд, Борис Юл[ьевич] отказался; я хотел идти в коронный суд, ибо я знал, что совесть моя чиста и что присудят полностью: тогда можно будет, когда дела Борис Юл[ьевича] поправятся, взыскать полностью, а Соне и дочери их (моей внучке) будут присуждены алименты. Но Роза Гавр[иловна] и Вы меня удержали – не делайте, мол, скандала. – Я Вас, понятно, в этом не виню. – Но теперь, когда я читаю в газетах, что Борис Юл[евич] пожертвовал 50 тыс[яч] на благотворитель-

ное дело, я негодую на себя, что послушался. Борис Юл[ьевич] все время не высыпал на воспитание ребенка ни одного сантима. Мы увезли внучку в Ригу, когда ей было 4 недели, все время содержали ее, не получая от Бор[иса] Юл[ьевича] ни одного сантима, приходилось помогать Соне, так как Бор[ис] Юл[ьевич] присыпал ей гроши, а она в то время заболела своей страшной болезнью, приходилось (трижды) поселять ее в санатории, Роза Гавр[иловна] все время наезжала к ней из Риги, даже хоронить пришлось ее в Берл[ине] за наш счет, – Борис Юл[ьевич] не дал на это ни одной марки, то же и с постановкою памятника – от Бор[иса] Юл[ьевича] ни одной марки! Но что же было делать! Последние 3 1/2 года, когда дела Бор[иса] Юл[ьевича] пошли блестяще, он стал высыпать 2 тыс. франков. Между тем, при ней находилась здесь все время бонна, которая была при ней в Риге. Мы даем Нелли наилучшее воспитание, чтобы она могла впоследствии зарабатывать кусок хлеба: к ней ходит ежедневно француженка с высшим образованием, которая занимается с нею по всем предметам; она потребовала, чтобы для связи с лицем, где Нелли сдает ежегодно экзамены, ходила 2 раза в неделю рекомендованная директрисою учительница, ходит учительница русского яз[ыка], так как рассчитываю, что, когда откроется Россия, Нелли лучше всего будет жить там, где еще многие помнят ее деда, берет она и уроки английского яз[ыка] (с четырьмя языками ей легче будет найти работу). Подумайте сами: разве мыслимо при таких расходах и необходимости одевать, обувать ее и кормить справиться с 2 тыс[ячами] нынешних франков! Ясное дело, приходится тратить на нее из тех рижских сбережений, из которых платим за Юрия в больницу. А тут еще две операции Розы Гавр[иловны], операция Нелли (аппендицит), а затем, на закуску, и моя! Пишу Вам это не для того, чтобы Вас разжалобить, – оклеветать буду, но не приму от Вас ни одного франка!..

Пишу для того, чтобы объяснить Вам, что при таких условиях я был бы легкомысленным расточителем, если бы позволил себе такую роскошь, как издание книги на мой счет. При всех похвалах книге Ваших, Милюкова и Фондам[инского], я не настолько ослеплен, чтобы не понимать, что человечество без нее обойдется, а мне, при наших тяжелых переживаниях, не в голове цепляться за сомнительную «славу».

Вышло же, – разрешите мне напомнить – все след. образом:

Когда Вы мне доставили радость своим посещением в Ницце⁴, Вы спросили меня – что я делаю. Я ответил, что написал книгу «воспоминаний». Вы спросили меня: «есть ли там об евреях?» Я ответил: «раз я написал о царской России, то ясно, что книга, главным образом, касается меня, как еврея, и евреев, как жертв жестокости царского режима». – «В таком случае, – сказали Вы, – я издам ее на еврейском и английском языках». На том мы расстались.

Я знал, что Вы, хотя и добрый, но увлекающийся. Я имел уже печальный опыт: в Одессе Вы настойчиво требовали моего переезда в Париж, причем категорически заявили, что приглашаете меня своим юристом с жалованием 50 тыс[яч] франков] в год. Когда же я приехал, то Вы сказали мне, что обстоятельства изменились (а не прошло и 2 месяцев!) и что юрист Вам не нужен, но что Вы считаете себя обязанным уплатить мне хотя бы за один год, но сделаете это через месяц-другой, когда получите деньги. Действительно, я в Одессе хорошо зарабатывал и при большевиках, они меня, как бывшего политического защитника и, в особенности – защитника по делу Совета рабочих депутатов, не притесняли.

Я в отчаянии поступил (правда, против Вашего совета) в Délégation Juive⁵. Приходил туда в 9 час. утра до 12 1/2 и от 2 до 7 час. Вскоре я убедился, что делать мне там нечего, а, главное, что все это учреждение, поглощавшее громадные народные деньги, ни к чему и никому, кроме многочисленных, ничем не занятых служа-

щих, ненужное. Тем временем Вы получили возможность уплатить мне за год юрисконсульства, за то, как Вы говорили, что сняли меня с места, где мне жилось вполне удовлетворительно. Тем не менее я настоял, чтобы Вы взяли с меня расписку, так как мы оба, – как, впрочем, все тогда, – были уверены, что вот-вот мы вернемся в Россию.

Когда Вы уехали из Ниццы и я по письму Вашему, как всегда деликатному, догадался, что Вы уже жалеете о сделанном предложении об издании на двух языках м[оей] книги, я поспешил написать Вам, сославшись на тяжелое положение польских евреев (!), что издавать книгу на евр[ейском] и англ[ийском] яз[ыках] нет надобности, что деньги нескоро вернутся и я не хочу Вас вводить в большой расход, который нескоро покроется. На том и кончили...

Теперь о русском издании. –

Я послал Вам письмо Фондам[инского], из которого ясно, что Вы взяли на себя русское издание без моего на то предложения. В своем ответном письме Вы написали мне, что это по моей просьбе (в письме Вы деликатно выразились – «с моего согласия»).

Слова, как и всякий разговор, при Вашей перегруженности занятиями, возможно, конечно, забыть. Но вот что Вы написали мне 21 декабря 37 г. (копии ведь у Вас сохраняются) после свидания с Фондаминским: «Я уверен, что очень скоро смогу вернуть деньги, которые для этой цели выложу. Я уверен, что книга разойдется быстро и в большом количестве. Читается она с большим интересом и написана со свойственным Вам настоящим талантом. Если оставить дело Фондаминскому, если он должен будет сам искать издателя и печатать, то на это уйдет очень много времени, так как все русские издатели сидят без гроша и тянут дело бесконечно и по любви к этому, и по необходимости. Нам же важно, чтобы они приступили к печатанию как можно скорее».

Ясно, что я не навязывал Вам печатания, что Вы сами его предложили. За что же Вы теперь меня мучаете? Неужели за то, что вы авансировали на месяц-другой 5000 фр[анков], возврат которых, надо думать, вполне обеспечен?!

Но этого мало, – в письме от 20 января 38 г. Вы пишете:

«Я считал возможным предложить заем половины нужной для издания суммы лишь потому, что убедился, что без этого издание может затянуться на долгие месяцы. И если не сделал этого непосредственно Вам, то целью моей было, зная Вашу щепетильность в денежных делах, поставить Вас перед совершившимся фактом». :

И вот, поставив меня «перед совершившимся фактом», Вы теперь меня попрекаете. Разве я мог бы позволить себе такую ненужную роскошь, как издание книги!

Но самое важное вот в чем: на этом же письме Вашей рукою приписано: «В Лондон я думаю послать В[аши] книги на сто фунтов. Я в этом уверен».

Дорогой Исаак Адольфович, – ведь это обязательство, которое решает все! Мог ли я на него не положиться?

В письме от 15 марта из Парижа Вы пишете (по поводу аванса, о котором я просил): «Как только книга выйдет, я выплю эти 200 экз[емпляров]».

В письме от 21 февр[аля] с.г. из Mégève (Савойи): «человек, котор. обещал мне, очень серьезный, и я уверен, что он эти деньги заплатит».

В письме от 7 марта Вы пишете: «Я уезжаю сегодня утром в Лондон на заседание Акцион-Комитэ⁶, о котором Вам писал. Хочу лишь сказать Вам, что, по моему мнению, нужно во всяком случае напечатать 150 лишних экземпляров, пока не

закончено печатание первого издания». Я так и поступил, но надеюсь на Бога, что Вам платить не придется: стоит это, как оказывается, не 600, а 800 фр[анков].

Когда Вы написали мне, что в Америке у Вас пока нет никого в виду, я решил, что Вас надо освободить от 100 экз[емпляров], которые предназначались для Америки; я написал Фондаминскому, что Вас надо освободить от 100 экз[емпляров], – и не сообщил Вам даже о том. – Я исходил из того, что раз 100 фун[тов] обеспечены, то окуплю все расходы и получу кой-что за большой авторский труд, как Вы того хотели.

Теперь, не получив даже отказа от лица, которое Вы считаете очень серьезным, Вы вдруг заявляете, что книги эти (200 экз[емпляров] по половинной цене!) Вы должны не послать, а сами отвезти, и что это может иметь место только через месяц! Ведь я и Вы, дорогой Исаак Адольфович, оба старики, и нам не идет играть в кошку с мышкой.

Ясно, что Вы можете послать, как всегда писали, и не подвергать меня ненужным волнениям и тревогам. Ведь не очень большой грех написать не очень плохую книгу.

Вчера получил от Фонд[аминского] письмо: «Судя по заказам и запросам, книга очень скоро разойдется».

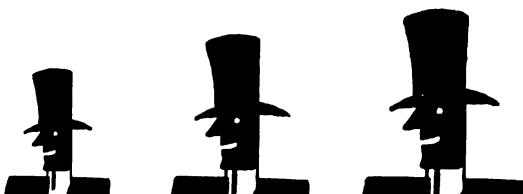
Значит, Бог не без милости, и люди питают еще интерес к тому, что я написал. А ведь это только на основании простого сообщения о предстоящем выходе. А впереди еще рецензия Милюкова, который, как Вы знаете, очень высокого мнения; будут, надо надеяться, одобрительные рецензии и в других повременных изданиях. Но ведь это – музыка будущего, а сейчас реальны лишь сто фунтов, которые подлежат получению через Вас.

Всего хорошего Вам, глубокоуважаемой Анне Самуиловне и всей милой семье от меня и Розы Гавриловны.

Дорогому Борису передайте мой поцелуй, если он его не отвергнет.

Ваш О.Груzenберг

Если Вы все-таки решите книгу отвезти, то она Вам будет доставлена перед отъездом по первому Вашему звонку. А пока примите от меня экземпляр с посвящением.

ПРИМЕЧАНИЯ

До конца 1927 г. Груценберг пишет строго по старой орфографии. С 1928 г. наблюдаются некоторые послабления, в частности – исчезает твердый знак в конце некоторых слов.

В настоящей публикации все переведено на новую орфографию; пунктуация автора соблюдена неукоснительно. Сокращения оригинала, в основном, расшифровываются.

Письмо первое.

1. Груценберг в одних письмах транслитерирует «Гаесод», а в других, как и здесь, передает еврейское начальное латинским h.

2. Брандельс – искаженное (скорее всего, по невниманию) Брандайз. Луис Брандайз (1856-1941) – первый американский еврей, ставший членом Верховного Суда США; активный сионист. В 1920 г. был главным оппонентом президента Всемирной сионистской организации Хaima Вейцмана по вопросу о создании Керен-Гаесод: Брандайз (и американские сионисты в целом) стояли на точке зрения, что сионистское строительство в Палестине должно осуществляться через частную инициативу и частный капитал.

3. Макс Нордау (псевдоним; настоящее имя – Симон Зюдфельд) (1849-1923) – немецкий литератор и врач, уроженец Венгрии, один из основателей Всемирной сионистской организации.

4. Марморек, Александр (1865-1923) – французский бактериолог, известный сионистский (и, шире, еврейский) деятель. Как и Нордау, был противником создания Керен Гаесод.

5. Д-р Темкин – Зиновий Темкин (1865-1942), врач, сионист, многолетний единомышленник и сотрудник Жаботинского; с середины 20-х годов жил во Франции. Возможно, однако, что Груценберг, хорошо знавший Зиновия Темкина как врача (об этом можно судить по письму от 22 мая 1922 г., также хранящемуся в Женеве), назвал его по ошибке – вместо Владимира Темкина (старшего брата Зиновия) – в качестве сиониста гораздо более известного: в начале 20-х годов в Берлине он был членом ЦК организации российских сионистов в эмиграции.

6. Комитет Еврейских Делегаций (1919-1936) действовал при Парижской мирной конференции, а затем при Лиге Наций, представляя интересы еврейского населения во всех странах мира. Груценберг был членом Комитета, заведя, как он выражается сам (см. письмо № 4), «погромным отделом».

7. С ноября 1921 по июнь 1922 Жаботинский находился в США в составе делегации Керен Гаесод. О каких статьях Груценбенга идет речь и где они появились, установить пока не удалось.

Письмо третье

1. Территориалисты – сторонники создания автономной территории с преобладающим еврейским населением в любом месте – не обязательно в Стране Израиля. Они откололись от сионистского движения в 1905 г.

Письмо четвертое

1. Тривус, Израиль (1882-1955) – юрист и литератор, один из самых близких к Жаботинскому людей. В берлинском комитете Керен Гаесод работал в 1921-1923 гг.

2. Хранящиеся в Женеве письма, в том числе письмо И.А. Тривуса к И.А. Найдичу от 25 апреля 1922 г., позволяют проследить в деталях историю ухода Груценberга с поста главы берлинского комитета Керен Гаесод. Подлинною причиной, вопреки тому, что утверждает сам Груценберг, кажется все же не столько его болезнь, сколько поистине болезненная обидчивость.

3. Соколов, Наум (1859-1936) – один из виднейших руководителей мирового сионизма.

4. Моцкин, Лев (Арье-Лейб) (1867-1931) – крупная и важная фигура в международном сионистском движении. Он был генеральным секретарем Комитета Еврейских Делегаций со дня его создания.

5. Алейников, Михаил (1880-1938) – активный российский сионист, член Исполнительного Комитета Всемирной сионистской организации; в эмиграции был заместителем Моцкина в Комитете Еврейских Делегаций.

Письмо пятое

1. Шварцборд, Самуил (1886-1939) – убийца Симона Петлюры (Париж, май 1926 г.). Суд оправдал Шварц-

борда (октябрь 1927 г.), который во время погромов на Украине в Гражданскую войну потерял 15 близких и дальних родичей.

2. Нурук, Мордехай (1879-1962) – раввин и сионист. Был членом парламента независимой Латвии по списку религиозных сионистов. После оккупации Латвии Советским Союзом был арестован, отправлен в лагерь, но выжил и после конца войны смог покинуть СССР. С 1948 г. жил в Израиле и был членом Кнессета до конца жизни.

Письмо шестое

1. Пешехонов, Алексей Васильевич (1867-1933) – лидер партии народных социалистов, близкой к эсерам. После Февральской революции участвовал во Временном правительстве. Выслан из Советской России в 1922 г. Жил в Риге, работал в торговом представительстве СССР, многократно обращался к советским властям с просьбой о разрешении вернуться на родину.

Письмо седьмое

1. После нападения арабов на еврейские кварталы в Иерусалиме, Хевроне, Цфате и других городах подмандатной Палестины в конце августа 1929 г.; эти погромы стоили жизни примерно ста евреям.

2. Эйженс – Еврейское Агентство (Сохнут).
 3. Экзекутива – Исполнительный Комитет Всемирной сионистской организации.
 4. Вальдемарас (правильно – Вольдемарас, Августин) – премьер-министр независимой Литвы в 1927-1929. Говоря (выше) о «происшедшем погроме», Груzenберг имеет в виду антиеврейские беспорядки в Литве в 1929 г.

5. «Агадас-Исрээль» – Агадат Исрээль, массовое движение и политическая партия ортодоксального иудаизма; основана в 1912 г.; до Второй мировой войны занимала позицию крайнего антисионизма.

Письмо восьмое

1. В начале 1934 г. во Франции резко обострилась борьба между крайне правыми группировками, с одной стороны, и социалистами и коммунистами, с другой. Борьба эта выплеснулась на улицы.

2. Action Française – самая значительная из крайне правых группировок. Она сложилась еще в XIX веке, во время дела Дрейфуса; запрещена после освобождения Франции от нацистов.

3. «Последние Новости» – ежедневная газета русской эмиграции, выходившая в Париже под редакцией П.Н. Милюкова.

4. Арлозоров, Хаим (1899-1933) – политический деятель в подмандатной Палестине, один из руководителей Израильской партии труда. Был убит в Тель-Авиве при невыясненных обстоятельствах. По обвинению в убийстве оказались под судом три сиониста-ревизиониста (партия Жаботинского); все трое были, в конце концов, оправданы. Дело Арлозорова долго служило предметом самой ожесточенной полемики между левыми и правыми в сионистском движении.

4. Слиозберг, Генрих Борисович (1863-1937) – русско-еврейский общественный деятель и литератор. Эмигрировал в 1920 г.; возглавлял русско-еврейскую общщину в Париже. В 1933-1934 гг. «Комитет по чествованию 70-летнего юбилея Г.Б. Слиозberга» выпустил в Париже его воспоминания в трех томах под названием «Дела давноМинувших дней. – Записки русского еврея». В томе III (стр. 228-230) Слиозберг дает характеристику Груzenberga. Она настолько любопытна, что грех не привести ее целиком:

«Первое десятилетие настоящего столетия было периодом, с одной стороны, концентрации еврейских общественных сил, поскольку она представлена интелигенцией, а с другой стороны – дифференциацией настроений главным образом в области национального вопроса. В то время, когда представители одного настроения организовывались и объединялись и происходила попытка согласования политической работы представителей разных настроений и, следовательно, организованных, я бы сказал, течений еврейских, некоторые лица с большой общей культурой и весьма теплым отношением к судьбам еврейского народа оставались в стороне от общих организаций, или совсем не выявляли своего отношения к пунктам расхождения разных течений, или же переходили от одного настроения к другому по случайным причинам, или же по причинам, связанным с внутренними настроениями в отношении этих спорных пунктов. Одним из таких лиц, стоявших в стороне от еврейской политической работы разных организаций, был Оскар Осипович Груzenberg, один из самых видных представителей еврейских талантов и дарований.

Груzenberg не получил специально еврейского воспитания в Малороссии, где протекало его юношество и студенческие годы в Киевском университете; не было той среды, в которой восприимчивая и в высокой степени индивидуальная личность Груzenberga могла бы получить какую-нибудь определенную еврейскую шлифовку.

Будучи евреем не столько по воспитанию, сколько по чутью и заложенной в его натуре национально еврейской гордости, он всю жизнь оставался горячим евреем, но обходился без национально-еврейского фундамента. Он поэтому, несмотря на свою деятельность в качестве еврея, деятельность обширную, освещенную свойственным ему талантом и проникнутую горячностью, которая составляла особенность его темперамента, он не представлял собою части культурных элементов в еврействе. Его индивидуальность доминировала над всеми его общественными инстинктами; его душевые струны звучали всегда громко и искренно; но он по природе своей не был приспособлен к совместной работе в области и социальной, и политической с другими деятелями, даже с такими, с которыми у него было много общих точек соприкосновения. И он желал этой изоляции, он всегда хотел быть единственным. Между тем, его дарования были, действительно, исключительны. Он был адвокатом, если можно так сказать, Божьей милостью, адвокатом, в распоряжении которого находился огромный ораторский талант, остроумие и превосходная эрудиция на фоне высокой общей культуры. Эти его особенности, как адвоката, в первые же годы его адвокатской деятельности выдвинули его на одно из первых мест. Как адвокат, Груzenберг имел необычайный успех в суде. Разборчивый в отношении дел, которые он защищал, он умел своей горячей речью убеждать судей. Я едва ли мог бы назвать кого-либо из адвокатов криминалистов, у которых защищаемые ими дела кончались бы таким огромным процентом оправдательных приговоров. Особенно удачны были его выступления в политических процессах и главным образом процессах политически-литературных. Этим объясняется, что Груzenберг завоевал себе особое положение в среде лучших представителей литературы и публицистики. Его дружеские отношения со многими из них – лучшее доказательство успеха, который он снискдал в этих кругах. Короленко, Пешехонов, Милюков и много других, которых было бы долго перечислять, всегда сохраняли с Груzenbergом самые лучшие отношения. Но свойственный ему индивидуализм делал его не всегда легким для общения даже с его товарищами по профессии. В области европейской национальности Груzenберг был далек от того, что принято называть «национализмом», даже в смысле культурном. Свободолюбивый, истинный демократ, он, однако, не мог никак нивелироваться настолько, чтобы стать более или менее активным участником какой-либо определенной группы или организации, или партии. О групповой, кружковой или партийной дисциплине нельзя говорить, оценивая Груzenberга, как нельзя говорить о брюнете, который превращался бы немного в блондина вследствие общения с другими. Но вместе с тем никто из выдающихся адвокатов не привыкал к себе всеобщего внимания, как именно индивидуалист Груzenberг. Такие люди, как О.О. Груzenberг, не создают типа и не могут служить символом эпохи.

Всякие попытки вовлечь Груzenberга в какую-нибудь общую общественно-политическую работу не приводили к результату. И поэтому Груzenberг не принимал непосредственного участия во всех наших начинаниях, исходивших от разных организаций русского еврейства. Но он был на первом месте, где нужно было защищать честь еврейского народа – так в деле о Кишиневском погроме, в деле Бейлиса и во всех многих других случаях.»

Словно нарочно, словно желая подтвердить суждение Слиозberга о нем, Груzenberг напечатал в «Последних новостях» (№ 5923, 13 июня 1937 г.) некрологическую статью «Памяти Г.Б. Слиозberга», полную безудержных восхвалений покойному.

Письмо девятое

1. Речь идет о мемуарах Груzenberга «Вчера», вышедших по-русски в Париже в 1938 г.
2. Фондаминский, Илья Исидорович (1880-1942) – эмигрантский публицист (печатался под псевдонимом Бунаков), один из редакторов парижских «Современных Записок», главного «толстого» журнала русской эмиграции.
3. Внучка Груzenberга Нелли жила с дедом и бабкой: мать ее, Софья Оскаровна, бывшая замужем за Б.Ю. Прегелем (братьем известной в эмиграции поэтессы Софьи Прегель), умерла в 1932 г. в Берлине.

Письмо десятое

1. Груzenberг цитирует самого себя: «Нечего себя обманывать: всегда были две России. Одна – с «Боже, царя храни» или «Долой самодержавие», с тюремщиками и жертвенной интеллигенцией, разбивавшей свою личную жизнь, чтобы из осколков ее склеить народное счастье» («Вчера», Париж, 1938, стр. 27). Видимо, ему очень нравилась эта риторическая находка, раз он перенес ее дословно в совершенно иной контекст.
2. Блюм, Леон (1872-1950) – французский государственный деятель, социалист: возглавлял правительство Народного фронта (1936-1937); в марте 1938 г. (после захвата Гитлером Австрии) пытался образовать правительство широкого национального единства, но безуспешно.
3. В очерке И.Л. Цитрона, упоминаемом во введении к настоящей публикации, сказано: «... В Лондоне определилось тяжкое нервное заболевание, в результате несчастного случая, его единственного сына Юрия, служившего летчиком в английской армии» (ук. соч., стр. 54).
4. В декабре 1937 г. (устанавливается по «женевским» письмам, не вошедшими в данную публикацию).
5. Т.е. в Комитет Еврейских Делегаций, многократно упоминаемый в предыдущих письмах.
6. Акцион-Комитэ – еще одно название Исполкома Всемирной сионистской организации. ●

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ И ФОТОГРАФИЯХ

МАРКУСЪ ЛАЗАРЕВИЧЪ И ФЕДОСЬЯ ЗАХАРОВНА
ЦАЛКИНЫ,

ВЪ ДЕНЬ ВРАКОСОЧЕТАНИЯ СЫНА СВОЕГО

ЮСИФА МАРКОВИЧА съ дѣвицею ЭСЭИРЬЮ ИЗРАИЛЕВНОЙ
ДУБИНОВСКОЙ,

искорнииши просимъ Вашъ пожаловать на балъ и се-
черній столъ сего 21-го марта 1889 года.

Вѣчаніе имѣть быть въ Синагогѣ, что на Солянкѣ, ровно
въ 6 часовъ вечера; балъ на Нѣмецкомъ рынкѣ, д. Ершова.

Адресъ для телеграммъ: Дубиновъ рабочъ, д. Ершова.

Из архива А. Цалкиной

• • •

ВЪ ВИДУ ПРЕДСТОЯЩИХЪ ВЪ БЛИЖАЙШЕМЪ
ВРЕМЕНИ (проблажительно въ ювѣ или іолѣ мѣсяцахъ)
ВЫБОРОВЪ НА ДОЛЖНОСТЬ СИМФЕРОПОЛЬСКАГО
РАВВИНА, еврейская община выставляетъ слѣдующія требо-
ванія отъ кандидатовъ на означенную должность: высшее общее
образованіе, основательное знаніе северскаго богословія и
исторіи и обладаніе ораторскимъ искусствомъ.

Жалованье 3,000 руб. въ годъ, безъ права взиманія
платы за совершение религіозныхъ требъ и метрическихъ записей,
доходъ съ которыхъ поступаетъ въ пользу общины.

Здѣсь же ИМѢЕТСЯ ВАНАНСІЯ на должностіи НАНТОРА
главной хоральной синагоги съ жалованьемъ 1,200 руб. въ годъ.

Съ письмами обращаться въ Духовное правленіе главной
хоральной синагоги.

Отъ имени всѣхъ Духовныхъ Правленій гор. Симфе-
рополя Духовное Правленіе Синагоги. 349—6—3

1905 г.

• • •

Памятная доска, сохранившаяся с 1905 г.
Улица Стиклю, Вильнюс, Литва.

• • •

Бх. № 8385.

Минскъ. Предсѣдателю Комитета Земскаго Союза Западнаго фронта
Вырубову. Коня *Снабзапъ*, копія *Оренбургъ*, копія *Бѣлгеву*.

Изъ Ставки 19/1.
Отъ Алексѣева 814.

По требованію военнаго начальства пропу распоряженія немедленномъ увольненіи изъ сформированныхъ Инженерно-Строительныхъ Дружинъ всѣхъ безъ исключенія евреевъ и недопущенія ихъ впередъ какъ въ существующе такъ и вновь формируемыя дружинныя точка. Если безъ евреевъ обойтись безусловно нельзя, въ такомъ случаѣ признаю наиболѣе цѣлесообразнымъ отъ помощи такихъ дружинъ совершенно отказаться точка.

Послѣдующемъ благоволите меня уведомить.
814 Алексѣевъ.
Вѣрио: (подпись).
33/Е

24 Ставка Ген. Алексѣеву.

Вернулся 24 №814 пропалъ къ исполненію В: Вырубовъ.

1916 г.

• • •

SIJOJE VIETOJE 1941-1942 m. FAISTAI
SUSAUDĘ DAUGIAU KAIP 15 000 TARYBINIU
PILIECIŲ. 1944 m. RUGPIÜCIO MËN. TIRIANT
DUOBĖ, RASTA 12 000 NESUDEGINTŲ LAVONŲ.

НА ЭТОМ МЕСТЕ В 1941-1942 г. ФАШИСТЫ РАССТРЕЛИЛИ СВЫШЕ 15 000 СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН. В АВГУСТЕ 1944 г. ПРИ ВСКРЫТИИ ЯМОЙ ОДНОУЖЕНО УДАЛО СЧЕСТЬЮ ТРЕХ КОВ.

ИЗВЕСТИЯ

СОВЕТОВ
ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ
С С С Р

№ 10 (11081)

ВТОРНИК

13

ЯНВАРЯ

1953 г.

Цена 20 коп.

Шпионы и убийцы под личиной ученых-врачей

Сегодня публикуется хроника ТАСС о скрытии и аресте органами государственной безопасности террористической группы врачей, ставивших своей целью тем вредительского лечения сократить изъян активным деятелем Советского юза.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми агентами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье. Используя свое положение врачей злоупотребляя доверием больных, участники террористической группы преднамеренно злодейски подрывали их здоровье,ышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствующие действительному характеру их заболевания, а затем неправильным лечением убили их.

В числе участников этой подлой банды гид — профессора- врачи Вовси, Винодов, Боган М., Боган Б., Егоров, Фельдман, Этингер, Гринштейн, врач Мадоров.

листы, в
сийской ра-
Радоблач-
наносит
злодейски
Патрио-
ников, га-
примских
тируя, неу-
ность, все
Силы и о-
ства.

Успехи
ства в СССР
родом под
Сталина,
исторически
войной вой-
рова, также
ский народ
далеешем
экономики и
На быка б
из этих фаз
нашего наро-
дительства

Большинство участников террористической группы — Вовси, Б. Боган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие запростили свою душу и тело филиалу американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт». Многочисленными неопровергнутыми фактами полностью разоблачено отвратительное лицо этой прикрывающейся маской благотворительности грязной шпионской сионистской организации.

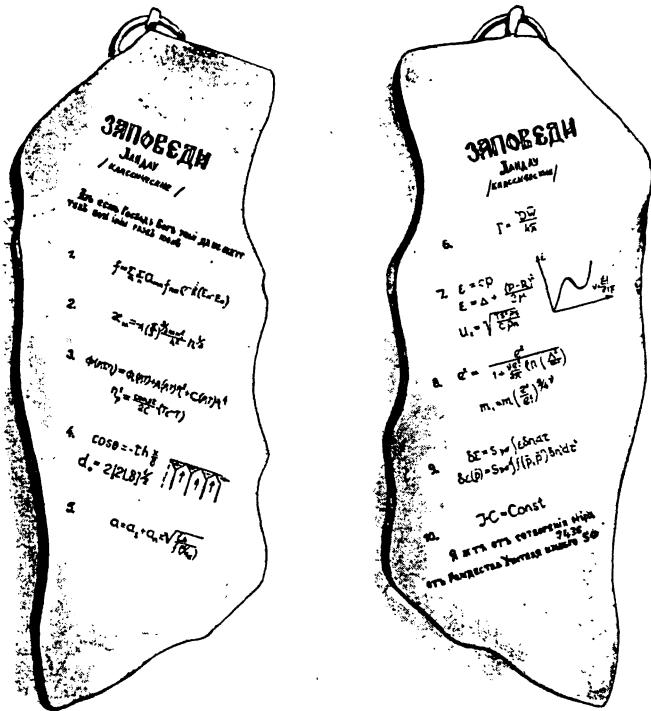
Установлено, что профессиональные шпионы и убийцы из «Джойнта», используя в качестве своих агентов растленных еврейских буржуазных националистов —руковоюством американской

борам в мес.

Согласно

Москва, 1953 г.

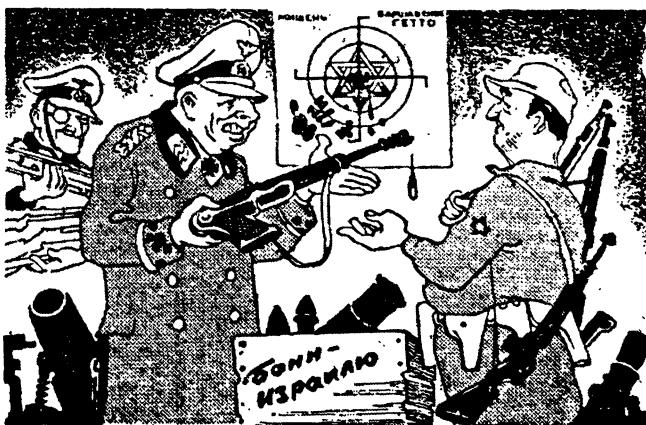

Десять заповедей Ландау

«Мраморные скрижали», преподнесенные академику Льву Ландау (в день пятидесятилетия) академиком Исааком Кикоиным.

1958 г.

• • •

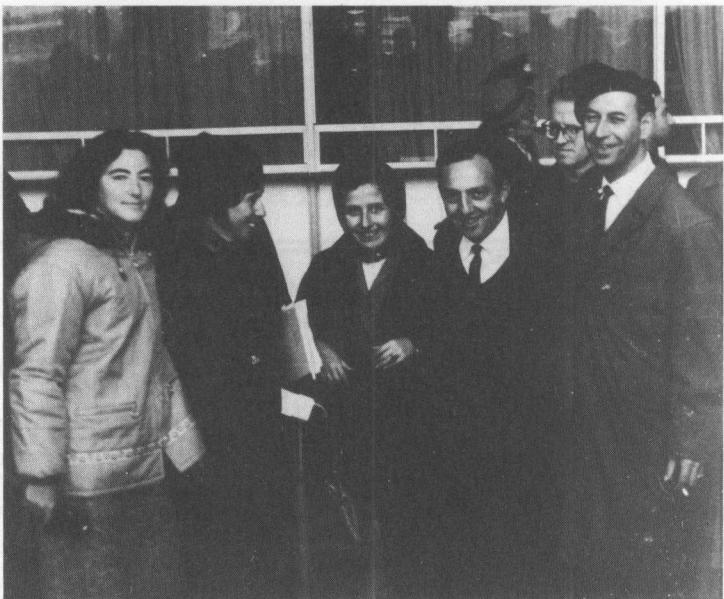

— Рекомендую — отличное оружие! Проверено, опробовано и пристреляно в Освенциме, в варшавском гетто...

Рис. В. Фомичева

Известия,

12 ноября 1964 г.

Слева направо:
Зина Бродецкая, Рут Александрович
Хавкин, Давид Драбкин.
Москва, октябрь 1969 г.

Проводы «отца русской алии» Давида Хавкина. Слева направо: Тина Бродецкая, Рут Александрович, Давид Хавкин, Давид Драбкин.
Москва, октябрь 1969 г.

• • •

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 18, 3 мая 1987 г.

НЕ МЕШАЙТЕ НАМ ЖИТЬ!

Обращение к государственному секретарю США Дж. Шульцу

В связи с недавним визитом в Москву секретаря США Дж. Шульца русско-еврейской национальности направляемое касающиеся подхода Соединенных Штатов к так называемому западных стран к так называемому эмиграции из СССР. Поскольку эти ответы и никаких сообщений о них Запада не появилось, редакция «МН» заполнить эту часть «информации взаимоотношениях между Востоком и западными странами» и обратиться внимание читателей полученное от автора, ^{нас} ^{для} ^{обращение} к госсекретарю США академика Виталия Гольданского.

Уважаемый господин Шульц!

Как мне стало известно, среди вопросов, которые Вы предполагаете обсудить с советским руководством во время своего визита, числится и вопрос об эмиграции евреев из СССР.

Вот собой проявление нового политического мышления во внешней (путь к безъядерному миру) и во внутренней (демократизация и гласность) политике, встречает наше горячее сочувствие и поддержку, все, что стремится ей помешать,— наше резкое осужде-

По существу, злейшим ^{перестройки}, можно сказать, плюющим воду на активников, выступают сейчас известного «письма десяти недавно в «Московских нов

недавно» в Израиль», несущим фактически оседают затем в других странах), ^{же} о нескольких тысячах граждан еврейской национальности, которые желают или пожелают выехать, причем постепенно близится своеобразное, как говорится в физике, динамическое равновесие, когда число стремящихся уехать сравняется с числом рвущихся обратно в Советский Союз.

В 1985 г., что делают затем в 1986 г., речь может идти о нескольких тысячах граждан национальности, которые ждут выехать, причем постепенно близится равновесие, когда число стремящихся уехать сравняется со числом рвущихся обратно в

У нас нет сомнения в том, что в менном этапе жизни и общества — в условиях перестройки, гласности — все нерешенными эмиграционными проблемами.

CONTENTS

A Word From The Editor:

JEWS FLEE FROM RUSSIA

Only yesterday these people emigrated, leaving the USSR with varying degrees of trouble, but knowing clearly where they were headed, and what they were leaving behind. Today, they are fleeing without a thought or a backward glance, with no illusions and without trying to hide their grief... Why are those who, some five to ten years ago, made a conscious decision to remain in the Soviet Union, now seeking to emigrate at any cost? Why do they not wish to remain in a country which is much more liberal and open than it was under Stalin, Khruschev and Brezhnev? Why are they undeterred by the possibility of living in a society in which institutionalised anti-Semitism will wane, and there could be a real opportunity to recreate national institutions and culture, to maintain contacts with fellow-nationals abroad? Is the total disappearance of Jews from Russia possible? And how would that reflect on the moral and spiritual state of Russian society, on its cultural life, its economy, what will happen to Israel and, most importantly, what will be the fate of Russian Jewry? What must and should we do to help the refugees and those who remain behind, in order to preserve at least a part of the Russian Jewish heritage?

Jews and Russia

Anatoli Akhutin (Moscow)

FREE OF «SMALL NATION»...

What does the «humane liquidation» of Jews mean for the moral condition of our society, and who needs Russia without her Jews?

We are faced with a demographic upheaval: on the one hand, we are losing people of a Western orientation, who are civilised at least to some degree. On the other hand, we see a growing mass of people abandoned by the state to their fate, people who are easily prone to ideological influence and aggressively inclined. Permanent demographic revolution, accompanied by a breakdown of civilised institutions, is a basic requirement for a totalitarian regime. Nationalist-patriots of all hues may profess the ideology of fundamentalism, even the Russian Orthodox faith, but their roots are grounded in Stalinist Nazism. It is this common denominator which unites the neo-bolsheviks of Nina Andreyeva's «Unity», *Komsomol* nationalists, war veterans, hack artists, Orthodox neophytes, literary dinosaurs and simplistic hoodlums from «Pamyat». We are bound to Jews with the strongest of ties, and is their exodus from Russia not a sign of divine censure?

Recent and distant history

Grigori Aronson (1968-1987)

FROM FEBRUARY TO OCTOBER

(Jewish social life between February and October 1917)

«The fall of the monarchy and the proclamation of the foundations of a democratic state were seen by all strata of Jewish society as the beginning of a new era in the history of the long-suffering Russian Jewry. With the coming of February 1917, a new life began for Russian Jews.» Alas, it was short-lived. From October of the same year it began to decline, and then ceased to be altogether...

Nevertheless, an outline of the social and political life of that brief period is of great interest, for Russia is currently undergoing another vast historical upheaval, and its Jewish citizens are faced with the same problems they encountered in 1917.

Vladimir Porudominsky (Moscow)

PINYA FROM ZHMERINKA AND OTHERS

(1953 Press Review)

In the winter of 1953, no newspaper was complete without a feuilleton about some Jew. These satirical articles set out to convince the reader that he was surrounded by a swarm of enemies, fiends, whose main aim was to fool him and seduce him into shady machinations. «... The reader was made to feel an almost physical presence of a ubiquitous foe, who was invariably a Jew. Ergo, a Jew was automatically perceived as an enemy.»

Russian Jews in the modern world

Raphael Shapiro (Jerusalem)

WITH NO RETURN TICKET

(The exodus and the future of the Israeli State)

Are we not seeing the latest surge of emigration from the USSR as an Exodus, that very Exodus which «shall basically change the situation of Jews in the world, the balance of forces in the Soviet Union and in the Middle East?» What is the potential of the Exodus, will it lead to qualitative social changes in Israel? How can the immigrants from the USSR be absorbed when their numbers total fifty percent of the current Israeli population?

Leo von Dau (Heidelberg)

NEW EUROPE AND OLD JEWISH PROBLEMS

The national minorities of Eastern Europe have emerged as the unwanted children of the changes on the Continent, and Jews – especially Soviet Jews – its victims.

The postwar history of German-Jewish relations has developed so that relations between the two have been effectively replaced by cooperation between the governments in Bonn and Jerusalem. However, «relations between two peoples cannot be restored only by working cooperation between two governments. This can only occur when one nation shows active participation in the life of another.» In this sense, the reunification of Germany on

the one hand, and the tragedy of Soviet Jewry on the other, offers the Germans a real chance... As soon as the peoples of Western Europe broke away from the control of Moscow, their attitude toward Israel, the Middle East conflict and their local Jewish communities changed dramatically. Furthermore, «the new leaders are surprisingly frank in linking better relations with Israel and world Jewry with an expected «shower of gold» which should fall upon the arid fields of Eastern Europe...» What will happen when «dissidents in ministerial armchairs» realise that they have «overestimated the possibilities of Jerusalem and the Jewish lobby in Washington»?

Errant stars

Josif Brodsky (New York)

LET THEM READ PROUST

(*Interview with I. Brodsky*)

About life away from one's land of birth, about severance from one's native tongue, about the fear of «repeating what others have said», about the impossibility of returning to the past, about the future of Russia.

«... There are no instant recipes. One must simply accept that chaos awaits us, and the only thing to do is to preach some kind of moderation...»

Uri Bernstein (Jerusalem)

THRICE EXILED

Hebrew poetry (as distinct from Hebrew prose) did not arise simultaneously with the state of Israel. It is not a part of European tradition, it is a shoot on the trunk of an artificially cultivated tree. The triple exile of a poet writing in Hebrew does not consist of the natural self-exile of a poet, nor in the innate solitude of a Hebrew poet, it is also rooted in the emotions experienced by a poet whose country is changing and disappearing before his eyes.

Shimon Markish (Geneva)

ZHABOTINSKY: 50 YEARS AFTER HIS DEATH

Among the Russian-Jewish intelligentsia, even that part which never broke away from Jewry, the Russian «half» was always more influential than the Jewish, and a Russian-Jewish man of letters bestrode both. Vladimir Zhabotinsky chose another path. Although he retained a close link with his native Russian language all his life, and expressed his innermost thoughts in Russian, he belonged, totally and irrevocably, to the Jewish dimension. One of the main weaknesses of Russian-Jewish literature, it is said, is its dearth of «heights», an absence of great figures which could be likened even remotely to Tolstoy, Dickens, Kafka. Zhabotinsky's work, which has been studied inadequately to date, negates this accusation.

Reviews

Thomas Venclova (New Haven)

WAR AND MYTH*(On Solzhenitsyn's «August 1914»)*

Remarkable is the life of Alexander Solzhenitsyn, great are his creative achievements, enormous is his influence on Russian literature. The author, a professor of Slavic Studies at Yale University, gives a detailed analysis of the literary and intellectual qualities of «August 1914» and reaches the conclusion that this work «is a pathetic failure... the failure of a major writer, who has exchanged literature for ideological sermons and doubtful prophesies.»

E.F. (München)

WHERE ARE YOU, JEWISH LUCK?*(Review of the film JEWISH LUCK by A. Granovsky from the Gorky Film Studios in 1925. The main role is played by Solomon Mikhoels)*

This film has more to recommend it than heart-warming scenes of small town Jewish life and sentimental reconstructions of the lives of great-grandparents: more importantly – it depicts a vanished and forgotten world and the destruction of its culture. This old film resurrects the faces of long-gone actors, the names of writers, artists and directors who once dreamed of Jewish well-being, only to perish at the hand of state executioners, to be tortured in prisons and camps, to be scattered over the face of the earth.

From the archives**OSCAR GRUZENBERG TO ISAAC NAYDICH***(Unpublished correspondence. Foreword and commentary by Sh. Markish.)*

Oscar Gruzenberg – one of the most famous lawyers of imperial Russia towards the end of its existence – gained fame for his defence of the Kiev Jew M. Bayliss, who had been charged with ritual murder. As a leading figure in the Constitutional Democrat movement, he became a senator after the February revolution and devoted enormous energy to changing Russian juridical practice. The October coup d'état forced him to flee abroad. As an emigre, Gruzenberg wrote a great deal, not only for publication in specialised legal periodicals, but mainly for Russo-Jewish newspapers and journals. The selected letters of this prominent Russian-Jewish social activist and man of letters are important documents in Russian history and the history of Russian Jewry in the first quarter of the 20th century.

History in documents and photographs

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Анатолий Ахутин. <i>От «малого народа» свободна</i>	8
Григорий Аронсон. <i>От февраля до октября</i>	23
Владимир Порудоминский. <i>Пиня из Жмеринки и другие</i>	35
Рафаил Шапиро. <i>Без обратного билета</i>	44
Лео фон Дау. <i>Новая Европа и старые еврейские проблемы</i>	51
Иосиф Бродский. <i>Пусть они читают Пруста</i>	58
Ури Бернштейн. <i>Трижды изгнаник</i>	61
Шимон Маркиш. <i>Жаботинский: 50 лет после кончины</i>	64
Томас Венцлова. <i>Война и миф</i>	69
Э.Ф. <i>Где же ты, еврейское счастье?</i>	76
Из архивов. <i>Оскар Груценберг – Исааку Найдичу</i>	80
История в документах и фотографиях	101
CONTENTS	107
СОДЕРЖАНИЕ	111

